

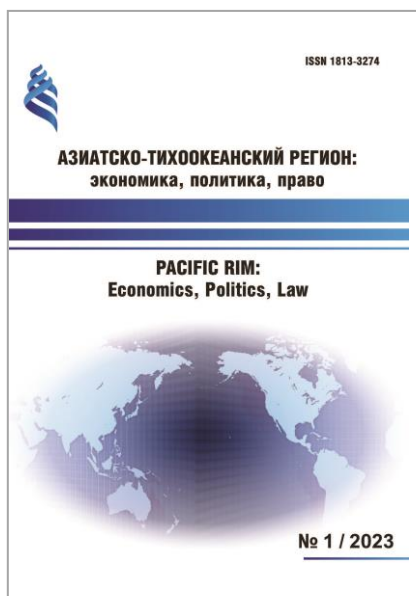
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Научный журнал

Учредитель и издатель:

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

- Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- Подписной индекс 83612
- Журнал включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 10

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
кампус ДВФУ, корп. А, к. А920–923

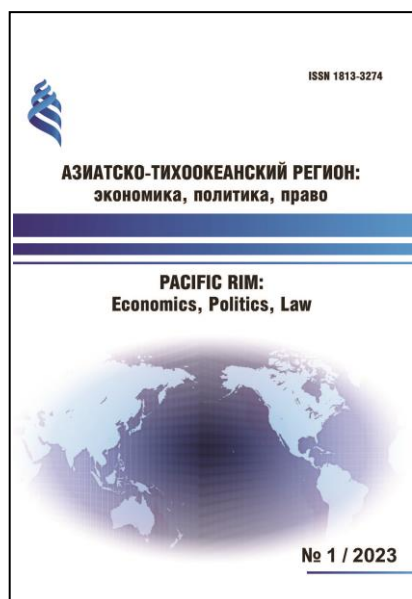
Подписано в печать 28.03.2023.
Тираж 500 экз. Заказ 126.
Дата выхода в свет 26.04.2023.
Цена свободная.

Редактор *Т. Л. Федотова*
Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*
Редактор References *Т. В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

- The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. ФС 77-65746 dated 20.05.2016
- Index 83612
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index (eLibrary), Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich

Printed by the printing house of the
Far Eastern Federal University
Publishing House
690091, Vladivostok, 10 Pushkinskaya str.

Signed for publication 28.03.2023.
The circulation is 500 copies. Order 126.
Release date 26.04.2023.
The price is free.

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A, office A920–923

Editor *T. L. Fedotova*

Translation into English by *N. V. Betancourt*

References editor *T. V. Polikarpova*

Computer layout *S. A. Prudkoglyad*

Председатель редакционного совета журнала

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

КОРОБЕЕВ Александр Иванович заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

ГАВРИЛОВ Вячеслав Вячеславович доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

КУЗНЕЦОВА Наталия Викторовна профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

МАМЫЧЕВ Алексей Юрьевич профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

КОРОЧЕНЦЕВ Владимир Владимирович заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ**
Пётр
Яковлевич академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН**
Виктор
Григорьевич советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ**
Дэвид директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- ВОЛЫНЧУК**
Андрей
Борисович ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КАПУСТИН**
Анатолий
Яковлевич научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ**
Алексей
Сергеевич проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доктор юридических наук, доцент, Москва, Россия
- КУРИЛОВ**
Владимир
Иванович член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ**
Ик Хён вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
- ПАК**
Ноенг профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- ПАНОВА**
Инна
Викторовна профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
- РОГОВ**
Игорь
Иванович заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика

Редакционная коллегия журнала

ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Санкт-Петербург, Россия
ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич	профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia

Alexey S. Koshel	Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russia
Vladimir I. Kurilov	Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Ik Hyeon Rhee	Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
Park Nohyoung	Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
Inna V. Panova	Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
Igor I. Rogov	Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan
Sergey V. Sevastyanov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
Olga A. Tretyak	Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
Fu Kuen-chen	Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
Huang Daoxiu	Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
ЭКОНОМИКА	15
<i>Денисенко В. А.</i> АСЕАН: проблемы оценки эффективности.....	15
<i>Ван Гуанлун.</i> Конкурентная ситуация в сфере финансовых интернет-платформ и её правовое регулирование в Китае.....	27
<i>Будаева С. Б.</i> Изучение потребности в курортном лечении и оздоровлении у отдельных групп населения (на примере отдыхающих на курортах Горячинск и Аршан).....	51
ПОЛИТИКА	59
<i>Панова Е. В.</i> Экологическая политика развитых государств: общее и различие	59
<i>Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю., Мордовцева Т. В.</i> Ментальные основания доверия к институтам государственной власти в российском социокультурном пространстве ...	84
<i>Бардовский А. В.</i> Поворот России на Восток в контексте укрепления региональной и глобальной безопасности в Азии	97
<i>Забровская Л. В.</i> Китай в эпоху Си Цзиньпина: возврат к принципам марксизма.....	106
ПРАВО	121
<i>Абоян А. А., Дремлюга Р. И.</i> Сравнительно-правовое исследование правового режима беспилотных транспортных средств в странах АТР: особенности регулирования в России, Японии, Китае и Сингапуре	121
<i>Нгуен Тхи Хоан.</i> Договор об установлении сервитута по праву России и Вьетнама	141
<i>Усенко С. П.</i> Понятие и признаки уголовно-правового субинститута в контексте логического соотношения института и субинститута права.....	152
<i>Ищенко И. В.</i> Характер и степень общественной опасности преступлений и непроступных деяний: проблемы понятия и критериев определения	165
<i>Землюков И. С., Слесарев А. В.</i> О некоторых особенностях квалификации преступлений, связанных с легализацией наркодоходов.....	180
<i>Крысов О. В.</i> О равной вине должника и кредитора при применении статей 404, 1083 Гражданского кодекса РФ.....	188
ИМЯ В НАУКЕ	199
<i>Чучаев А. И.</i> Три ипостаси В. М. Чхиквадзе	199

Contents

To the Readers	11
ECONOMICS	15
<i>Denisenko V. A.</i> ASEAN: problems of effectiveness evaluation.....	15
<i>Wang Guanglong.</i> Competitive situation in the field of financial internet platforms and its legal regulation in China	27
<i>Budaeva S. B.</i> Studying the need for resort treatment and rehabilitation in individual population groups (by the example of holidayers in the resorts of Goriachinsk and Arshan) ...	51
POLITICS	59
<i>Panova E. V.</i> Environmental policy of developed states: commonalities and differences	59
<i>Mamychev A. Y., Mordovtsev A. Y., Mordovtseva T. V.</i> The mental foundations of trust in the institutions of state power in the russian socio-cultural space.....	84
<i>Bardovsky A. V.</i> Russia's turn to the East in the context of strengthening of regional and global security in Asia	84
<i>Zabrovskaya L. V.</i> China in the era of Xi Jinping: a return to the principles of Marxism	97
LAW	121
<i>Aboyan A. A., Dremluga R. I.</i> Comparative legal study of the legal regime of unmanned vehicles in the Asia-Pacific countries: regulatory features in Russia, Japan, China and Singapore.....	121
<i>Nguyen Thi Hoan.</i> Agreement on the establishment of an easement under the law of Russia and Vietnam.....	141
<i>Usenko S. P.</i> The concept and features of the criminal law substitute in the context of the logical relationship of the institute and the substitute of law	152
<i>Ishchenko I. V.</i> The nature and degree of public danger of crimes and non-criminal acts: problems of the concept and criteria of definition	165
<i>Zemlyukov I. S., Slesarev A. V.</i> About some features of the qualification of crimes related to the legalization of drug proceeds.....	180
<i>Krysov O. V.</i> About the equal fault of the debtor and the creditor in the application of art. 404, 1083 of the Civil code of the Russian Federation	188
NAME IN SCIENCE	199
<i>Chuchaev A. I.</i> Three images of V. M. Chkhikvadze	199

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 28 ноября 2022 года журнал включён в обновленный Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки).

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.2.4. Финансы.

Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

5.5.4. Международные отношения.

Юридические науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID (*без слова ORCID* в формате <https://orcid.org/...>) и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2023
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратные скобки, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: journals.dvfu.ru/ATR

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of November 28, 2022 the journal is included in the updated list of VAK (Higher Attestation Commission) of the following academic specialties:

Economic Sciences:

5.2.1. Economic Theory (Economic Sciences).

5.2.5. World Economy (Economic Sciences).

5.2.3. Regional and Branch Economics.

5.2.4. Finance.

Political Sciences:

5.5.2 Political Institutions, Processes, Technologies.

5.5.3. Public Administration and Sectoral Policies.

5.5.4. International Relations.

Legal sciences:

5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2 Public Law Sciences.

5.1.3 Private (Civil) Law Sciences.

5.1.4 Criminal Law Sciences.

5.1.5 International Legal Sciences.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2023;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUS-SIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 15–26.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 15–26.

ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 327.5(5-12):005.585

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/15-26>

АСЕАН: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Виктория Анатольевна Денисенко

Дальневосточный федеральный университет, Восточный институт –
Школа региональных и международных исследований, г. Владивосток, Россия,
Denisenko.va@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9407-8006>

Аннотация. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии считается одним из наиболее устойчивых региональных объединений мира. В то же время вопрос об эффективности организации остается предметом оживленных дискуссий – во многом вследствие теоретического плюрализма, присущего региональным исследованиям. Однако вариативность результатов оценки успешности АСЕАН и других региональных объединений может быть обусловлена также отсутствием универсального методического подхода к решению данной задачи. В настоящей работе рассматриваются основные подходы к оценке эффективности АСЕАН; анализируется деятельность объединения по традиционным показателям экономической взаимозависимости; также автор указывает на неэкономические критерии оценки. Для анализа используются как количественные индикаторы официальной статистики, так и индексы, рейтинги; автор отмечает недостатки и достоинства подобных способов оценки. Востребованность исследования диктуется необходимостью совершенствования методического инструментария оценки эффективности региональной организации, возрастающими требованиями к АСЕАН как интеграционному объединению. Отталкиваясь от работ российских и зарубежных исследователей, автор подчеркивает, что в современных условиях европейский опыт не может быть единственным критерием качества интеграции; ориентация при анализе неэкономических характеристик АСЕАН исключительно на мерки западных стран может привести к искажению представления об успешности ассоциации. В силу своей специфики интеграционные объединения достаточно неоднородны; вследствие этого при измерении эффективности региональных организаций возможно

использование различных теоретических и методических подходов, – подобное многообразие способствует повышению объективности оценки.

Ключевые слова: АСЕАН, азиатские региональные организации, АСЕАН-скептики, АСЕАН-энтузиасты, оценка региональных организаций, эффективность АСЕАН, региональные организации, показатели эффективности, основные показатели АСЕАН, региональная асимметрия.

Для цитирования: Денисенко В. А. АСЕАН: проблемы оценки эффективности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 15–26. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/15-26>

ECONOMICS

Original article

ASEAN: PROBLEMS OF EFFECTIVENESS EVALUATION

Victoria Anatolievna Denisenko

Far Eastern Federal University, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Vladivostok, Russia, Denisenko.va@dvfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9407-8006>

Abstract. The Association of Southeast Asian Nations is considered one of the most sustainable world organizations. Yet, the effectiveness of the Asian regional institution remains an issue of heated discussion, mainly due to theoretical pluralism commonly found in regional studies. Still, the variations of effectiveness evaluation results of ASEAN and other regional associations can arise from the lack of universal methodical approach to addressing this problem. This paper reviews major approaches to ASEAN effectiveness evaluation; assesses the association activities by conventional economic interdependence indicators. Also, the ASEAN member states have been analysed by a number of non-economic criteria. Both quantitative indicators of the official statistics and indexes and ratings have been used for the analysis; the author highlights pros and cons of such criteria. The disproportion within the ASEAN regional area is emphasized as the key feature reflecting the level of the association effectiveness. The relevance of this study is specified by the need to improve the toolbox of the regional organization effectiveness evaluation; by increasing demands to ASEAN as an integration association. Based on papers of Russian and foreign researchers, the author stresses that, under the present conditions, the European experience cannot be the only criterion for the integration quality; this trend to analyze non-economic features of ASEAN only by western standards can lead to a distorted picture of the association effectiveness. Given their specific features, the inte-

gration associations are fairly multi-faceted, so, the evaluation of the effectiveness of regional institutions may be based on various theoretical and methodical approaches: such diversity ensures sounder assessment.

Keywords: ASEAN, Asian regional institutions, ASEAN sceptics, ASEAN proponents, evaluating regional organizations, ASEAN effectiveness, regional institutions, indicators of effectiveness, ASEAN key indicators, regional asymmetry.

For citation: Denisenko V. A. ASEAN: problems of effectiveness evaluation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 15–26. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/15-26>

Введение

В 2022 г. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) отметила свое пятидесятилетие. По мнению К. Махбубани и Д. Сенга, этому интеграционному объединению стоило бы дать Нобелевскую премию мира, поскольку АСЕАН «принёс мир и процветание» в нестабильный ранее регион, и даже в эпоху растущего экономического пессимизма страны ассоциации сохраняют устойчивые позиции [1, с. 1].

Тем не менее, в настоящее время «путь АСЕАН» имеет как своих сторонников, так и значительное количество АСЕАН-скептиков: отмечается, что объединение оказало положительное воздействие на экономический подъем государств региона [2, с. 121], и вместе с тем утверждается, что сообщество АСЕАН далеко от превращения в «значимую реальность» [3, с. 114]. Среди скептиков распространено мнение о «нерешительности» АСЕАН и проблематичности получения каких-либо выгод участниками объединения. В результате вопрос, насколько успешна АСЕАН, остается по-прежнему дискуссионным.

Методология

В настоящее время региональным исследованиям Юго-Восточной Азии присущ теоретический плюрализм. Для неореалистов существенным доказательством невысокой эффективности АСЕАН является «слабость противостояния» доминированию Китая и проблемы с обеспечением региональной безопасности. Представители неолиберальной доктрины считают, что сотрудничество в данной сфере, продемонстрированное АСЕАН (АРФ), уже показывает ее успешность. Конструктивистский подход подчеркивает положительный эффект АСЕАН, делая в том числе акцент на региональной идентичности как одной из основных причин устойчивости организации: объединяя вокруг общих ценностей и норм, организация снижает накал региональных противоречий. В итоге наличие столь противоположных мнений об оценке роли АСЕАН позволило Кай Хе заявить о несостоятельности большинства теорий международных отношений при анализе АСЕАН [4, с. 194].

Вместе с тем продолжающаяся дискуссионность вопроса во многом связана не только с особенностями теоретических подходов, хотя они и выступают основопола-

гающим фактором, но и со сложностью в целом измерения эффективности международных интеграционных объединений. Очевидно, что международные интеграционные группировки, перефразируя знаменитое высказывание Д. Норта, имеют значение [5, с. 84], играя свою роль в развитии государств-участников региональных объединений. Однако на данный момент отсутствует «базовый подход, работая в рамках которого можно оценить достижения, ошибки или просто бездействие организации» [6, с. 924]. Более того, неясно, какие критерии он должен включать: будут ли это только показатели официальной статистики, «содержательные индексы, отражающие мнения, опыт и оценки пользователей» [7, с. 155], или что-то иное. И имеют ли индикаторы предлагаемых индексов конструктивную валидность, иначе говоря, измеряют ли они то, что намерены измерить [8, с. 37]? В итоге вопрос об эффективности региональной организации по-прежнему порождает споры. Вследствие этого остановимся только на некоторых аспектах оценки самой известной азиатской региональной организации.

Экономическая составляющая деятельности регионального объединения

Как известно, изначально создание АСЕАН было обусловлено исключительно политическими факторами, и только в 1970-х гг. политическая интеграция стала сопровождаться элементами экономической. В настоящее время АСЕАН зачастую рассматривается в основном как экономическое объединение (что, безусловно, не совсем верно). Тем не менее в документах ассоциации отмечается, что движение в сторону полноценного Экономического сообщества АСЕАН достигло значительных успехов. Не все исследователи с этим согласны, однако игнорировать стремительный рост экономической мощи стран АСЕАН было бы совершенно неправильно. Впечатляющие экономические темпы развития и постепенное увеличение количества внутрирегиональных проектов позволяют констатировать, что истина, как обычно это бывает, кроется где-то посередине между этими крайними точками зрения [6, с. 940].

Сегодня исследователи имеют возможность оперировать значительным массивом количественных индикаторов, отражающих те или иные аспекты деятельности АСЕАН. В то же время зачастую наблюдается несопоставимость показателей. Кроме того, некоторые проблемы с панельными данными затрудняют оценку комплексного влияния деятельности АСЕАН на социально-экономическую систему региона посредством эконометрического анализа.

Между тем очевидно, что за 55 лет существования объединения «ядро» ассоциации – группа АСЕАН-6 (Малайзия, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Сингапур, Бруней) – достигло высоких значений ключевых экономических показателей, а Сингапур вступил в «клуб» постиндустриальных стран. Совокупный объем ВВП АСЕАН в 2019 г. насчитывал 3,2 трлн долларов США [9], стабильно высоким остается приток прямых иностранных инвестиций в регион (см. табл. 1), и даже период пандемии не вызвал излишне резкого падения. Казалось бы, этих данных уже достаточно для высокой оценки АСЕАН с позиции экономической успешности.

**Совокупный объём ВВП и прямые иностранные инвестиции
АСЕАН, 2014–2020 гг.**

ASEAN GDP and Foreign Direct Investment, 2014–2020

Показатель	Год						
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Прямые иностранные инвестиции, млрд долларов США	136,1	119,9	98,0	137,0	154,7	160,6	137,3
Совокупный объём ВВП, млрд долларов США	2500	2500	2600	2800	3000	3200	3000

Вместе с тем традиционно экономическую эффективность интеграционных организаций оценивают на основе иных показателей – характеризующих обеспечение экономической взаимозависимости [10, с. 759; 11, с. 26]. Например, одним из ключевых критериев эффективности интеграционной группировки является отсутствие значительной асимметрии уровня социально-экономического развития стран-участников. В этом отношении социально-экономические показатели группы АСЕАН-6 и «новых» членов объединения существенно отличаются не в пользу последних (см. табл. 2). Так, ВВП на душу населения в 2020 г. в Мьянме составлял 1286 долларов США, в Камбодже – 1 528; в то время как в Сингапуре – 59 785 долларов, в Брунее – 25 885, в Малайзии – 10 328 соответственно [6]. Вьетнам, хотя и вступил в АСЕАН в 1995 г., в основном занимает средние позиции, при этом сохранив положительные темпы роста во время эпидемии COVID-19. В то же время, несмотря на снижение ВВП в странах АСЕАН в период пандемии, отмечается некоторая конвергенция уровня экономического развития «старых» стран ассоциации.

Другой показатель эффективности региональной организации – объём торговли между членами ассоциации. И если общий объём торговли товарами АСЕАН заметно увеличился (по сравнению с 2000 г., в 2020 г. значение показателя выросло почти в 3,5 раза), то торговля между странами АСЕАН более стабильна. Так, экспорт и импорт товаров внутри АСЕАН в 2000 г. составил 22,6% и 21,4% общего экспорта и импорта ассоциации; в 2020 гг. – 21,3% и 21,2% соответственно [9]. Весьма маловероятно, что АСЕАН достигнет своей цели удвоения доли внутрирегиональной торговли к 2025 г. Такое незначительное изменение объёма торговли свидетельствует об уязвимости интеграционных процессов в регионе.

Кроме того, при оценке результативности интеграционной группировки часто используются характеристики, отражающие реализацию общих инфраструктурных

проектов. Безусловно, в АСЕАН предпринимаются определенные действия по углублению интеграции. Еще в 2010 г. на 17 саммите АСЕАН был утвержден Генеральный план взаимосвязанности АСЕАН (MPAC 2010, затем MPAC 2025), предполагающий постепенное объединение инфраструктуры стран ассоциации. При этом реализация плана взаимосвязанности сталкивается со многими проблемами, в том числе финансовыми. Но вместе с тем были достигнуты и успехи. Характерным примером успешной деятельности является строительство железной дороги между Сингапуром и Куньмином (КНР) через восемь государств. Известны также проекты по развитию транспортной инфраструктуры в Зоне Большого Меконга, по строительству Единой энергосистемы АСЕАН. Следует отметить и тот факт, что рост сети наземной транспортной инфраструктуры АСЕАН за период с 2010 по 2020 гг. составил 80% [9], причем лидерами в этой сфере выступают как беднейшие, так и богатейшие страны ассоциации. Однако социально-экономический разрыв между «старыми» и «новыми» участниками АСЕАН пока остается еще достаточно значимым.

Таблица 2

Динамика ВВП на душу населения в странах АСЕАН, долларов США

GDP per capita (USD) by ASEAN Member States

Страна	Год						
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Бруней	41521	31385	27435	28256	30668	29343	25885
Камбоджа	1122	1190	1257	1402	1539	1663	1528
Индонезия	3527	3347	3598	3871	3924	4182	3929
Лаос	1949	2161	2341	2456	2580	2645	2636
Малайзия	10989	9603	9441	10045	11072	11184	10328
Мьянма	1275	1140	1221	1260	1423	1229	1286
Филиппины	2981	3015	3083	3133	3235	3483	3324
Сингапур	57562	55646	56828	60922	66173	65232	59785
Таиланд	6078	5973	6129	6752	7467	8000	7362
Вьетнам	2041	2099	2203	2374	2527	2711	2785
АСЕАН	4103	3932	4086	4364	4610	4818	4533

В целом можно констатировать, что, несмотря на сохраняющуюся чрезвычайно высокую степень неоднородности стран Юго-Восточной Азии, деятельность региональной организации по формированию и развитию экономического сообщества в определенной мере результативна. В итоге можно охарактеризовать экономическую эффективность АСЕАН как умеренную. Однако следует отметить, что подобная оценка в некотором роде условна и, возможно, противоречит результатам, полученным на основе иного методического подхода.

Политическая успешность АСЕАН

Что касается не экономических критериев, то при попытке оценки эффективности региональной организации зарубежные исследователи, как правило, отталкиваются от таких критериев, как характеристики государственного управления, легитимность, уровень развития демократии, политических и гражданских свобод. И здесь мы сталкиваемся с откровенным скептицизмом многих исследователей в отношении АСЕАН: «регионализм, продвигаемый АСЕАН, и связи, навязанные Западом, не способствуют демократическим изменениям» (Марк Бисон и Келли Джерард, Австралия); «АСЕАН мало влияет на формы, которые принимают режимы в Юго-Восточной Азии» (Томас Пепински, США); «хотя страны Юго-Восточной Азии открыли свои двери, чтобы приспособиться к примату прав человека, смоделированному Западом, реализация все еще идет медленно; страны региона находятся в центре двух противоположных норм в области прав человека» (Хиро Кацумата, Япония) [12]. Подобные резкие суждения объясняются следующим.

В настоящее время для оценки качества функционирования политических институтов различные международные организации проводят ряд исследований, по итогам которых составляются рейтинги стран мира. Широко известны рейтинг «Свобода в мире», проект «Многообразие демократии» и другие, с помощью которых пытаются, в какой-то мере, оценить успешность региональных организаций. В качестве методов сбора данных используются опросы общественного мнения, анализ публикаций СМИ, отчетов НПО, экспертные мнения.

Любопытно, что в соответствии с этими исследованиями ни одна из стран-участниц Ассоциации стран Юго-Восточной Азии не имеет статус демократического государства. Так, Сингапур, согласно рейтингу «Freedom in the World» 2022 г., является «частично демократическим» государством, Бруней и Вьетнам – «несвободными» [13]. При этом Сингапур, как правило, является движущей силой региональной интеграции и, одновременно, мощным финансово-экономическим ядром объединения. Бруней – небольшое, но достаточно богатое государство региона, Вьетнам уверенно стремится к средним позициям внутри АСЕАН. И если введение в 2017 г. султаном Брунея законов шариата действительно не является демократическим шагом, то в отношении оценки ситуации в некоторых других странах региона возникают вопросы. Очевидно, что методика подсчета, используемая в данном рейтинге, явно несвободна от недостатков: политический компонент измерения превалирует над научным. Характерным примером определенной субъективности рейтинга «Freedom in the World» 2022 г. является тот факт, что Ирак имеет большее количество баллов (29 баллов), чем Россия (19 баллов).

Кроме того, хорошо известен проект «Качество государственного управления». Это глобальное исследование стран мира по показателю эффективности государ-

ственного управления. Методический подход данного исследования основывается на использовании шести индексов, отражающих различные характеристики государственного управления. В частности, согласно данному исследованию, в большинстве стран АСЕАН граждане не могут действительно свободно участвовать в выборе своего правительства, а также свободно выражать свое мнение. При этом весьма неудовлетворительное положение наблюдается в Лаосе, Вьетнаме, Камбодже, Мьянме и Таиланде. В то же время в отношении коррупционной составляющей положение в странах АСЕАН более благополучно (лидер – Сингапур, который, согласно рейтингу, также является наиболее политически стабильным регионом государства) [14].

Что касается иных индексов, отражающих качество государственного управления, то результаты исследования также не демонстрируют высокие значения показателей. Вместе с тем наглядный пример Сингапура показывает, что модель, обусловленная особенностями исторического развития восточных обществ, может быть достаточно эффективной. В итоге ориентация при анализе неэкономических характеристик АСЕАН исключительно на мерки западных стран может привести к искажению представления об успешности ассоциации.

Для оценки успешности АСЕАН в сугубо политическом плане вполне возможно использование качественных характеристик. Однако в результате складывается весьма противоречивая картина. И речь не идет о том, что АСЕАН, как считают некоторые исследователи, представляет собой только лишь «разговорный клуб» (talking shop). Во-первых, существует явная несогласованность между официальной риторикой АСЕАН и практическими итогами ее деятельности. Государства АСЕАН регулярно декларируют значимость развития сотрудничества в тех или иных сферах, при этом продолжая отстаивать собственные интересы, решая собственные краткосрочные задачи в ущерб долгосрочным целям развития региона. Во-вторых, склонность АСЕАН к игнорированию развития наднациональных органов, отсутствие общей позиции по территориальным спорам и наличие в регионе иных серьезных угроз региональной безопасности также ослабляет позиции Ассоциации стран Юго-Восточной Азии на мировой арене.

Хорошо известны весьма существенные в мировом масштабе успехи АСЕАН, в том числе связанные с поддержанием региональной безопасности. Однако в целом деятельность АСЕАН по политической интеграции нельзя считать безусловно высокоэффективной. Основной причиной этой ситуации являются не только указанные выше факторы. На успешность АСЕАН влияет активное воздействие внерегиональных акторов: Юго-Восточная Азия выступает зоной столкновения интересов США и КНР. Китай является ключевым торговым контрагентом АСЕАН. Однако Китай, по мнению профессора Ш. Нарина, готов использовать разногласия внутри АСЕАН [14]. США уступают КНР по уровню развития экономических связей, однако военно-политическая составляющая «стратегического партнерства»

США и стран ассоциации более чем заметна. Очевидное напряжение между США и КНР принуждает АСЕАН к активизации деятельности по направлению происходящих политических и экономических процессов в выгодную или приемлемую для себя сторону. АСЕАН должна подготовиться к «многополярному региональному порядку, в котором Соединенные Штаты являются гораздо более ненадежным субъектом и, возможно, опасно дестабилизирующей силой» [3]. В итоге необходимость балансирования между двумя великими державами и «особое место» Индии во внешней политике некоторых стран Юго-Восточной Азии заметно ослабляют результативность АСЕАН. Что касается РФ, то уровень взаимодействия между Россией и АСЕАН не настолько высок, чтобы оказывать значимое воздействие на ситуацию. Однако и в случае сохранения текущего положения, и при усилении конфронтации между США и КНР в регионе у АСЕАН имеются возможности и инструменты, позволяющие сохранить статус самой успешной азиатской региональной организации.

Заключение

Таким образом, можно выделить как заметные успехи АСЕАН, так и определенные сложности в выполнении заявленных целей организации. В настоящее время АСЕАН является, с одной стороны, действительно устойчивым и результативным примером региональной организации. С другой стороны, асимметричность образования и связанные с ней внутренние угрозы безопасности, тлеющие очаги территориальных конфликтов делают аргументы АСЕАН-скептиков все более убедительными. Ситуацию осложняет зачастую несогласованная реакция на влияние внешних факторов, особенно на фоне противоречивых взаимоотношений Китая и США. Но в ответ на столь серьезные угрозы в АСЕАН растет понимание, что будущее ассоциации зависит от его консолидации в решении проблем, прежде всего внутрирегиональных.

Что касается особенностей методических подходов к оценке АСЕАН, то очевидная дискуссионность вопроса значительно усложняет решение подобной задачи, но способствует расширению границ научного поиска. Использование количественных характеристик для оценки экономической результативности международных интеграционных организаций имеет преимущества, которые позволяют в какой-то мере повысить объективность измерения. Однако при этом значительно увеличиваются интеллектуальные и временные затраты. Применение различных индексов и рейтингов для характеристики деятельности региональной организации позволяет учитывать общественное мнение и мнение экспертов, но может быть подвергнуто серьезной критике. К тому же необходимо вспомнить о человеческом факторе: насколько высока квалификация экспертов, участвующих в подготовке индексов? Возможно, одним из вариантов решения проблемы стал бы интеграль-

ный показатель, объединяющий как количественные экономические характеристики, так и качественные оценки со стороны населения.

Кроме того, долгое время в литературе, посвященной региональным интеграционным образованиям, в роли «мерила» их результативности выступал ЕС. Но в современных условиях кризиса «старого» миропорядка европейский интеграционный опыт более не может быть единственным критерием качества. АСЕАН является принципиально иным типом интеграционного объединения, чем ЕС; участники Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, в отличие от европейцев, не стремились к передаче части суверенитета наднациональным органам. Тем не менее, за годы своего существования АСЕАН достигла значительных успехов как в плане экономического, так и в отношении политической составляющей интеграции, хотя с формальной точки зрения политическая результативность ассоциации несколько ниже. Значительный вклад в мировую политическую культуру («путь АСЕАН»), создание и успешное функционирование асеаноцентричных институтов безопасности (в первую очередь АРФ), а также адекватная реакция на изменения на международной арене свидетельствуют об успешности Ассоциации стран Юго-Восточной Азии как региональной организации. Это позволяет утверждать, что в силу своей специфики интеграционные объединения достаточно многогранны, поэтому при измерении эффективности региональных организаций возможно использование различных теоретических подходов.

Список источников

1. Mahbubani K., Sng J. *The ASEAN Miracle: A catalyst for peace*. [S. l.], Ridge Books, 2017. 286 p.
2. Acharya A. *Constructing a security community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order*. Abingdon: Routledge, 2014. 314 p.
3. Narine S. *The New ASEAN in Asia Pacific and beyond*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers Inc., 2018. 308 p.
4. Kai He. Does ASEAN Matter? *International Relations Theories, Institutional Realism, and ASEAN* // *Journal Asian Security*. 2006. Vol. 2, iss. 3. P. 189–214.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
6. Stubbs R. ASEAN sceptics versus ASEAN proponents: evaluating regional institutions // *The Pacific Review*. 2019. Vol. 32, iss. 6. P. 923–950.
7. How (not) to measure Russian regional institutions / A. Baranov, E. Malkov, L. Polishchuk, M. Rochlitz, G. Syunyaev // *Russian Journal of Economics*. 2015. No. 1. P. 154–181.
8. Thomas M. What do the worldwide governance indicators measure // *The European Journal of Development Research*. 2010. Vol. 22, iss. 1. P. 31–54.
9. *ASEAN Key Figures 2021*. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2021. 86 p.

10. Venables A. J. Winners and losers from regional integration agreements // *Economic Journal*. 2003. No. 113 (490). P. 747–761.
11. Knetter M. M., Slaughter M. J. Measuring product-market integration // *Topics in Empirical International Economics*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2001. P. 15–46.
12. *Routledge Handbook of Southeast Asian Democratization* / ed. by W. Case. London: Routledge, 2015. 476 p.
13. Global Freedom Status. URL: <https://freedomhouse.org/explore-the-map?type=fiw&year=2022>.
14. Worldwide Governance Indicators. URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/>.

References

1. Mahbubani K., Sng J. *The ASEAN Miracle: A catalyst for peace*. [S. l.], Ridge Books, 2017. 286 p.
2. Acharya A. *Constructing a security community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order*. Abingdon: Routledge, 2014. 314 p.
3. Narine S. *The New ASEAN in Asia Pacific and beyond*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers Inc., 2018. 308 p.
4. Kai He. Does ASEAN Matter? *International Relations Theories, Institutional Realism, and ASEAN*. *Journal Asian Security*, 2006, vol. 2, iss. 3, pp. 189–214.
5. Nort D. *Institutions, institutional changes and the functioning of the economy*. Moscow: Nachala Press, 1997. 180 p. (In Russ.).
6. Stubbs R. ASEAN sceptics versus ASEAN proponents: evaluating regional institutions. *The Pacific Review*, 2019, vol. 32, iss. 6, pp. 923–950.
7. Baranov A., Malkov E., Polishchuk L., Rochlitz M., Syunyaev G. How (not) to measure Russian regional institutions. *Russian Journal of Economics*, 2015, no. 1, p. 154–181.
8. Thomas M. What do the worldwide governance indicators measure. *The European Journal of Development Research*, 2010, vol. 22, iss. 1, pp. 31–54.
9. *ASEAN Key Figures 2021*. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2021. 86 p.
10. Venables A. J. Winners and losers from regional integration agreements. *Economic Journal*, 2003, no. 113 (490), pp. 747–761.
11. Knetter M. M., Slaughter M. J. Measuring product-market integration. *Topics in Empirical International Economics*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2001. pp. 15–46.
12. Case W., ed. *Routledge Handbook of Southeast Asian democratization*. London: Routledge, 2015. 476 p.
13. Global Freedom Status. URL: <https://freedomhouse.org/explore-the-map?type=fiw&year=2022>.
14. Worldwide Governance Indicators. URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/>.

Библиографический список

1. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / Л. Е. Васильев, А. С. Воронин, Е. В. Кобелев [и др.]. М.: ИД ФОРУМ, 2010. 368 с.
2. Гладченко Л. Проект «Сообщество АСЕАН»: проблемы региональной интеграции на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 4 (37). С. 121–137.
3. Канаев Е. Факторы успешности АСЕАН и конституирование Большой Евразии // Международные процессы. 2017. Т.15, № 3. С. 81–89.
4. Кынев А. В. Качество региональных политических институтов: попытка измерения // Политическая наука. 2017. № 4. С. 259–282.
5. Acharya A. Asian regional institutions and the possibilities for socializing the behavior of states. Mandaluyong City, 2011. No. 82. 34 p. (ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration).
6. Pekkanen S. M. Asian designs: Governance in the contemporary world. Ithaca: Cornell University Press, 2016. 400 p.
7. Venables A. J. Regional integration agreements: a force for convergence or divergence? World Bank. Policy. Research working paper. WPS 2260. Washington, DC: World Bank, 1999. 36 p.

Информация об авторе

В. А. Денисенко – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

V. A. Denisenko – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of International Relations of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 27–50.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 27–50.

Научная статья

УДК 346.546:336.7:004.738.5(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/27-50>

КОНКУРЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ В СФЕРЕ ФИНАНСОВЫХ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ И ЕЁ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В КИТАЕ

Ван Гуанлун

Юридический институт Хэнаньского университета, г. Кайфун, Китай,
guanglong95@163.com

Аннотация. Экономические характеристики финансовой онлайн-платформы позволяют легко сформировать монополию, что оказывает влияние на здоровое развитие цифровой экономики разных стран мира, в том числе и Китая. Настоящее исследование направлено на анализ состояния развития финансовых интернет-платформ, а также текущей ситуации с антимонопольным регулированием в этой сфере в Китае путем сбора соответствующей информации о цифровых финансовых платформах страны и обсуждения факторов, стоящих за этим, чтобы изучить и оценить рациональный путь антимонопольного регулирования в сфере платформенной экономики. Представляется, что в последние годы в Китае появились такие развивающиеся финансовые интернет-платформы, как сторонние платежи; P2P-платформа; онлайн-микрофинансовая компания; краудфандинговая платформа и т. д. Среди них конкуренция в основном существует между традиционными финансовыми организациями (банками) и сторонними платежными онлайн-платформами. В целях эффективной защиты добросовестной конкуренции между финансовыми платформами требуется своевременное совершенствование национального антимонопольного законодательства.

Ключевые слова: финансовая интернет-платформа, сторонние платежи, P2P-платформа, онлайн-микрофинансовая компания, краудфандинговая платформа, интернет-финансовая информационная платформа, антимонопольное регулирование.

Финансирование: статья подготовлена в рамках проекта Национального комитета КНР по управлению фондом для обучения за границей (CSC, MSAL) (номер проекта: 202110100004).

Для цитирования: Ван Гуанлун. Конкурентная ситуация в сфере финансовых интернет-платформ и её правовое регулирование в Китае // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 27–50. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/27-50>

Original article

COMPETITIVE SITUATION IN THE FIELD OF FINANCIAL INTERNET PLATFORMS AND ITS LEGAL REGULATION IN CHINA

Wang Guanglong

Law Institute of the Henan University, Kaifeng, China, guanglong95@163.com

Abstract. The economic characteristics of an online financial platform make it easy to form a monopoly, which has an impact on the healthy development of the digital economy of different countries of the world, including China. This study is aimed at analyzing the state of development of Internet financial platforms, as well as the current situation with antimonopoly regulation in this area in China by collecting relevant information about the country's digital financial platforms and discussing the factors behind this in order to study and evaluate the rational way of antimonopoly regulation in the field of platform economy. It seems that in recent years, such developing financial Internet platforms as a third-party payment system, a P2P platform, and an online microfinance company have appeared in China; crowdfunding platform, etc. Among them, competition mainly exists between traditional financial organizations (banks) and third-party online payment platforms. In order to effectively protect fair competition between financial platforms, timely improvement of national antimonopoly legislation is required.

Keywords: Internet financial platform, third-party payments, P2P platform, online microfinance company, crowdfunding platform, Internet financial information platform, antitrust regulation.

Funding: this article was prepared under the project of the National Committee of the People's Republic of China for the Management of the Foundation for Study Abroad (CSC, MSAL) (project number: 202110100004).

For citation: Wang Guanglong. Competitive situation in the field of financial Internet platforms and its legal regulation in China // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, No. 1. P. 27–50. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/27-50>

Введение

Платформенная экономика в качестве одной из важных движущих сил экономического развития Китая сохранила динамику быстрого развития. С 2015 по 2020 гг. количество цифровых платформ с суммой более 1 млрд долларов увеличилось совокупными годовыми темпами роста на 35,4%, из которых годовой темп роста в 2020 г. составил 56,3%. В то же время платформенная экономика Китая характеризуется крупномасштабными платформами и высокой степенью отраслевой концентрации. К концу 2020 г. рыночная стоимость первых пяти крупнейших цифровых платформ Китая увеличилась до 2003,1 млрд долларов¹. Новые проблемы, возникшие в процессе платформизации, стали вызовами в управлении цифровой экономикой, что не только наносит ущерб правам и интересам потребителей и операторов, но и оказывает негативное влияние на такие области, как индустриальные инновации и национальная безопасность [1, с. 101]. Основная причина заключается в том, что платформизация, контролируя данные и информацию, дает платформам мощную власть и продолжает развивать новые монополистические модели поведения [2, с. 56]. Между тем правовое регулирование конкуренции в стране не в состоянии вовремя направить эту ситуацию.

Конкурентная ситуация финансовых интернет-платформ в Китае

В последние годы в Китае появились различные финансовые продукты и платформы в Интернете, включая платежи, управление финансами, краудфандинг, потребление и другие функции, а интернет-финансовый маркетинг стал еще более ошеломляющим, что в основном отражается в следующих нескольких моментах.

1. Сторонние платежные платформы. В эпоху цифровой экономики финтех способствовал трансформации платежной сферы, стирая границу между офлайн- и онлайн-платежными сервисами, стимулируя инновации в бизнес-модели и общее развитие финансовых услуг и бизнес-услуг в направлении интеллекта [3, с. 107]. Развитие электронной коммерции в Китае привело к появлению ряда новых платежных инструментов, основанных на платформах B2B, B2C и других платформах – сторонних платежных системах, таких как Alipay от Alibaba, Fortune от Tencent (WeChat Pay) и др. Сторонняя платежная платформа, предоставляющая такие платежные инструменты, служит посредником между покупателями и продавцами, что не только обеспечивает безопасность транзакций, но и устраняет промежуточный процесс, в котором покупатели и продавцы должны участвовать в традиционных платежах и расчетах, тем самым сокращая время транзакции.

Судя по общей тенденции, объем транзакций на китайском рынке сторонних интернет-платежей быстро вырос с 2008 г., достигнув в 2014 г. 9011,8 млрд юаней, что примерно

¹ 中国信通院: 《2021年平台经济与竞争政策观察报告》URL: <http://www.100ec.cn/detail-6595629.html>. [Китайская академия информации и коммуникаций: «Отчет о наблюдении за платформенной экономикой и конкурентной политикой за 2021 год»].

в 38 раз больше, чем в 2008 г. В 2015 г. объем транзакций сторонних интернет-платежей в Китае достиг 11,86745 трлн юаней, увеличившись на 46,9% в годовом исчислении¹.

С ростом популярности сетей 4G и смартфонов мобильный интернет вошел в общественную жизнь. Вместе с тем сторонние платежные платформы получили дальнейшее развитие [4, с. 51]. Благодаря передовым IT (информационным технологиям) и технологиям мобильного Интернета некоторые инновационные и коммерческие сторонние платежные платформы запустили новое поколение мобильных платежных инструментов, таких как оплата NFC и оплата QR-кодом. Жители могут совершать ежедневные небольшие денежные переводы только с помощью смартфонов, планшетов и других мобильных терминалов. Мобильные платежи значительно сократили процесс оплаты и не требуют комиссий за транзакции, поэтому они постепенно стали популярным способом оплаты.

Согласно «Ежеквартальному выпуску данных о сторонних платежах в Китае в 1 квартале 2019 года» (далее «Данные»), опубликованному iResearch, в первом квартале 2019 г. рыночная доля Alipay составила 53,8%, что почти на 14 процентных пунктов выше, чем у занимающего второе место Fortune (включая WeChat Pay и mobile QQ Pay) (39,9%). One Wallet (1,6%), JD Pay (0,7%), Linkage Advantage (0,7%), Kuaiqian (0,6%), Yibao (0,5%), UnionPay (0,4%) и Suning Pay (0,2%) заняли с 3 по 9 места по доле рынка. Другие платежные компании, такие как Biopsy, Lakala, Lianlian и др., в общей сложности занимали 1,7% доли рынка мобильных платежей (см. рис. 1). Стоит отметить, что рыночная доля Alipay превзошла долю компаний, занявших со 2-го по 9-е места вместе взятые.

Благодаря UnionPay также быстро продвигается технология мобильных платежей смарт-терминалов NFC в Китае. «Данные» показывают, что в первом квартале 2019 г. объем транзакций NFC-платежей в мобильных смарт-терминалах Китая составил 7,12 млрд юаней, что представляет собой меньшую долю от общего объема транзакций мобильных платежей, но темпы их роста были относительно быстрыми: в годовом исчислении темп роста составил 142,2% [5, с. 26]. Jingdong Instant Payment стала ведущей компанией на рынке NFC-платежей мобильных смарт-терминалов, и ее масштаб транзакций превосходит другие сторонние платежные учреждения, занимая первое место на рынке NFC-платежей.

Согласно данным сторонних мобильных платежей, опубликованным iResearch в 3-м квартале 2019 г., объем сторонних мобильных платежей в этом квартале достиг 56 трлн юаней, при годовом росте на 15,2%. Среди них Alipay составляет 54,2%, Tenpay (в основном WeChat pay) – 39,5%. На долю этих двух гигантов приходится 94,1% рынка, в результате реально сформировалась монополярная тенденция.

¹ 《2015年中国第三方互联网支付市场份额排名:支付宝第一》. URL: [http://www. askci. com/news/chanye/2016/03/22/161455kg7c. shtml](http://www.askci.com/news/chanye/2016/03/22/161455kg7c.shtml). [«Рейтинг доли рынка сторонних интернет-платежей в Китае в 2015 году: Alipay № 1»].

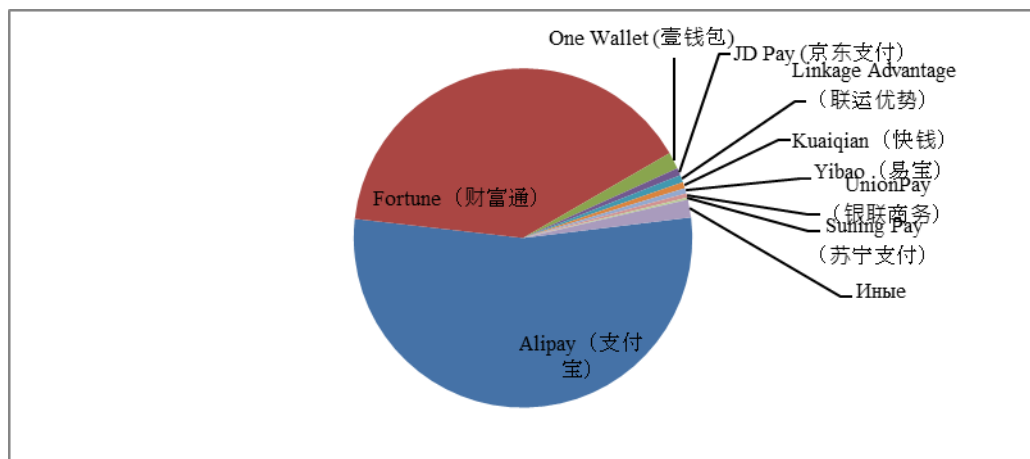

Рис. 1. Доля рынка мобильных платежных транзакций сторонних производителей в Китае за 1 квартал 2019 г.

Источник: iResearch

Market share of third-party mobile payment transactions in China for Q1 2019.

(Data source: iResearch)

Как типичная бизнес-форма интернет-финансирования Китая, сторонние платежи достигли 854 миллионов пользователей онлайн-платежей в Китае по состоянию на декабрь 2020 г., в то время как общее число китайских пользователей сети за тот же период составило 989 миллионов (86,35%) [6, с. 25]. Что касается масштаба транзакций, то объем сторонних мобильных и интернет-платежей достиг 271 трлн юаней в 2020 г. и 311,7 трлн юаней в 2021 г. [7, с. 6].

По данным центрального банка, в 2020 г. небанковские платежные учреждения обработали 827,297 млрд онлайн-платежей на общую сумму 294,56 трлн юаней. С точки зрения рыночной доли сторонних платежных учреждений с первого квартала 2017 г. по второй квартал 2020 г. (см. табл. 1) Alipay (支付宝), Tencent Finance (腾讯金融), UnionPay Commerce (银联商务) и 99bill (快钱) вошли в четверку лидеров по рыночной доле сторонних платежных систем. Alipay занимает половину всего рынка сторонних платежей, а Tencent Finance – около трети доли рынка. С третьего квартала 2019 г. CR2 превысил 80%, а CR4 всегда был на очень высоком уровне (до 95,74%), что демонстрирует их заметное монопольное положение [8, с. 59].

К 2022 г. конкурентная карта рынка сторонних платежей в Китае в основном сформировалась. Такие компании, как WeChat Pay и Alipay, полагаясь на оплату QR-кодом, захватили офлайн-рынок и заняли значительную долю на рынке сторонних платежей [9, с. 104–106].

Структура ранка сторонних платежей (2017Q1 – 2020Q2)

Rank structure of third-party payments (2017Q1 – 2020Q2)

Вре- мя	Рыночная доля ведущих сторонних платежных учреждений, %				CR2, %	CR4, %	Моно- полюсная ситуация на рынке
	Alipay (支付宝)	Tencent Finance (腾讯金融)	Union Pay Commerce (银联商务)	99bill (快钱)			
2017 Q1	36,93	25,52	20,07	7,02	62,45	89,54	высокая олигархия
2017 Q2	39,03	27,01	16,98	7,01	66,04	90,03	высокая олигархия
2017 Q3	41,36	27,07	13,41	7,02	68,43	88,86	высокая олигархия
2017 Q4	44,51	30,36	12,12	6,51	74,87	93,50	высокая олигархия
2018 Q1	44,43	31,25	11,53	6,54	75,68	93,75	высокая олигархия
2018 Q2	44,50	30,80	11,42	6,72	75,30	93,44	высокая олигархия
2018 Q3	45,64	32,11	9,75	6,51	77,75	94,01	высокая олигархия
2018 Q4	46,06	32,49	9,43	6,35	78,55	94,33	высокая олигархия
2019 Q1	45,58	32,95	9,34	6,40	78,53	94,27	высокая олигархия
2019 Q2	46,11	33,26	8,80	6,40	79,37	94,57	высокая олигархия
2019 Q3	47,05	33,77	7,96	6,21	80,82	94,99	высокая олигархия
2019 Q4	48,76	33,05	7,53	6,16	81,81	95,50	высокая олигархия
2020 Q1	48,44	33,59	7,19	6,10	82,03	95,32	высокая олигархия
2020 Q2	49,16	33,74	6,93	5,91	82,90	95,74	высокая олигархия

Источник: Analysys¹

¹ 易观分析官网: 《中国第三方支付综合支付市场季度监测报告》. URL: <https://www.analysys.cn/>. [Официальный сайт Analysys: Комплексный отчет о ежеквартальном мониторинге рынка сторонних платежей в Китае].

«Отчет об анализе структуры конкуренции и инвестиционных рисков в индустрии сторонних платежей Китая за период с 2021 по 2026 год»¹ показывает, что в первом квартале 2022 г. Alipay, Tencent Finance (WeChat) и UnionPay Commerce вошли в тройку лидеров с долей рынка 48,44%, 33,59% и 7,19% соответственно, а совокупная рыночная доля этих трех компаний достигла 89,21%, что указывает на высокую степень концентрации отрасли.

Изложенное показывает, что под действием мощных сетевых эффектов интернет-экономики на китайском интернет-финансовом рынке сформировался ряд интернет-финансовых платформ, основанных на суперсетевых подходах. Благодаря модели работы со смешанной отраслью эти платформы тесно связаны не только со всей финансовой системой, но и с социальной коммерческой системой. В них участвуют многие заинтересованные стороны и задействованы различные типы финансовых сценариев, поэтому они обладают характеристиками нового типа важной финансовой инфраструктуры. В то же время работа сторонних финансовых интернет-платформ породила ряд системных рисков [10, с. 23–25]. Для предотвращения этого нового типа рисков необходимы систематические меры, среди которых обеспечение соблюдения антимонопольного законодательства является одной из наиболее важных мер управления.

2. *Платформа P2P.* Платформа онлайн-кредитования P2P (peer-to-peer lending) – это веб-сайт финансовых услуг, сочетающий технологию P2P и частное кредитование [11, с. 172]. Сказанное относится к модели онлайн-финансового кредитования «многие ко многим», в которой отдельные лица предоставляют небольшие займы другим или получают небольшие займы от других через стороннюю платформу, взимающую определенную плату. Для Китая платформа P2P – это вещь, импортируемая из-за рубежа. Успешная работа платформ онлайн-кредитования, таких как Zora в Великобритании, а затем Prosper и Lending Club в США, привела к появлению P2P-финансирования в Китае в 2006 г. Впервые она была представлена в Китае компанией PPAI в 2007 г. [12, с. 6]. На сегодняшний день платформа P2P прошла пять этапов развития: первоначальное развитие, быстрое расширение, вспышка риска, регулирование политикой и устранение хаоса [13, с. 114]. Конкретная ситуация показана в таблице 2.

Из вышесказанного видно, что развитие P2P в Китае идет не гладко. В 2011 г. в Китае насчитывалось всего несколько десятков P2P-компаний. К 2014 г. рынок онлайн-займов P2P стремительно расширился: с одной стороны, масштабы рынка постоянно росли, и на рынок выходило все больше P2P-платформ; с другой стороны, такие новости, как «бегства», банкротства, безнадежные долги и т.д., были бесконечны, что не только ускорило темпы исправления индустрии P2P регулирующими ор-

¹ 2021–2026年中国第三方支付行业竞争格局及投资风险分析报告. URL: <http://www.chinabgao.com/report/7902044.html>. [Отчет об анализе структуры конкуренции и инвестиционных рисков в индустрии сторонних платежей Китая за период с 2021 по 2026 год].

ганами, но и сделало инвесторов с финансовыми потребностями более рациональными и осторожными в выборе онлайн-займов P2P для управления финансами.

Таблица 2

Этапы развития индустрии P2P онлайн-кредитования в Китае
Stages of development of P2P online lending industry in China

Этапы	Время	Модели работы	Масштаб	Эксплуатационные характеристики
Этап 1 первоначальное развитие	2007–2012 (около 20 P2P-компаний)	Платформа P2P фокусируется на кредитном заимствовании, то есть на частном чистом кредите без гарантии. Типичный пример – PDAI (первая платформа онлайн-кредитования P2P)	В феврале 2019 г. совокупное число пользователей составило почти 60 миллионов, совокупное количество кредитов превысило 30 миллионов, а совокупная сумма транзакций составила около 80,7 миллиарда юаней	Платформа P2P предназначена для небольших необеспеченных кредитов и торгуется спонтанно и автономно путем проведения торгов. Это своего рода кредитное дополнение к существующей банковской системе. К декабрю 2012 г. объем сделок на платформах P2P достиг 500 миллионов юаней. Появилась первая волна риска дефолта: самая большая просроченная сумма в этой отрасли достигла 25 миллионов юаней
Этап 2 быстрое расширение	2012–2013 (240 P2P-компаний)	Платформа P2P в основном ориентирована на региональные заимствования; компании-разработчики программного обеспечения разрабатывают платформу с помощью технического участия	В конце 2012 г. ежемесячная сумма сделок достигла 3 миллиардов юаней, а число эффективных инвесторов – от 25 000 до 40 000 человек.	Платформы P2P применяли модели онлайн-финансирования и офлайн-кредитования, ориентируясь на местных заемщиков. Обширная эксплуатация и управление платформой, а также отсутствие контроля за рисками привели к краху отдельных платформ и невозможности вывода средств

Окончание табл. 2

Этап 3 вспышка риска	2013–2014 600 P2P- компаний)	Платформы в основном само- финансирова- лись с высокими процентами; система P2P- кредитования стала зрелой	В конце 2013 г. ежемесячная сумма сделок составляла около 11 мил- лиардов юаней, а число эффек- тивных инве- сторов от 90 000 до 130 000 чело- век	Высокая процентная став- ка самофинансирования (4%) усугубила риски плат- форм, и разразился финан- совый кризис. С октября 2013 по конец 2013 г. при- мерно на 75 платформах не смогли снять наличные деньги из-за банкротства или бегства, с общей сум- мой около 2 миллиардов юаней
Этап 4 регулиру- вание полити- кой	2014–2019	Государство в основном ориен- тировано на ре- гулирование и контроль за платформами P2P; финансовые гиганты вошли в эту арену	Совокупное количество платформ со- ставляло 6555 (включая 5479 закрытых и проблемных платформ); совокупный оборот соста- вил более 7500 миллиардов юаней	Государство поощряет интернет-финансовые ин- новации и оказывает поли- тическую поддержку плат- формам онлайн- кредитования P2P. В 2016 г. были опубликованы «Вре- менные меры по управле- нию предпринимательской деятельностью информаци- онных посредников онлайн- кредитования» (Приказ ЦБ КНР [2016] № 1)
Этап 5 устране- ние хаоса	2019– настоящее время	Государство осуществляет централизован- ное управление платформами онлайн- кредитования; все платформы P2P закрыты	-	-

По данным Wangdai 315, в первом квартале 2016 г. на 10 крупнейших плат-
форм в индустрии P2P приходилось 29,87% доли рынка, что на 4,87 процентных
пункта больше по сравнению с 25% в предыдущем квартале. Среди них в тройку
лидеров входят Red Ridge Venture Capital (红岭创投), Lufax (陆金所) и PPMoney,
оборот которых в первом квартале достиг 34,818 млрд юаней, 15,541 млрд юаней и

13,972 млрд юаней соответственно. В результате их доли составили 9,32%, 4,16% и 3,74% рынка соответственно (см. рис. 2)¹.

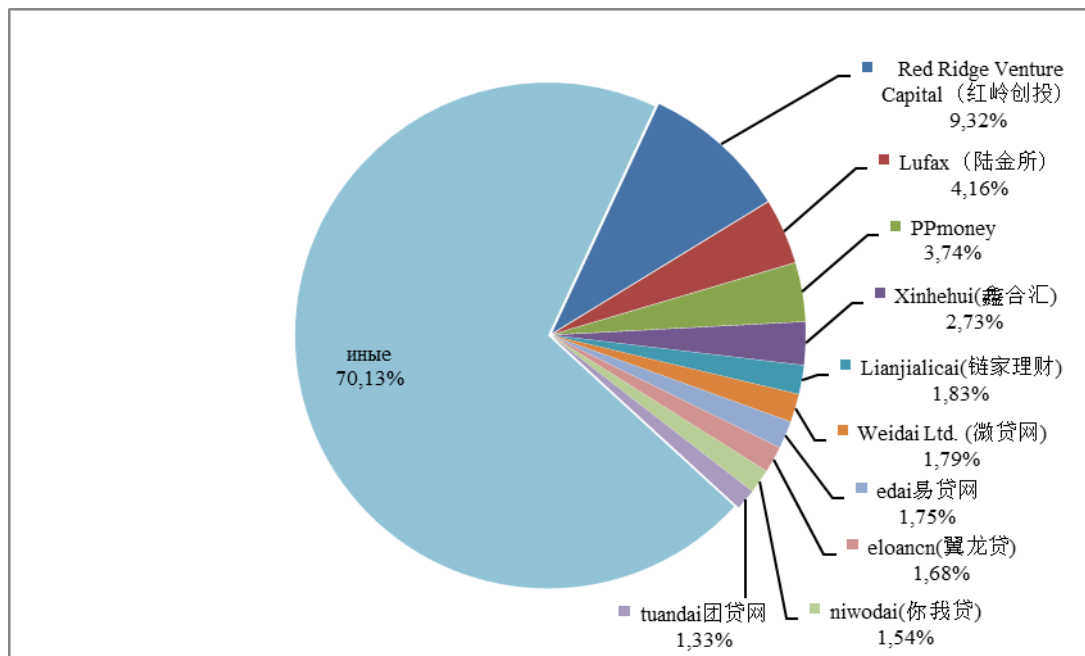

Рис. 2. Доля основных P2P-платформ на рынке в первом квартале 2016 г.

Источник: wd315

Share of major P2P platforms in the market in the first quarter of 2016.

(Data source: wd315)

На третьей пресс-конференции из серии тематических пресс-конференций «Китай в этом десятилетии», проведенной Отделом по связям с общественностью Центрального комитета КПК 12 мая 2022 г., Чэнь Юйлу, заместитель управляющего Народного банка Китая, говоря о предотвращении и устранении основных финансовых рисков, заявил, что беспорядок в теневом банковском секторе был эффективно пресечен, почти 5000 онлайн-кредитных учреждений P2P были закрыты, специальная работа по устранению онлайн-финансовых рисков была успешно завершена, выявлено 25 000 случаев незаконного сбора средств. В результате финансовый бизнес интернет-платформенных предприятий был полностью взят под надзор. Из этого можно сделать вывод, что в настоящее время олигополистическая конкуренция на китайском рынке P2P-кредитования не в состоянии сформироваться в Китае.

¹ Отчет об исследовании индустрии P2P-кредитования в первом квартале 2016 года. URL: <http://www.wd315.cn/platform/news/4171>.

3. *Информационные финансовые учреждения (Интернализация традиционных финансовых платформ)*. Банковская отрасль, выступая важнейшей частью финансовой системы Китая, играет важную роль в развитии национальной экономики страны, ее социальной стабильности и процветании. После «Реформы и Открытости» под руководством и при содействии правительства банковская отрасль Китая претерпела множество реформ, что позволило сформировать банковскую систему, в которой доминируют крупные государственные коммерческие и акционерные коммерческие банки. Система дополнена городскими коммерческими банками, сельскими коммерческими банками и другими банковскими финансовыми учреждениями, а ее конкурентоспособность значительно повысилась. Будучи традиционной финансовой отраслью, банковская индустрия Китая, несомненно, сильно пострадала от воздействия финансовых технологий (финтех) [14, с. 22–23].

С непрерывным развитием финтеха некоторые инновационные и деловые финтех-предприятия и интернет-компании взяли на себя ведущую роль в использовании передовых ИТ-технологий для реформирования и модернизации традиционного финансового бизнеса. Новые финансовые услуги и продукты с их более удобным режимом обслуживания, более эффективным бизнес-процессом и более низким уровнем комиссионных сборов привлекли большое количество клиентов, разрушили монополию банковских финансовых учреждений в первоначальной сфере бизнеса и оказали сильное влияние на традиционную банковскую индустрию [15, с. 1–3].

Представляется, что интернет-кредитная платформа предоставляет удобный и эффективный канал кредитования для тех, кто нуждается в капитале. По сравнению с традиционным банковским кредитным бизнесом, ее срок и сумма кредита являются более гибкими, что может удовлетворить разнообразные потребности различных клиентов, тем самым отвлекая часть банковского кредитного бизнеса. В то же время платформа интернет-кредитования также поглотила свободные средства в обществе, которые могли бы быть конвертированы в банковские депозиты, что привело к потере бизнеса банковских депозитов. Это также привело к сокращению располагаемых средств банков и косвенно повлияло на масштаб кредитования. Сравнивая различия между интернет-кредитованием и традиционным банковским кредитным бизнесом, можно ожидать, что рост интернет-кредитования окажет сильное влияние на бизнес банковских активов.

Банковская индустрия Китая пытается использовать и научно-технические средства для внедрения инноваций в платежные и расчетные услуги. Что касается онлайн-платежей, то Банк Китая, Промышленно-коммерческий банк Китая, China Merchants Bank и другие коммерческие банки последовательно запустили систему онлайн-банкинга в 1997 г., чтобы облегчить клиентам проведение онлайн-платежей и других деловых операций. Bank of China, Industrial and Commercial Bank of China и China Merchants Bank сотрудничали с China Mobile для запуска мобильного банкинга

на основе карт STK. Несмотря на то, что китайская банковская индустрия предприняла некоторые попытки в области инноваций в сфере платежей и расчетов и активно внедряла онлайн-платежи и мобильные платежи, соответствующие платежные продукты, запущенные банковской системой, не достигли удовлетворительных результатов и не конкурируют с продуктами сторонней платежной платформы.

С 2018 по 2021 гг. количество онлайн-платежей небанковских платежных учреждений продолжало демонстрировать устойчивую тенденцию роста: в 2021 г. было достигнуто 1028,322 миллиарда, в то время как количество транзакций онлайн-платежей в банковской отрасли составило всего 253,506 миллиарда (см. рис. 3).

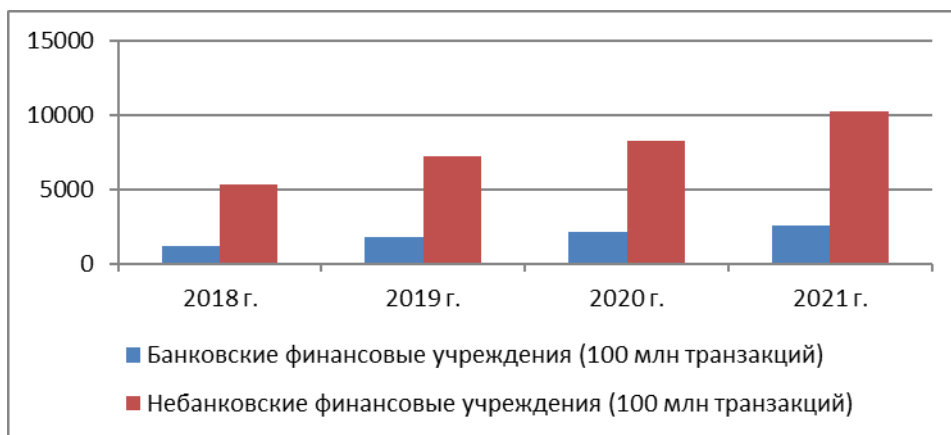

Рис. 3. Сравнение количества онлайн-платежей между китайскими банковскими финансовыми учреждениями и небанковскими финансовыми учреждениями с 2018 по 2021 гг.

Источник: Народный банк Китая

Comparison of the number of online payments between Chinese banking financial institutions and non-banking financial institutions from 2018 to 2021
(Data source: People's Bank of China)

В настоящее время научно-технические инновации, представленные цифровой экономикой, стали важной движущей силой для качественного развития экономики Китая. Качественное экономическое развитие также выдвигает более высокие требования к безопасности, удобству, универсальности и конфиденциальности платежной инфраструктуры, что и привело к появлению цифрового юаня.

«Белая книга о прогрессе в исследованиях и разработках цифрового юаня в Китае», опубликованная Центральным банком КНР, показывает, что по состоянию на 30 июня 2021 г. было разработано более 1,32 миллиона пилотных сценариев использования цифрового юаня, охватывающих такие области, как расходы на про-

живание, услуги общественного питания, транспорт, покупки и потребление, а также государственные услуги; было открыто более 20,87 миллиона личных кошельков и более 3,51 миллиона публичных кошельков. В результате совокупное количество транзакций составило более 70,75 миллионов, а их стоимость – около 34,5 миллиарда юаней.

Согласно «Общей работе платежной системы в 2021 году», опубликованной Центральным банком, банки по всей стране обработали 439,506 млрд безналичных платежей в 2021 г. на сумму 4 415,56 трлн юаней, что на 23,90% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Среди них бизнес по использованию банковских карт и сумма увеличились на 30,52% и 16,56% соответственно, а бизнес по электронным платежам и сумма увеличились на 16,90% и 9,75% соответственно¹.

По данным Института перспективных отраслевых исследований, ожидается, что к 2025 г. объем рынка сторонних платежных систем в Китае достигнет 530 трлн юаней. С постепенным внедрением антимонопольной политики в платежной индустрии злонамеренная низкая цена или свободная беспорядочная конкуренция будут обузданы, платежные учреждения станут развиваться более стандартизированно, а структура рынка оптимизируется.

Таким образом, в области информационных (цифровых) финансовых учреждений в Китае существует конкуренция между традиционной банковской отраслью и формирующимися небанковскими платежными учреждениями, представленными сторонними платежами.

4. Онлайн-микрофинансовые компании. В отличие от традиционных коммерческих банков, микрокредиты снижают кредитный порог заемщиков и пользуются популярностью среди людей с низким доходом. В последние годы с помощью интернет-технологий микрофинансовые компании открыли новые возможности для развития и постепенно превратились в онлайн-микрофинансовые компании, объединив онлайн- и оффлайн-бизнесы.

Согласно Временным мерам по управлению онлайн-микрофинансовым бизнесом (Проект для общественного обсуждения) (далее именуемые «Временные меры»), разработанным Комиссией по регулированию банковской и страховой деятельности Китая и Народным банком Китая, онлайн-микрофинансовый бизнес относится к микрофинансовому бизнесу, в котором микрофинансовые компании с использованием больших данных, облачных вычислений, мобильного Интернета и других технических средств на основании внутренней информации о данных (такой как операции клиентов, онлайн-потребление и онлайн-транзакции), накопленных на интернет-платформе, а также другой информации о данных, полученных по законному пути, анализируют и оценивают кредитный риск заемщиков, определяют способ и сумму кредита, а также

¹ Общая работа платежной системы в 2021 году. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1729348639356804605&wfr=spider&for=pc>.

через Интернет завершают процессы подачи заявки на получение кредита, анализа рисков, утверждения кредита, выдачи кредита и возврата кредита.

В 2010 г. компания Zhejiang Alibaba Microfinance Co., LTD. (далее именуемая «Микрофинансовая компания Ali») была создана, став первой реальной онлайн-микрофинансовой компанией в Китае. Благодаря контролируемому кредитному риску и хорошему отклику пользователей, с одобрения регулирующего департамента бизнес микрофинансовой компании Ali быстро распространился по всей стране.

Согласно данным, опубликованным Народным банком Китая, число онлайн-микрофинансовых компаний быстро росло с 2010 г., особенно в 2015 г., когда число таких компаний достигло своего пика, составив в общей сложности 8910 (см. рис. 4). К концу 2019 г. по всей стране насчитывалось более 7000 микрофинансовых компаний с остатками по кредитам на сумму более 900 млрд юаней. По сравнению с предыдущим годом, остатки по кредитам сократились почти на 50 млрд юаней. В 2021 г. онлайн-микрофинансовых компаний по всей стране было на 2457 меньше, чем в 2015 г., но годовой баланс онлайн-кредитов в основном остался прежним (см. рис. 5).

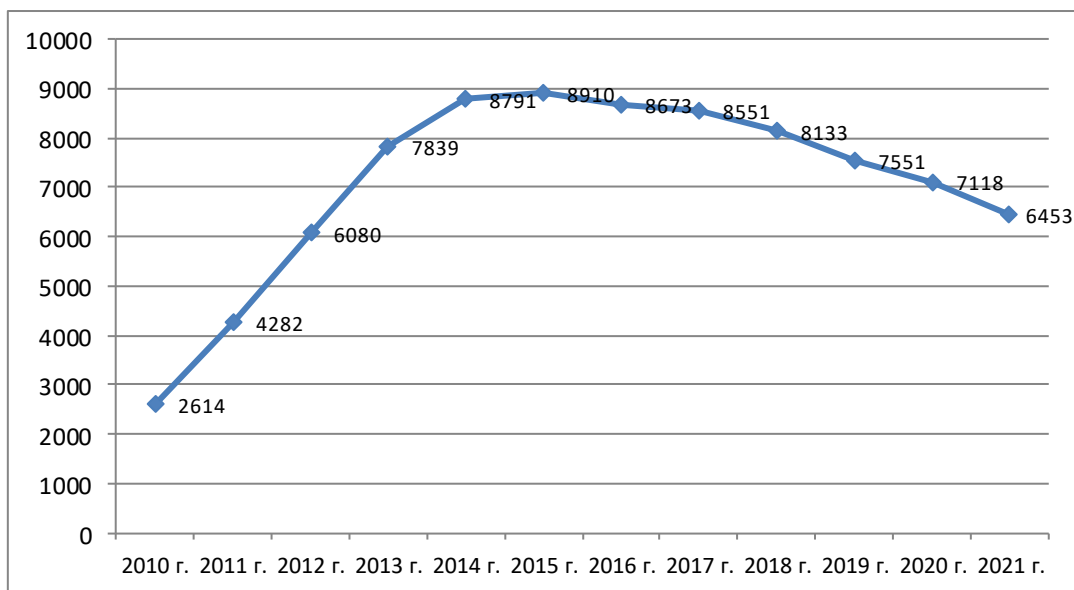

Рис. 4. Изменения в количестве онлайн-микрофинансовых компаний в Китае с 2010 по 2021 гг.

Источник: Официальный сайт Центрального народного правительства КНР

Changes in the number of online microfinance companies in China from 2010 to 2021.

(Data source: Official website of the Central People's Government of China)

В целом, являясь важным дополнением к финансовым учреждениям, микрофинансовые компании сыграли важную роль в руководстве стандартизированным

функционированием частного капитала, пресечении незаконной финансовой деятельности и поддержке малого бизнеса и микропредприятий реального сектора экономики [16, с. 50–51].

Рис. 5. Изменения в балансе кредитов онлайн-микрофинансовых компаний в Китае с 2010 по 2021 гг.

Источник: Официальный сайт Центрального народного правительства КНР

Changes in the credit balance of online microfinance companies
in China from 2010 to 2021.

(Data source: Official website of the Central People's Government of China)

В начале ноября 2019 г. в целях регулирования индустрии онлайн-кредитования правительство опубликовало «Руководящие заключения о пилотном преобразовании информационных посредников онлайн-кредитования в микрофинансовые компании», в которых указывалось, что квалифицированные компании онлайн-кредитования могут подать заявку на преобразование в микрофинансовые компании в соответствии с их сферой деятельности, а затем осуществлять онлайн или оффлайн микрокредитный бизнес. В контексте усилий правительства по регулированию интернет-финансирования онлайн-микрофинансовые компании постепенно вытеснили платформы онлайн-кредитования P2P в качестве основного направления развития индустрии онлайн-кредитования [17, с. 108]

«Временные меры», совместно обнародованные Народным банком Китая и Комиссией по регулированию банковской и страховой деятельности Китая 2 ноября 2020 г., разъяснили характер и сферу деятельности онлайн-микрофинансовых компаний, что заложило прочную институциональную основу для устойчивого и здорового развития онлайн-микрофинансовых компаний в Китае.

Основной деятельностью микрофинансовых компаний и коммерческих банков является предоставление кредитов предприятиям. Кредитные средства коммерческих банков в основном поступают из депозитов, а кредитные средства микрофи-

нансовых компаний – из капитала, выплачиваемого акционерами, пожертвованных средств и других средств, утвержденных соответствующими департаментами государства [18, с. 53]. Конкурентные отношения между ними проявляются следующим образом: хотя микрофинансовые компании характеризуются ограниченными средствами и небольшими масштабами, однако благодаря своей гибкой деловой активности они могут расширить свой кредитный бизнес на малые и средние предприятия, которые не располагают возможностями предоставить эффективные гарантии по ипотеке и соответствующие подтверждающие документы за короткий период времени, что представляет угрозу для бизнеса коммерческих банков.

5. *Краудфандинговые платформы.* Краудфандинговое финансирование относится к финансовой модели Интернета, которая соединяет привлекающих лиц (фаундеров) и инвесторов (бэкеров) через интернет-платформу и достигает заранее установленной цели по сбору средств инициатора проекта в течение определенного периода времени. В настоящее время оно в Китае в основном делится на краудфандинг акций (股权众筹), краудфандинг вознаграждений (奖励众筹) и краудфандинг общественных благ (公益众筹). Среди них краудфандинг вознаграждений на практике также называется краудфандингом продуктов (产品众筹).

Индустрия краудфандинга в Китае зародилась поздно, но быстро развивалась, что можно свести к трем этапам: а) зачаточная стадия (2011–2013), которая началась с запуска «Переключки» (“点名时间”) в июле 2011 г.; б) период подъема быстрого развития индустрии краудфандинга (2014–2015); в) этап перестановок в отрасли (с 2016 г. по настоящее время). В итоге надзор за отраслью становится все более строгим, а количество нормально работающих платформ в стране резко сокращается.

В Китае типичными платформами краудфандинга акций являются Angel Crunch (天使汇), Renrentou (人人投), JD Dongjia (京东东家), Ijointoo (爱就投) и др.

Краудфандинг вознаграждений выступает наиболее важной моделью развития индустрии краудфандинга в Китае. Его типичные платформы включают краудфандинг Jingdong (京东众筹), краудфандинг Taobao (淘宝众筹) и краудфандинг Zhongchouwang (众筹网).

Краудфандинг общественных благ еще не сформировал репрезентативную платформу, и он в основном распространяется в виде проектов общественного благосостояния на комплексных краудфандинговых платформах.

Согласно Ежегодному отчету об интернет-краудфандинге в Китае (2015), опубликованному компанией «01caijing» (Zero One Finance), по состоянию на 31 декабря 2015 г. в Китае насчитывалось не менее 365 интернет-краудфандинговых платформ, из которых 168 были запущены в 2015 г. Среди них совокупный объем краудфандинга продуктов превысил 3 млрд юаней, а дуополия Jingdong и Taobao вместе составляла 70–80% доли рынка. Ежегодный объем краудфандинга акций варьировался от 5 млрд до 5,5 млрд юаней, что примерно в 4–5 раз больше, чем в 2014 г.

Согласно данным веб-сайта краудфандинг Zhongchoujia (众筹家), по состоянию на конец 2017 г. по всей стране было запущено 834 краудфандинговых платформы. За весь 2017 г. было реализовано 76 670 краудфандинговых проектов, из которых 69 637 оказались успешными, что составило 90,83%. Однако из 834 краудфандинговых платформ, которые были запущены в конце 2017 г., только 294 все еще работают нормально, а 540 из них были отключены или трансформированы [19, с. 178].

Согласно данным рейтинга, опубликованным Отделом технологических исследований CN10 Ranking и отделом исследований данных о брендах CNPP, в десятку лучших брендов краудфандинговых платформ в Китае в 2022 г. входят: JD crowdfunding (индекс бренда: 9,9), Zaodian New Goods (индекс бренда: 9,8), Xiaomi Youpin Crowdfunding (индекс бренда: 9,6), Modian (индекс бренда: 9,3), Fun in funding (индекс бренда: 9,2), Tencent Lejuan (индекс бренда: 8,9), Indiegogo (индекс бренда: 8,7), Kickstarter (индекс бренда: 8,6), Duoshenghuo (индекс бренда: 8,4), Kaishiba (индекс бренда: 8,2).

Юридический риск – один из самых серьезных рисков при инвестировании в краудфандинг. В настоящее время китайское правительство обнародовало соответствующие нормативные акты, касающиеся вопросов краудфандинга, такие как: «Некоторые мнения Госсовета по вопросам поощрения здорового развития и ориентирования народных инвестиций» от 7 мая 2010 г., «Меры по управлению краудфандингом акций (пробное внедрение)» от 18 декабря 2014 г., «Руководящие мнения по содействию здоровому развитию интернет-финансов» от 18 июля 2015 г., «Мнения Государственного совета по ряду политик и мер, направленных на продвижение массового предпринимательства и инноваций» от 16 июня 2015 г. и т.д. Однако в Китае нет специального законодательства по регулированию краудфандинга. В то же время отсутствует единый регулирующий орган для краудфандинговых платформ, что делает их свободными от надзора центральной системы кредитной отчетности.

В настоящее время объем финансирования большинства краудфандинговых проектов в Китае невелик. Кроме того, правила торговли и модель прибыли краудфандинговой платформы заключаются в том, что если заранее определенная цель сбора средств не будет достигнута в течение указанного времени, система вернет собранные средства спонсорам; если проект будет успешным, платформа получит комиссию, основанную на собранной сумме. В результате многие отечественные краудфандинговые платформы недостаточно прибыльны для поддержки нормальной работы платформ, что приводит к отключению или трансформации большого их количества. Получается, что краудфандинговые платформы в настоящее время не могут сформировать олигополистическую конкуренцию в Китае.

б. Интернет-платформа финансовой информации. Интернет-платформа финансовой информации относится к платформе, которая использует Интернет для

продажи финансовых продуктов или предоставления сторонних услуг по продаже финансовых продуктов. Его режим действия таков: продукты различных финансовых учреждений размещаются на интернет-платформе, и пользователи выбирают для покупки соответствующие финансовые продукты путем сравнения. В этой модели нет никакого риска, так как платформа не несет ответственности за фактическую продажу финансовых продуктов и не принимает на себя никаких неблагоприятных рисков. В настоящее время основными интернет-финансовыми информационными платформами в Китае являются: eastmoney.com (东方财富网), haodai.com (好贷网), 91FinSupermarket (91金融超市), Bankrate (银率网), Dadong.com (大童网), а также Licai.com (полное наименование: Beijing Geshang Financial Adviser Co., LTD) (格上理财). Ядром этого типа платформ является модель «поиск + сравнение цен», при которой пользователи с использованием метода вертикального сравнения цен финансовых продуктов, размещенных на платформе, выбирают подходящие для себя финансовые продукты. В настоящее время конкуренция на рынке таких платформ относительно достаточна, поэтому монополия еще не сформировалась.

Меры по антимонопольному регулированию в сфере платформенной экономики в Китае

Уникальный режим конкуренции платформенной экономики бросил вызов порядку функционирования традиционного рынка, вместе с тем проблемы конкуренции и монополии между платформами становятся все более и более заметными. В нынешнем Китае, с одной стороны, антимонопольные органы постепенно продвигают законодательный процесс в области экономики платформ, а с другой стороны, эффективно способствуют антимонопольным расследованиям в отношении крупных платформ.

В процессе принятия антимонопольного законодательства, учитывающего своеобразные характеристики платформенной экономики, Китай, как и другие страны, находится на стадии исследования. В настоящее время Китай постепенно совершенствует антимонопольные законы и правила, основанные на характеристиках конкуренции на платформах. С момента введения в действие «Антимонопольного закона Китайской Народной Республики» в 2008 г. Китай в последние годы достиг пика в решении проблем антимонопольного надзора в цифровой экономике. Законы и нормативные акты, связанные с цифровым рынком, продолжают появляться.

Специальные положения об Интернете, добавленные в Закон о борьбе с недобросовестной конкуренцией (пересмотренный в 2017 г.) и Закон КНР об электронной коммерции, вступивший в силу в 2019 г., четко предусматривают, что доминирующим положением на рынке нельзя злоупотреблять для влияния на выбор пользователей и исключения или ограничения конкуренции.

Центральная экономическая рабочая конференция, состоявшаяся в декабре 2020 г., назвала усиление антимонопольной политики и предотвращение беспорядочной экспансии капитала одним из восьми приоритетов на 2021 г. и отметила, что антимонопольная политика и борьба с недобросовестной конкуренцией являются неотъемлемыми требованиями для совершенствования социалистической рыночной экономической системы и содействия качественному развитию.

«Антимонопольное руководство для платформенной экономики», опубликованное Антимонопольной комиссией Госсовета КНР в феврале 2021 г., уточняет следующие моменты:

- определить соответствующие товарные рынки и соответствующие региональные рынки, связанные с платформой, с применением анализа замещения в качестве основного метода, а также в сочетании с фактической ситуацией;
- дополнительно использовать данные, алгоритмы, правила платформы, технические средства и т. д. для достижения новой формы монопольного соглашения;
- определить доминирование платформы на рынке и централизованное поведение операторов платформы с учетом таких факторов, как рыночная доля и рыночная концентрация платформы, измеренные на основе суммы транзакций, активных пользователей, продолжительности использования и других показателей, способность платформы контролировать смежные рынки способом контроля цен, трафика, а также степень зависимости операторов от платформы в торговле и т. д.;
- дополнительно определить злоупотребление доминирующим положением на рынке платформами с использованием новых технологических средств.

На Девятом заседании Финансово-экономической комиссии Центрального комитета КПК, состоявшемся 15 марта 2021 г., было подчеркнуто, что следует придавать равное значение развитию и регулированию, понимать закон развития платформенной экономики, создавать и совершенствовать систему управления экономикой платформы, улучшать и совершенствовать систему правил, повышать возможности и уровни регулирования, поощрять честную конкуренцию, противостоять монополиям и предотвращать беспорядочную экспансию капитала.

Необходимо также отметить, что после почти двухлетнего обсуждения и пересмотра законопроекта «Поправки к Антимонопольному закону КНР» (далее именуемые «Поправки к АЗ») он был рассмотрен и одобрен на 35-м заседании Постоянного комитета 13-го Всекитайского собрания народных представителей 24 июня 2022 г. и вступил в силу 1 августа того же года. Это первый пересмотр «Антимонопольного закона КНР» с момента его принятия в 2008 г. В Поправках к АЗ дополнительно предусмотрены конкретные применимые правила антимонопольных систем в области платформенной экономики. Так, статья 9 Общей части Поправок к АЗ предусматривает, что «операторы не должны использовать дан-

ные, алгоритмы, технологии, преимущества капитала и правила платформы для осуществления монопольной деятельности, запрещенной настоящим Законом». Кроме того, в главе 3 АЗ «Злоупотребление доминирующим положением на рынке» Поправки к АЗ на основе существующего запрета на злоупотребления дополнительно разъяснили, что «операторы с доминирующим положением на рынке не должны использовать данные, алгоритмы, технологии и правила платформы для злоупотребления доминирующим положением на рынке, как это предусмотрено в предыдущей части настоящей статьи»¹.

Можно сказать, что Поправки к АЗ подтвердили руководящие принципы соблюдения антимонопольного законодательства, изложенные в «Антимонопольном руководстве для платформенной экономики», на национальном правовом уровне. В частности, определение *злоупотребления доминирующим положением на рынке интернет-платформенными предприятиями* также осуществляется в рамках существующей правовой базы, и его составные элементы принципиально не отличаются от злоупотребления доминирующим положением на рынке традиционными предприятиями, то есть о наличии злоупотребления следует судить на основе конкурентного эффекта рыночной власти предприятия и делового поведения. Кроме того, конкретные формы того, как операторы платформы используют данные, алгоритмы, технологии и правила платформы для осуществления неправомерного поведения, можно найти в подробных положениях в «Антимонопольном руководстве для платформенной экономики».

Заключение

Таким образом, в современном Китае конкуренция в сфере финансовых интернет-платформ в основном существует между традиционной банковской отраслью и формирующимися небанковскими платежными учреждениями, представленными сторонними платежами. В целом, правовая система антимонопольного регулирования в сфере платформенной экономики (включая и интернет-финансовые платформы) в Китае постоянно совершенствуется, формируя многоуровневую, многоплановую и всеобъемлющую законодательную систему, что не только помогает регулировать порядок внутреннего экономического рынка платформенной экономики, но и повышает международный авторитет Китая в области антимонопольного регулирования.

¹ 《反垄断法》修订，八大亮点深度解读. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1738036793411606033&wfr=spider&for=pc>. [Пересмотр «Антимонопольного закона», углубленное толкование восьми основных положений].

Список источников

1. 孙晋.数字平台的反垄断监管[J].中国社会科学,2021(5):101-127+206-207. Сунь Цзинь. Антимонопольный надзор за цифровыми платформами // Китайские общественные науки. 2021. № 5. С. 101–127+206–207.
2. 王璐,李晨阳.平台经济生产过程的政治经济学分析[J].经济学家,2021(6):53-61. Ван Лу, Ли Чэньян. Политэкономический анализ производственного процесса платформенной экономики // Экономист. 2021. № 6. С. 53–61.
3. 薛熠、张昕智.数字经济时代金融科技推动金融业发展的机理研究[J].北京师范大学学报 (社会科学版), 2022(03):104-112. Сюэ И, Чжан Синьчжи. Исследование механизма финансовых технологий для содействия развитию финансовой индустрии в эпоху цифровой экономики // Журнал Пекинского педагогического университета (Общественные науки). 2022. № 3. С. 104–112.
4. 赵大伟.我国互联网消费金融相关问题研究[J].金融理论与实践, 2021 (08) : 49-56. Чжао Давэй. Исследование вопросов, связанных с потребительским финансированием через Интернет в нашей стране // Финансовая теория и практика. 2021. № 8. С. 49–56.
5. 刘添硕、金凯瑞、邵振宇.NFC支付方式的发展问题及对策[J].商场现代化, 2019(24):26-28. Лю Тяньшуо, Цзинь Кэжуй, Шао Чжэньюй. Проблемы развития оплаты NFC и их решение // Модернизация торговых центров. 2019. № 24. С. 26–28.
6. 李红阳,毕一博.我国互联网平台反垄断的难点、意义与启示.新金融,2021(4): 24-27. Ли Хунян, Би Ибо. Сложность, значение и опыт антимонопольного регулирования интернет-платформ в нашей стране // Новые финансы. 2021. № 4. С. 24–27.
7. 李继尊.关于互联网金融的思考.管理世界,2015(7):1-7+16. Ли Джизун. Мышление об интернет-финансах // Мир управления. 2015. № 7. С. 1–7+16.
8. 占佳.互联网金融反垄断规制政策研究.新金融.2021 (9) : 57-62. Чжань Цзя. Исследование Политики антимонопольного регулирования Интернет-финансов // Новые финансы. 2021. № 9. С. 57–62.
9. 杨舒等.基于互联网金融视角的第三方支付现状调查[J].北方经贸, 2022(01): 104-107. Исследование статус-кво сторонних платежей в аспекте интернет-финансов / Ян Шу [и др.] // Северная экономика и торговля. 2022. № 1. С. 104–107.
10. 许多奇.互联网金融风险的社会特性与监管创新[J].法学研究,2018(05) : 20-39. Социальные характеристики и регулятивные инновации интернет-финансового риска // Китайский юридический журнал. 2018. № 5. С. 20–39.
11. 房云飞.浅析金融科技对P2P网络借贷发展的影响[J].商业经济,2019(01) : 172-175. Фан Юньфэй. Краткий анализ влияния финансовых технологий на развитие P2P онлайн-кредитования // Бизнес и экономика. 2019. № 1. С. 172–175.

12. 王健.互联网金融平台的反垄断问题[J].互联网金融法律评论, 2016 (2) : 3-17. Ван Цзянь. Антимонопольное регулирование финансовых в сфере интернет-финансовых платформ // Обзор законодательства о интернет-финансах. 2016. № 2. С. 3–17.
13. 余庆泽等：基于 SERVQUAL 模型的科技金融平台服务质量评测研究 [J] . 科技管理研究, 2019 (11) : 113-121. Юй Цинцзе и др.: Исследование по оценке качества обслуживания научно-технических финансовых платформ на основе модели SERVQUAL // Научно-технические управленческие исследования. 2019. № 11. С. 113–121.
14. 陈敏、高传群.金融科技发展与我国银行风险承担行为[J].学习与实践, 2022 (01) : 22-33. Чэнь Мин, Гао Чжуаньцунь. Развитие финтеха и склонность китайских банков к риску // Изучение и практика. 2022. № 1. С. 22–33.
15. 刘春航.金融科技与银行价值链的重塑[J].金融监管研究,2021(01) : 1-11. Лю Чуньхан. Финансовые технологии и реконструкция цепочки создания стоимости банков // Исследование финансового регулирования. 2021. № 1. С. 1-11.
16. 韩磊.实现金融服务供给与实体经济需求的有效契合[J].群众,2020(06) : 50-51. Хан Лэй. Обеспечение эффективного соответствия между предложением финансовых услуг и спросом в реальном секторе экономики // Массы. 2020. № 6. С. 50–51.
17. 黄铨颀.互联网金融下网络小额贷款发展优化对策[J].现代企业, 2021 (10) : 107-108. Хуан Чэнцзе. Меры оптимизации для развития онлайн-кредитования малого бизнеса в рамках интернет-финансирования // Современное предприятие. 2021. № 10. С. 107–108.
18. 孙微, 朱怀念.基于博弈论的商业银行与小额贷款公司的合作分析[J]. 财经理论研究,2021,(06) : 52-59. Сунь Вэй, Чжу Хуайнянь Анализ сотрудничества между коммерческими банками и микрофинансовыми компаниями на основе теории игр // Журнал финансовой и экономической теории. 2021. № 6. С. 52–59.
19. 秦诗云.我国众筹平台发展的现状、问题与对策探究 [J] .现代商业,2018 (31) : 178-179. Цинь Шиюнь. Развитие краудфандинговых платформ в Китае: статус-кво, проблемы и контрмеры // Современный бизнес. 2018. № 31. С. 178–179.

References

1. Sun Jin. Anti-monopoly regulation of digital platforms. *Social Sciences in China*, 2021, no. 5, pp. 101–127+206–207. (In Chin.).
2. Wang Lu, Li Chenyang. Political Economy analysis of the production process of platform economy. *Economist*, 2021, no. 6, pp. 53–61. (In Chin.).
3. Xue Yi, Zhang Xinzhi. Research on mechanism of financial industry promoted by Fintech in digital economy era. *Journal of Beijing Normal University (Social Science Edition)*, 2022, no. 3, pp. 104–112. (In Chin.).

4. Xue Yi, Zhang Xinzhi. Research on issues related to Internet consumer finance in China. *Finance Theory and Practice*, 2021, no. 8, pp. 49–56. (In Chin.).
5. Liu Tianshuo, Jin Kairui, Shao Zhenyu. Problems of NFC payment development and their solution. *Modernization of shopping centers*, 2019, no. 24, pp. 26–28. (In Chin.).
6. Li Hongyang, Bi Yibo. The difficulty, significance and enlightenment of anti-monopoly of Internet platform in our country. *New Finance*, 2021, no. 4, pp. 24–27. (In Chin.).
7. Li Jizun. Reflections on Internet finance. *Management World*, 2015, no. 7, pp. 1–7+16. (In Chin.).
8. Zhan Jia. Research on anti-monopoly Regulation Policy of Internet finance. *New Finance*, 2021, no. 9, pp. 57–62. (In Chin.).
9. Yang Shu et al. Investigation on the status quo of third-party payment based on the perspective of Internet finance. *Northern Economy and Trade*, 2022, no. 1, pp. 104–107. (In Chin.).
10. Xu Duoqi. Social characteristics and regulatory innovation of Internet financial risks. *Chinese Journal of Law*, 2018, no. 5, pp. 20–39. (in Chinese).
11. Fang Yunfei. Analysis on the influence of Fintech on the development of P2P online lending. *Business & Economy*, 2019, no. 1, pp. 172–175. (In Chin.).
12. Wang Jian. Antimonopoly regulation in the field of Internet financial platforms. *Internet Finance Law Review*, 2016, no. 2, pp. 3–17. (In Chin.).
13. Yu Qingze [et al.]. Research on service quality evaluation of Sci-tech Financial Platform Based on SERVQUAL Model. *Science and Technology Management Research*, 2019, no. 11, pp. 113–121. (In Chin.).
14. Chen Min, Gao Chuanqun. The development of Fintech and Chinese banks' risk-taking Behavior. *Study and Practice*, 2022, no. 1, pp. 22–33. (In Chin.).
15. Liu Chunhang. Financial technology and bank value chain remodeling. *Financial Regulation Research*, 2021, no. 1, pp. 1–11. (In Chin.).
16. Han Lei. Realizing the effective fit between financial service supply and real economy demand. *Masses*, 2020, no. 6, pp. 50–51. (In Chin.).
17. Huang Chengjie. Optimization Countermeasures for the development of online small loans under Internet finance. *Modern Enterprise*, 2021, no. 10, pp. 107–108. (In Chin.).
18. Sun Wei, Zhu Huainian. Analysis of cooperation between commercial banks and small loan companies based on game theory. *Journal of Financial and Economic Theory*, 2021, no. 6, pp. 52–59. (In Chin.).
19. Qin Shiyun. Research on the status quo, problems and countermeasures of the development of Chinese crowdfunding platforms. *Modern Business*, 2018, no. 31, pp. 178–179. (In Chin.).

Информация об авторе

Ван Гуанлун – научный сотрудник Китайско-российского центра сравнительного правоведения Юридического института Хэнаньского университета, г. Кайфун, Китай.

Information about the author

Wang Guangdong – researcher at the Sino-Russian Center for Comparative Law, Henan University Law Institute, Kaifeng, China.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 02.03.2023.

The article was submitted 02.03.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 02.03.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 51–58.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 51–58.

Научная статья

УДК 615.838(571.54):339.133.017

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/51-58>

ИЗУЧЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ В КУРОРТНОМ ЛЕЧЕНИИ И ОЗДОРОВЛЕНИИ У ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОТДЫХАЮЩИХ НА КУРОРТАХ ГОРЯЧИНСК И АРШАН)

Светлана Батоевна Будаева

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств,
г. Улан-Удэ, Россия, sbbudaeva@mail.ru

Аннотация. Природные лечебные ресурсы определяют развитие курортной индустрии, которая, в свою очередь, не может существовать в отрыве от туризма. В Бурятии действуют два крупных курорта «Горячинск» и «Аршан», предлагающие разнообразные курортные и рекреационные услуги, пользующиеся спросом у отдыхающих. Изучены потребности приезжающих граждан в курортном лечении и оздоровлении. Показано, что большинство респондентов посещают курорты каждый год, средняя продолжительность отдыха на курортах Горячинск и Аршан 2–3 дня. Установлено, что основной целью посещения курортов у большинства людей трудоспособного возраста и для пенсионеров является потребность в лечении.

Ключевые слова: природные лечебные ресурсы, Бурятия, курорт Аршан, курорт Горячинск, потребности, оздоровление, курортные услуги.

Для цитирования: Будаева С. Б. Изучение потребности в курортном лечении и оздоровлении у отдельных групп населения (на примере отдыхающих на курортах Горячинск и Аршан) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 51–58. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/51-58>

Original article

**STUDYING THE NEED FOR RESORT TREATMENT
AND REHABILITATION IN INDIVIDUAL POPULATION GROUPS
(BY THE EXAMPLE OF HOLIDAYERS IN THE RESORTS
OF GORIACHINSK AND ARSHAN)**

Svetlana Batoevna Budaeva

East Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude, Russia, sbbudaeva@mail.ru

Summary. Natural healing resources determine the development of the resort industry, which, in turn, cannot exist in isolation from tourism. In Buryatia, there are two large resorts "Goryachinsk" and "Arshan", offering a variety of resort and recreational services that are in demand among vacationers. The needs of visiting citizens in resort treatment and rehabilitation were studied. It is shown that the majority of respondents visit the resorts every year, the average duration of rest in the resorts of Goryachinsk and Arshan is 2-3 days. It has been established that the main purpose of visiting resorts for most people of working age and for pensioners is the need for treatment.

Keywords: natural healing resources, Buryatia, resorts "Arshan", "Goryachinsk", needs, health improvement, resort services.

For citation: Budaeva. S. B. Studying the need for resort treatment and rehabilitation in individual population groups (by the example of holidayers in the resorts of Goriachinsk and Arshan) // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 51–58. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/51-58>

Введение

Республика Бурятия богата природными лечебными ресурсами, определяющими развитие курортной индустрии. Курортом называется освоенная и используемая в лечебно-профилактических целях территория, располагающая природными лечебными ресурсами и необходимыми для их эксплуатации зданиями и сооружениями [1]. Предприятия, расположенные в курортных местностях, предлагают разнообразные санаторно-курортные услуги, которые являются частью туристско-рекреационных услуг. Туристско-рекреационная сфера представляет собой сложную систему, где на входе в данную систему находятся туристские и рекреационные ресурсы, а на выходе – услуги и другие блага. Социальное функционирование туристско-рекреационной сферы обусловлено потребностью людей в отдыхе, лечении, курортной реабилитации, воспроизводстве физических, эмоциональных и интеллектуальных сил [2].

В настоящее время туристско-рекреационные услуги являются одними из наиболее перспективных направлений развития внутреннего туризма в Российской Федерации, в том числе и в Республике Бурятия. Услугами предприятий туристско-рекреационной сферы в основном пользуются в свободное, отпускное время, сочетая лечение с отдыхом, где главными лечебными и оздоровительными детерминантами выступают природные факторы: минеральные воды, грязи, климат, ландшафт. Находясь в сфере комплексного отдыха, санаторно-курортная отрасль не может существовать в отрыве от туризма, так как здесь заинтересовано большое число потребителей, пользующихся не только лечебно-оздоровительными, но и спортивными, анимационными и другими услугами [3].

Основной целью исследования является оценка потребности в санаторно-курортном лечении у отдельных групп населения (на примере отдыхающих на курортах Горячинск и Аршан).

Результаты социологического исследования

В настоящее время в Бурятии действуют два крупных курорта: «Аршан» и «Горячинск». Курорт «Горячинск» является одним из старейших курортов Восточной Сибири, был открыт в 1810 г. [4]. По биоклиматическим параметрам район курорта «Горячинск» относится к рекреационным местностям 1 ранга – особо благоприятных для рекреации и санаторно-курортного лечения [5].

Курорт «Аршан» входит в категорию бальнеологических, горноклиматических курортов (общей вместимостью 840 мест), включает в себя санатории «Саянь», «Аршан» и детский санаторно-оздоровительный лагерь круглогодичного действия «Эдельвейс» [6].

Курорты обладают уникальным комплексом природных лечебных факторов: минеральная вода, сапропелевые грязи, целебный климат и живописная природа побережья Байкала [7]. Основными природными лечебными факторами являются углекислые, маломинерализованные, кремнистые, сульфатно-гидрокарбонатно-магниево-кальциевые слабокислые термальные воды и сульфидные иловые грязи, которые высокоэффективно лечат заболевания органов пищеварения, кровообращения, дыхания, мочевыделительной и эндокринной системы, обмена веществ.

Такое разнообразие уникальных природных лечебных факторов, большой спектр медицинских и дополнительных услуг на курортах Бурятии рождает спрос на курортный отдых у жителей Республики Бурятия.

Как показывают результаты анкетирования (40% населения Бурятии проживает в г. Улан-Удэ [8]), предпочтения в выборе места отдыха отданы курортам Аршан и Горячинск: в большинстве случаев люди трудоспособного возраста предпочитают курорт Аршан, затем курорт Горячинск, люди старше трудоспособного возраста выбирают Горячинск, что, видимо, связано с транспортной доступностью курорта, затем – Аршан, Киран, другие курорты (см. рис. 1).

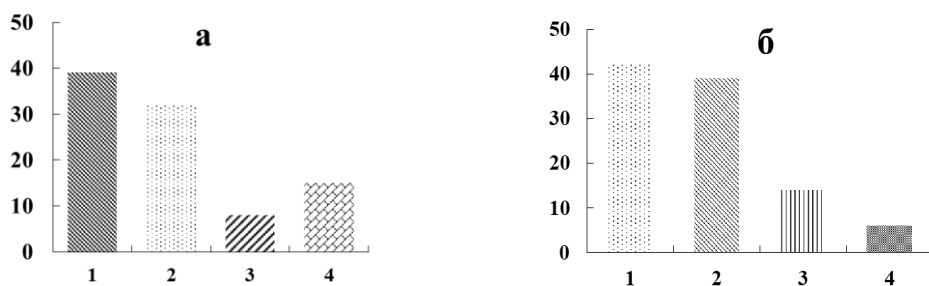

Рис. 1. Выбор мест отдыха жителями и гостями Республики Бурятия:
 а) трудоспособным населением: 1 – Аршан, 2 – Горячинск, 3 – Киран, 4 – др. курорты;
 б) жителями пенсионного возраста: 1 – Горячинск, 2 – Аршан, 3 – Киран, 4 – др. курорты
Fig. 1. The choice of residents and guests of the Republic of Buryatia of places of rest:
 а) able-bodied population: 1 – Arshan, 2 – Goryachinsk, 3 – Kiran, 4 – other resorts;
 б) residents of retirement age: 1 – Goryachinsk, 2 – Arshan, 3 – Kiran, 4 – other resorts

Большинство респондентов посещают курорты каждый год (см. рис. 2), примерно 20% отдыхают один раз в 2–3 года.

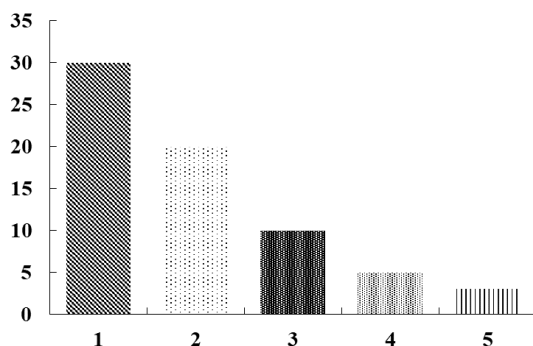

Рис. 2. Посещение курортов Горячинск и Аршан:
 1 – каждый год, 2 – 1 раз в 2–3 года, 3 – несколько раз в год, 4 – 1 раз, 5 – ни разу не были
Fig. 2. Visiting resorts Goryachinsk and Arshan:
 1 – every year, 2 – 1 time in 2–3 years, 3 – several times a year, 4 – 1 time, 5 – have never been

С помощью анкетирования нами изучена средняя продолжительность отдыха на курортах Горячинск и Аршан. Выявлено, что почти 50 % людей трудоспособного возраста на курорт приезжают на 2–3 дня (обычно выходные) (см. рис. 3). Необходимо отметить возросшую популярность семейных поездок выходного дня у жителей г. Улан-Удэ.

Основной целью посещения курортов для большинства людей трудоспособного возраста и для пенсионеров стала потребность в лечении (см. рис. 4).

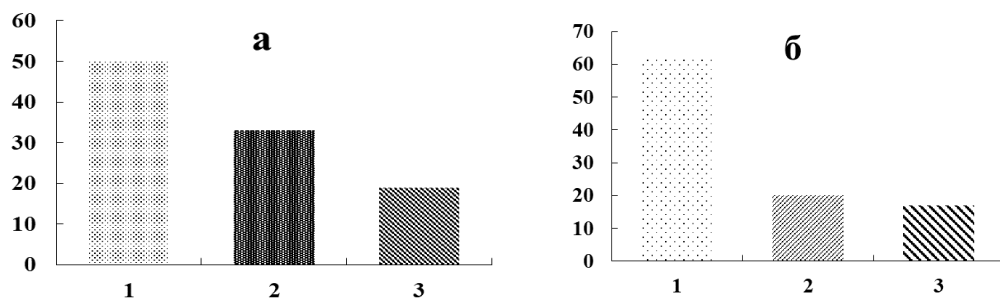

Рис. 3. Средняя продолжительность отдыха:

- а) трудоспособное население: 1 – 2–3 дня (обычно выходные), 2 – 7–10 дней, 3 – 14–21 день;
б) жители пенсионного возраста: 1 – 7–10 дней, 2 – 14–21 день, 3 – 2–3 дня (обычно выходные)

Fig. 3. Average duration of rest: a) able-bodied population: 1 – 2–3 days (usually days off), 2 – 7–10 days, 3 – 14–21 days;

- b) residents of retirement age: 1 – 7–10 days, 2 – 14–21 days, 3 – 2–3 days (usually days off)

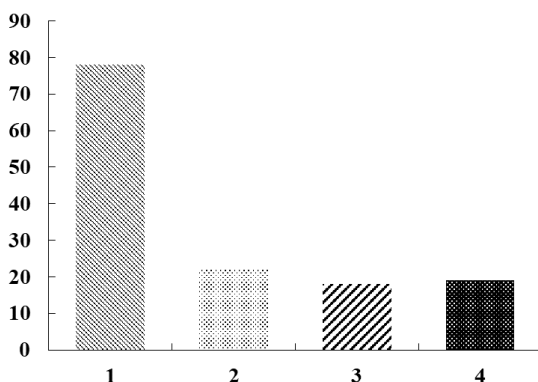

Рис. 4. Основная цель посещения курортов Горячинск и Аршан:

- 1 – лечение, 2 – комфорт, 3 – отдых, 4 – общие оздоровительные услуги

Fig. 4. The main purpose of visiting the resorts of Goryachinsk and Arshan:

- 1 – treatment, 2 – comfort, 3 – rest, 4 – general health services

Это связано с тем, что на курортах Горячинск и Аршан предлагается широкий спектр лечебно-оздоровительных процедур и мероприятий, лечение заболеваний костно-мышечной системы, кожи, нервной системы, органов дыхания (включая бронхиальную астму и хронический бронхит), а также гинекологических, андрологических и аллергических заболеваний. Санаторий предлагает различного рода лечебно-профилактические программы помимо базовых: разгрузочно-диетическая терапия (лечебное голодание), эндэкологическая реабилитация организма по Левину, «Остеохондроз», «Мир массажа», «Антистресс», «Красота» и множество других.

Горячинская минеральная вода относится к группе азотно-кремнистых терм (температура на выходе 54,5 градуса). Несмотря на малое содержание микроэлементов, вода обладает выраженной биологической активностью и принимает активное участие в жизнедеятельности организма. Минеральная вода отличается противовоспалительным, спазмолитическим, десенсибилизирующим, желчегонным, обезболивающим действием. Следующим природным лечебным фактором являются сапропелевые грязи, они оказывают противовоспалительное, обезболивающее, спазмолитическое действие, улучшающее трофику и кровообращение.

Основными природными лечебными факторами являются углекислые, мало-минерализованные, кремнистые, сульфатно-гидрокарбонатно-магниевые-кальциевые слабокислые термальные воды и сульфидные иловые грязи, которые высокоэффективно лечат заболевания органов кровообращения, дыхания, мочевыделительной и эндокринной системы, обмена веществ.

В комплексном санаторно-курортном лечении используется питье минеральной воды «Аршан», бальнеотерапия (ванны, лечебные души, орошения), климатолечение, диетотерапия, физиотерапия, парафиноозокеритолечение, лечебная гимнастика, массаж, ингаляции, галотерапия, современные методы диагностики (ЭКГ, спирометрия, эндоскопия, внутриволостная РН-метрия, клиническая и биохимическая, бактериологическая лабораторная диагностика, реовазографические исследования).

Как известно, современные курорты должны стать местами не только лечения больных и людей, находящихся в состоянии предболезни, но и оздоровления здоровых. Кроме природных лечебных факторов в здравнице используются и преформированные лечебные факторы: предлагается аппаратное физиолечение, ингаляции, спелеотерапия, ароматерапия, лечебная физкультура, массаж, мониторинговое очищение кишечника, микроклизмы. В свободное время рекреанты могут пользоваться услугами клуба, бара, тира, совершить экскурсию по курорту и другим достопримечательностям, в том числе в Чивыркуйский залив.

На курорте действует и другой природный лечебный фактор: климат. Мягкая зима с обилием снега и теплое, умеренно дождливое лето позволяют круглогодично применять климатолечение.

На курорте Аршан предлагаются различные косметологические услуги, иглорефлексотерапия, гидромассаж, аромафитотерапия, озонотерапия, гирудотерапия, кислородный коктейль, стоматология ортопедическая и терапевтическая и др. Работают специализированные круглогодичные отделения «Мать и дитя» (от 4 до 14 лет), реабилитации и долечивания больных, перенесших хирургическое лечение на органах пищеварения, долечивания больных сахарным диабетом и беременных женщин группы риска, разгрузочно-диетической терапии, а также проводится эндоэкологическая реабилитация по Левину [9]. Благоприятное влияние на лечение оказывают занятия в группах здоровья, в тренажерных залах, дозированная ходьба по живописным лесным терренкурам.

Выводы

Таким образом, результаты анкетирования свидетельствуют (40% населения Бурятии проживает в г. Улан-Удэ), что предпочтения в выборе места отдыха отданы, в основном, курортам Аршан и Горячинск. Установлено, что большинство респондентов посещают курорты каждый год.

На основе анкетирования выявлено, что средняя продолжительность отдыха на курортах Горячинск и Аршан у 50 % людей трудоспособного возраста составляет 2–3 дня (обычно выходные).

Основная цель посещения курортов у большинства людей трудоспособного возраста и для пенсионеров является потребность в лечении, что связано с тем, что на курортах Горячинск и Аршан предлагается широкий спектр лечебно-оздоровительных процедур и мероприятий, а также различного рода лечебно-профилактические программы помимо базовых.

Список источников

1. Ветитнев А. М., Журавлева Л. Б. Курортное дело: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2006. 527 с.
2. Еделев Д. А. Особенности обеспечения конкурентоспособности рекреационно-туристской сферы // Современная научная мысль. 2014. № 1. С. 141–147.
3. Хряков В. В. Социально-экономические аспекты функционирования и развития санаторно-оздоровительного комплекса // Социальная политика и социальное партнерство. 2007. № 12. С. 27–31.
4. Курорт «Горячинск». URL: <http://www.gor03.ru/>.
5. Курорт «Горячинск» // БайкалКурорт. URL: <http://kurort.e-baikal.ru>.
6. Курорт «Аршан». URL: <http://kurort-arshan.ru/>.
7. Мункоев Ю. В., Натаев П. Л. Курорты Бурятии. Минеральные целебные источники и здравницы Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1978. 120 с.
8. Бурятстат. Население Республики Бурятия. URL: <http://90.188.52.103:8080/SITE/BUR1181/2012/im00840r.htm>.
9. Курорт «Аршан» // БайкалКурорт. URL: <http://kurort.e-baikal.ru/>.

References

1. Vetitnev A. M., Zhuravleva L. B. Resort business: textbook. Moscow: KNORUS Press, 2006. 527 p. (In Russ.).
2. Edelev D. A. Features of ensuring the competitiveness of the recreational and tourist sphere. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2014, no. 1, pp. 141–147. (In Russ.).
3. Khryakov V. V Socio-economic aspects of the functioning and development of the sanatorium and health complex. *Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo*, 2007, no. 12, pp. 27–31. (In Russ.).

4. Resort "Goryachinsk". URL: <http://www.gor03.ru/>. (In Russ.).
5. Resort "Goryachinsk". *Baikal Resort*. URL: <http://kurort.e-baikal.ru/>. (In Russ.).
6. Resort "Arshan". URL: <http://kurort-arshan.ru/>. (In Russ.).
7. Munkoev Yu. V., Nataev P. L. Resorts of Buryatia. Mineral healing springs and health resorts of Buryatia. Ulan-Ude: Buryat. book. publishing house, 1978. 120 p. (In Russ.).
8. Buryatstat. Population of the Republic of Buryatia. URL: <http://90.188.52.103:8080/SITE/BUR1181/2012/im00840r.htm>.
9. Resort "Arshan". *Baikal Resort*. URL: <http://kurort.e-baikal.ru/>.

Информация об авторе

С. Б. Будаева – доцент, кандидат фармацевтических наук, заведующая кафедрой туризма, сервиса и физического воспитания Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, г. Улан-Удэ, Россия.

Information about the author

S. B. Budaeva – Associate Professor, Candidate of Pharmaceutical Sciences, Head of the Department of Tourism, Service and Physical Education, East Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 05.02.2023.

The article was submitted 05.01.2023; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 05.02.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 59–83.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 59–83.

ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 502.1:32(100-775)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/59-83>

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТЫХ ГОСУДАРСТВ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЕ

Елена Васильевна Панова, Государственная Дума Российской Федерации,
Москва, Россия, karygroup@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8782-3680>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования экологической политики развитых государств. Исследуются законодательные акты и стратегические документы, особенности взаимодействия и роль ключевых субъектов данного процесса. Оценивается влияние процессов глобализации и международных отношений на формирование экологической политики отдельных государств. Сделан вывод о том, что в экологической политике развитых стран заметное место занимают климатическая повестка и интересы конкретных групп влияния. Наравне с глобализацией они оказывают значительное воздействие на формирование государственных стратегий и достижение поставленных целей. Происходящие негативные тенденции в мировой экономике только ускоряют реализацию ими климатических программ и формируют новые экологические стандарты.

Ключевые слова: экологическая политика, субъекты, устойчивое развитие, климатическая повестка, глобализация.

Для цитирования: Панова Е. В. Экологическая политика развитых государств: общее и различие // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 59–83. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/59-83>

POLITICS

Original article

**ENVIRONMENTAL POLICY OF DEVELOPED STATES:
COMMONALITIES AND DIFFERENCES**

Elena Vasilyevna Panova, State Duma of the Russian Federation, Moscow, Russia,
karrypoupe@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8782-3680>

Abstract. The article discusses the features of the formation of environmental policy in developed countries. Legislative acts and strategic documents, features of interaction and the role of key subjects of this process are studied. The author evaluates the influence of globalization processes and international relations on the formation of environmental policies of individual states. The author comes to the conclusion that the climate agenda and the interests of specific influence groups occupy a prominent place in the environmental policies of developed countries. Along with globalization, they have a significant impact on the formation of government strategies and the achievement of goals. The ongoing negative trends in the global economy only accelerate the implementation of their climate programs and form new environmental standards.

Keywords: environmental policy, subjects, sustainable development, climate agenda, globalization.

For citation: Panova E. V. Environmental policy of developed states: commonalities and differences // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no 1. P. 59–83. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/59-83>

Введение

Экология играет важную роль в современном переустройстве международных отношений. Это связано как с социальной ролью вопросов экологии, так и с зависимостью государств от природных ресурсов и все возрастающей конкуренцией за доступ к ним. Климатическая повестка – часть происходящих перемен, которая требует выстраивания взвешенной государственной политики, так как предполагает не только технологические изменения, но и существенные расходы бюджетной системы стран-участниц данного процесса.

В этой связи особое внимание следует уделить экологической политике развитых государств – Германии, Великобритании, Евросоюза в целом, Соединенных Штатов Америки, Китайской Народной Республики, выделив в ней общее и осо-

бенное, оценив участие международных организаций, общественности в принятии управленческих решений. Отдельного внимания заслуживает анализ документов и законов, стратегий развития, а также роли ключевых субъектов и влияния экономических процессов на их реализацию. Так, для ЕС характерно объединение сил, единство целей и инфраструктуры, развитие межгосударственного сотрудничества, участие общественности в природоохранных мероприятиях. В США большое влияние на экологическую повестку оказывает политическая партия, находящаяся у власти, и лоббизм крупных бизнес-компаний. В Китае во главу угла ставятся государственные интересы и решения, при этом влияние общественности, в том числе иностранных организаций, – минимально.

Отметим, что за последние 30 лет произошел существенный рост организаций в сфере охраны окружающей среды. Происходит активное вовлечение граждан в климатическую повестку с возложением на них части обязанностей и ответственности за происходящие изменения.

Экологическая политика как направление государственной политики начала определяться в конце XX в. [1]. В рамках ее научного изучения было сформировано три ключевых подхода: холистический, экономический, правовой [2]. По нашему мнению, анализ работ последнего десятилетия позволяет говорить еще об одном подходе – глобалистском, который связан с концепцией «устойчивого развития».

В настоящее время экологическую политику можно рассматривать как взаимодействие различных экономических, политических и социальных структур [3, с. 68], направленных на формирование и реализацию стратегии в сфере охраны окружающей среды с учетом экономической ситуации и мировой повестки, целей и задач ключевых субъектов. По степени интенсивности их участия принято разделять экологическую политику на активную и реактивную. Активная направлена на достижение стратегических целей, реактивная, как правило, представляет собой ответную реакцию на происходящие события.

Рассмотрим особенности формирования экологической политики на примере конкретных государств. Отдельные исследователи при изучении данного вопроса отмечают, что богатые страны демонстрируют более высокую заботу об окружающей среде, чем бедные [4, с. 140]. По нашему мнению, во многом это объясняется состоянием экономики, качеством жизни и наличием наилучших доступных технологий.

Европейский Союз

С середины 70-х гг. XX в. охрана окружающей среды стала одним из приоритетных направлений политики Европейского сообщества, что нашло отражение в программе «Окружающая среда для Европы» [5, с. 92]. Экологическая политика ЕС характеризуется объединением сил европейских стран в реализации единой эко-

гической политики, развитием межгосударственного сотрудничества, участием общественности в природоохранных организациях.

Европейскими странами в общей сложности принято более 200 экологических законов и постановлений. В их основе – Концепция устойчивого развития. Проводником экологической политики в Европе является Комитет по экологической политике Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН [6, с. 78]. Создано Европейское агентство по окружающей среде (ЕАОС). При Агентстве функционирует Европейская сеть экологической информации и наблюдений (Eionet), в его основе общая инфраструктура стран ЕС, стандарты и инструменты, институциональное сотрудничество. В настоящее время ЕАОС насчитывает 32 страны-члена и шесть сотрудничающих стран. Такое объединение не только способствует развитию сотрудничества, но и вырабатывает дополнительные аргументы для защиты интересов объединения на международных площадках.

ЕАОС принята стратегия действий на 2021–2030 гг. по пяти основным направлениям: «биоразнообразии и экосистемы», «климатические изменения», «здоровье человека и окружающей среды», «экономика замкнутого цикла и использование ресурсов», «устойчивые тренды и перспективы» [7].

В 2019 г. ЕС принял ряд законов в рамках климатического и энергетического пакета. Они объединены Стратегией «Европейский зеленый курс» [8]. В ее развитие в 2021 г. был принят Европейский закон о климате в форме Регламента (ЕС) 2021/1119 [9]. Он законодательно закрепил цель достижения климатической нейтральности экономики и общества Европы, а также установил промежуточную цель по сокращению выбросов парниковых газов не менее чем на 55 % к 2030 г. по сравнению с уровнями 1990 г. (программа «Fit for 55»). В общей сложности в климатической сфере в ЕС действуют свыше 40 регламентов и директив и не менее 19 программных документов. Правовая политика ЕС в большей степени сосредоточена на снижении уровня выброса парниковых газов, чем на адаптации к последствиям изменения климата, и интегрирована в отраслевые сферы правового регулирования.

Среди основных мер можно назвать: водородная стратегия; ускоренный переход на электромобили; отказ от угольной энергетики; сокращение объемов и темпов вырубki деревьев и лесовосстановление; защита населения от воздействия изменения климата. Одновременно в ЕС введена Европейская система торговли выбросами (EU ETS) – первая в мире международная система торговли квотами на выбросы. Европарламент также нормативно закрепил существование и применение углеродного налога еще в начале 2021 г., рассматривая данный платеж в качестве пошлины для импортных товаров в ЕС, который дает возможность бесплатно выдавать квоты на выбросы CO₂ для европейских компаний [10].

Европейскими странами в качестве приоритетных стратегий экологической политики активно используются [5, с. 93–94]:

- стратегия национального регулирования. Включает принципы финансирования и реализации природоохранных мероприятий; формирование рынка экологических услуг; совершенствование правовой базы с учетом специфики экономических и экологических целей устойчивого развития;
- стратегия дерегулирования. Направлена на поиск баланса между экологическим качеством и экономической конкуренцией;
- стратегия национального контроля. Предполагает мониторинг экологического качества природной среды и выработку программы улучшения состояния окружающей среды при соблюдении принципа гласности и проведения всесторонних консультаций между странами;
- стратегия ограничительных экономических мер. Например, до энергетического кризиса в 2022 г. в ЕС продвигался план по запрету товаров, связанных с вырубкой лесов. После утверждения документа предприятия вынуждены проверять, что сельскохозяйственные товары, продаваемые в ЕС, не были произведены на обезлесенных или деградированных землях где-либо в мире [11]. Также ЕС реализуется план по поэтапному отказу от импорта российской нефти, который, по мнению экспертов, предоставит дополнительное преимущество в виде сокращения выбросов от сжигания ископаемого топлива. После введения санкций в отношении России в санкционные пакеты были включены меры, запрещающие страховым и судоходным компаниям, принадлежащим ЕС, предоставлять услуги, связанные с транспортировкой российской нефти в другие пункты назначения [12]. По данным Еврокомиссии, запреты коснулись более 40 % от всего оборота товаров и услуг между Россией и Евросоюзом в 2021 г.

Кроме тесного сотрудничества по вопросам формирования и реализации экологической политики для Европейского союза также характерно объединение обществности в природоохранные организации или группы. Наибольшую активность в этом вопросе проявляют общественные организации в Великобритании, Германии, Нидерландах и Дании. То же относится к вопросам изменения климата. Так, статья 9 Европейского закона о климате 2021 г. обязывает Европейскую комиссию взаимодействовать со всем обществом, чтобы дать им возможность и полномочия для принятия мер по обоснованному и социально справедливому переходу к климатически нейтральному и устойчивому к изменению климата обществу [13].

Вместе с тем не все однозначно одобрительно воспринимают проводимую политику. По мнению члена Европарламента от Польши Анны Залевской: «Закон о климате содержит приказы и запреты. Он не только приведет к новым налогам, но также увеличит стоимость повседневной жизни» [14]. Это может вызвать как социальное недовольство, так и рост протестной активности. В Италии, Германии, Ав-

стрии [15], во Франции уже высказывается недовольство высокими ценами на энергоносители и организуются акции протеста под лозунгом «Против дорогой жизни». Предпринимаются и отдельные шаги по пересмотру действующих норм. В частности, корректируются планы использования угольной и атомной генерации в краткосрочной перспективе.

Федеративная Республика Германия

Лидером среди стран ЕС в области охраны окружающей среды считается Германия. Природоохранные меры в ФРГ проводятся и регулируются на трех уровнях: федеральном, земельном и местном [16, с. 135]. Индустриализация в XIX в. сформировала ее крепкие экологические традиции. Наиболее известны выступления активистов Германии против функционирования и строительства атомных электростанций. В частности, 35 лет активисты добивались закрытия АЭС Брокдорф. 425 раз группа активистов выходила с акциями протеста [17]. До энергетического кризиса, наступившего в результате санкционной политики в отношении России, правительство Германии планировало завершить эксплуатацию угольных электростанций в 2030–2038 гг. [17]. Летом 2022 г. из-за нехватки российского газа страны ЕС (в том числе Германия) [18] стали возвращаться к угольной генерации, рассматривая это как вынужденный и временный шаг. Экспертами прогнозируется ускоренный переход стран ЕС на возобновляемые источники энергии, стоимость которых на фоне роста цен на нефть становится экономически выгодной так же, как и инвестиции в «зеленую» экономику. К настоящему времени Германия уже создала крупнейшую в Европе «экологическую индустрию», в которой занято около 1 млн человек.

В целом стоит отметить, что экологическая политика Германии формируется под влиянием государства, общественности, научного сообщества и масс-медиа. Вклад каждого из них в зависимости от темы и цели меняется. До 1970-х гг. политику определяли органы власти и бизнес. С ростом общественного движения вперед вышло гражданское общество и СМИ. В 1980-е гг. лидерство оказалось в руках экспортно-ориентированной промышленности [19]. Катастрофа на Чернобыльской АЭС (УССР) в 1986 г. на первый план вывела гражданское общество. В 1990–2000-х гг. всевозрастающую роль стали играть международные организации.

Закон об экологической информации ФРГ и аналогичные акты на уровне земель регулируют доступ к экологической информации по запросам граждан, включая экологическую информацию, которой располагают частные лица (например, компании), если они выполняют общественные обязанности или предоставляют общественные услуги, связанные с окружающей средой и находящиеся под контролем государственных органов [20].

Федеральная конституция Германии, а также конституции большинства земель признают политику в области окружающей среды и изменения климата конституци-

онной ценностью [21]. Климатическое законодательство является частью экологического права ФРГ. Основы климатической политики государства прописаны в Основном законе ФРГ. В первую очередь вопросы борьбы с изменением климата регулируются федеральными законами, реализация и фактическое обеспечение соблюдения экологических требований возлагаются на земли и их соответствующие органы [20].

Приняты и реализуются программные документы, а также документы, предусматривающие экономические стимулы для борьбы с изменением климата. Среди них: Пакет экономических стимулов 2020 г. [22], Комплексный национальный план по энергетике и климату Германии [23], План действий по борьбе с изменением климата до 2050 г. [24].

Основные направления климатического законодательства Германии:

- экономическое стимулирование,
- обеспечение эффективной реализации климатических стандартов,
- финансирование климатических проектов,
- обеспечение энергосбережения и использования альтернативных источников энергии,
- создание системы торговли национальными сертификатами на выбросы топлива.

Германия в 2021 г. запустила первый этап (2021–2030 гг.) национальной системы торговли квотами на выбросы (nEHS), которая охватывает только CO₂ от сжигания топлива предприятиями транспортного и строительного сектора и дополняет ETS ЕС.

Германия придает большое значение соблюдению требований экологического законодательства, а в распоряжении властей имеется множество инструментов правоприменения: наложение исполнительного штрафа, принятие мер за счет оператора, отзыв разрешений или закрытие объекта, уголовная ответственность [20].

ФРГ, являясь активной сторонницей Киотского протокола и Парижского соглашения, в 2002 г. приняла Стратегию устойчивого развития (далее – Стратегия), в январе 2017 г. – ее новую редакцию [25]. Стратегия предусматривает меры, реализуемые внутри страны и в других странах с участием правительственных организаций, бизнеса. В частности, российско-германское природоохранное сотрудничество осуществлялось на основе Соглашения между Правительством РФ и Правительством ФРГ о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 28 мая 1992 г. Успешно реализованы проекты «Восстановление торфяных болот в России в целях предотвращения пожаров и смягчения изменений климата», «Климатически нейтральная хозяйственная деятельность: внедрение наилучших доступных технологий (НДТ) РФ» и др. [26].

Доля применения возобновляемой энергетики в электрогенерации возросла с 19,9 % (2011 г.) до 37,8 % (2019 г.). Рост инвестиций в возобновляемые источники

энергии за десять лет достиг 61 %, по данным Федерального статистического управления Германии [27]. Несмотря на масштабные шаги по развитию альтернативной энергетики, в Германии сейчас разворачивается серьезный энергетический кризис, который может спровоцировать политическую и социальную нестабильность. Германия уже анонсировала самый масштабный пакет мер по поддержке потребителей газа, готова выделить более 90 млрд евро на компенсацию коммунальных затрат для обычных граждан и малого бизнеса [28]. Вероятно, это станет началом пересмотра реализуемой экологической политики в стране.

Великобритания

Среди других стран отметим политику Великобритании. Именно здесь зародилась климатическая повестка. Правительство Великобритании обратило внимание на вопросы экологии после Второй мировой войны. Ключевыми темами стали сокращение вредных выбросов и сохранение водных ресурсов. Произошел рост общественного движения. Так, Национальный фонд насчитывал в 1944 г. менее 7000 членов, а в 2017 г. в организации по охране природы было около 5 млн человек [29].

Ведущую роль в формировании экологической политики Великобритании и многих стран Европы сыграла премьер-министр Маргарет Тэтчер. Как писала *The Guardian*, она помогла нанести изменение климата на основную политическую карту [30]. В 1989 г. на Генеральной ассамблее ООН М. Тэтчер обратилась к международному сообществу и стала первым крупным политиком, который заложил основы международного законодательства. Она призвала разработать Конвенцию по климату, а также соглашение по сохранению биоразнообразия. Оба документа были приняты в 1992 г. [31].

Тэтчер сыграла важную роль в принятии закона «Об охране окружающей среды» 1990 г., в основании Центра климатических исследований и прогнозов по изменению климата, создании межправительственной группы экспертов по изменению климата и ратификации Монреальского протокола об охране озонового слоя.

Климатическая повестка остается ключевой для Великобритании и сейчас. Летом 2019 г. Правительство страны выступило с заявлением о планах снизить выбросы парниковых газов почти до нуля к 2050 г. Канцлер Филип Хаммонд предупредил о потенциальной стоимости этих мер в 1 триллион фунтов стерлингов к 2050 г. [32].

Реализуемая политика меняет структуру экономики Великобритании. Как заметила премьер-министр Великобритании Тереза Мей, страна является центром экологически ориентированного развития и инноваций. Низкоуглеродные технологии и экологически чистая энергетика ежегодно приносят экономике страны 44,5 млрд фунтов стерлингов [33]. В 2021 г. Правительство приняло Стратегию

промышленной декарбонизации [34]. Великобритания также стала первой страной G7, подписавшей отраслевую Сделку о переходном периоде в Северном море между Правительством и морской нефтегазовой промышленностью [35], чтобы поддержать переход нефтегазовой отрасли к «зеленой энергии», сохраняя при этом 40 000 рабочих мест.

В преддверии 26-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, которая состоялась в ноябре 2021 г., правительство Великобритании начало кампанию «Вместе ради нашей планеты» [36], призывая предприятия, группы гражданского общества, школы и общественность принять меры по борьбе с изменением климата. Эта инициатива способствовала тому, что треть предприятий Великобритании объявили о своих целях по устранению их влияния на изменение климата к 2050 г. [37]. Фактически был запущен План зеленой промышленной революции. Он предусматривает инвестиции: в морские ветряные электростанции, производство водорода, развитие ядерной энергетики, производство электромобилей, «зеленого» авиа и общественного транспорта, новые стандарты в строительстве, улавливание и хранение углерода, восстановление экосистем и зеленое финансирование. В качестве актуальной задачи Б. Джонсон, занимая пост премьер-министра, обозначил – превращение «Великобритании в центр номер один в мире по зеленым технологиям и финансам, заложив основы для десятилетий экономического роста» [38].

Таким образом, в Великобритании тон экологической политики задает правительство, изначально сделав борьбу с потеплением климата одним из своих приоритетов с учетом перспектив экономического развития. Вокруг государственных решений формируется законодательство, перестраивается экономика, концентрируется общество. Необходимо отметить, что в Великобритании именно государственные структуры активно вовлекают в процесс охраны окружающей среды общественный сектор, создавая правительственные или финансируемые правительством организации [16, с. 132]. Наряду с проправительственными общественными структурами действуют: Друзья Земли, Советы по охране сельской среды Англии, Шотландии и Уэльса. В более широких масштабах мероприятия осуществляет «Гринпис», он долгое время имел свою штаб-квартиру в Англии, а также Всемирный фонд охраны дикой природы (WWF), который финансирует широкий спектр программ по экологическому просвещению.

Соединенные Штаты Америки

Экологическая политика Америки опирается на интересы национальных корпораций, правящей партии и отличается высоким уровнем лоббизма. Основные этапы формирования экологической политики США совпадают с аналогичными периодами в странах ЕС. Более того, проблематика также схожа: вредные выбросы

в атмосферу, состояние водных ресурсов, деградация почв, накопление отходов. Этому способствовали как глобализация, так и бурное экономическое развитие самих Соединенных Штатов.

Крупные аварии 1969 г., которые совпали с избранием президента США, повлияли на формирование государственной политики в области охраны окружающей среды. Так, в январе 1969 г. в результате аварии на нефтяном бурении у побережья Санта-Барбары (Калифорния) миллионы галлонов нефти попали в окружающую экосистему океана. Спустя несколько месяцев в крупнейшем промышленном центре США – Кливленде (штат Огайо) – загорелась река Кайахога. Десятилетиями она засорялась промышленным мусором [39].

В своем первом обращении к Конгрессу о положении дел в стране избранный президентом США Р. Никсон подчеркнул, что будет уделять внимание очистке окружающей среды. В 1969 г. им был подписан «Акт о национальной политике в области окружающей среды» (NEPA) [40]. Согласно NEPA при проведении национальной политики государство должно учитывать экологические факторы в такой же степени, как и социальные, экономические и т. п. В 1970 г. было создано Агентство по защите окружающей среды (EPA), функции которого состоят в проведении мероприятий по улучшению качества окружающей среды [41].

Отметим, что США не являются жесткими последователями реализации международных документов, а исходят в первую очередь из экономических интересов собственной страны, национальных корпораций и правящей партии. Так, США не присоединились к Киотскому протоколу и, таким образом, не приняли конкретных обязательств по сокращению выбросов, с 1 июня 2017 г. вышли из Парижского соглашения по климату [42, с. 87], а с избранием президентом США Дж. Байдена опять к нему присоединились.

Одной из мер сокращения выбросов в атмосферу США является перенос особо вредных предприятий в менее развитые страны, в частности в государства Латинской Америки. Например, в Мексике долгое время работает автомобильный завод Ford Motor Company, который в среднем в день выделяет в атмосферу около 1340 кг углекислого газа. Американские корпорации также перенесли большую часть собственной горнодобывающей и обрабатывающей промышленности в Латинскую Америку с целью как сохранения ресурсов своей страны, так и снижения загрязнения атмосферы на своей территории [43, с. 151].

Для экологической политики США характерно противостояние общественного мнения и интересов бизнеса, которые являются активными политическими акторами. Одна из первых природоохранных общественных организаций Environmental Defense Fund (EDF) была создана ещё в 1967 г. для решения локальных и глобальных экологических проблем [44]. Ответом на рост гражданской активности в 80–90-е гг. XX в. стало создание корпорациями департамен-

тов по связям с общественностью и лоббистских структур. Так, в 1982 г. 2445 фирм имели в Вашингтоне своих представителей, в то время как в 1971 г. они были только у 175 [45, с. 96]. В результате корпорациям удалось добиться моратория на некоторые природоохранные законы. Определенную роль в этом сыграло участие общественных организаций на стороне бизнеса. В отдельных исследованиях корпорации США называются одними из спонсоров деятельности международной организации «Гринпис» [46].

Как уже отмечалось нами, звучание экологической повестки в США зависит от партийной принадлежности руководства страны. Республиканцы реже поднимают вопросы охраны окружающей среды и чаще разделяют позицию бизнеса, чем представители Демократической партии. Так, президент-республиканец Дж. Буш-младший (2001–2009 гг.) отказался от ратификации Киотского протокола, поскольку, по его мнению, это могло разрушить экономику США и подорвать ее конкурентное преимущество [47, с. 11].

Президент от Демократической партии Б. Обама (2009–2017 гг.) взял курс на борьбу с глобальным потеплением. Он подписал Парижское соглашение по климату и Президентский климатический план действий [48]. Республиканец Д. Трамп (2017–2021 гг.) отменил многие экологические нормы, принятые правительством Б. Обамы. Была закрыта программа по сокращению загрязнения атмосферы парниковыми газами. Корпорации получили практически неконтролируемый доступ к энергетическим ресурсам, а страна вышла из Парижского соглашения по климату [49].

С приходом администрации Дж. Байдена (2021 г. – н.в.) климатическая проблематика стала одним из главных внутренних и внешних приоритетов страны и способом восстановления американского «глобального лидерства» в целом [50, с. 68].

Основой климатической политики государства на сегодняшний день является План революции чистой энергии и экологической справедливости (далее – План) [51]. В качестве основной задачи выступает переход к «чистой» экономике, т. е. полностью основанной на применении «чистой» энергии, а также достижение углеродной нейтральности не позднее 2050 г.

План закрепляет ряд мер, среди которых:

- введение запрета на получение новых разрешений на добычу нефти и газа на государственных землях и в акваториях;
- разработка целевых программ по усилению лесовосстановления и развитию возобновляемых источников энергии на федеральных землях и в акваториях.

Проведенный анализ позволяет предположить, что экологическая политика США постоянно меняется и направляется политиками. Именно они принимают решение о смене курса или его корректировке. По мнению старшего научного сотрудника Лаборатории анализа международных процессов (ЛАМП) МГИМО МИД России Максима Сучкова, причины «экологического раскола» в США – в переделе

тении идеологии и денег. Сырьевые (угольные, нефтяные, газовые) и IT-компании предпочитают направлять пожертвования Республиканской партии по двум причинам: республиканцы выступают за минимальное вмешательство государства в деятельность компаний и снижение налогового бремени, демократы больше ориентируются на социальную проблематику и запросы общества [52].

Отдельно подчеркнем, что климатическое законодательство входит в систему экологического законодательства США. Его анализ позволяет выделить следующие особенности: 1) развитие альтернативных способов получения энергии бизнесом; 2) использование частным сектором экологически чистых видов энергии; 3) отказ от использования загрязняющих веществ в промышленности; 4) установление стандартов выбросов парниковых газов для легковых и грузовых автомобилей, самолетов, а также климатических стандартов для нефтяного и газового сектора и электростанций; 5) установление стандартов эффективности и норм выбросов для полигонов твердых бытовых отходов с целью сокращения выбросов свалочного газа; 6) создание и реализация программ финансирования озеленения, помощи биоперерабатывающим заводам и др.

К готовящимся изменениям в климатическом законодательстве США относится законопроект, предполагающий расширение полномочий государственного департамента по внедрению мер по борьбе с изменением климата и климатической дипломатии во все бюро и миссии США за рубежом [53]. Законопроект дает право президенту объявить чрезвычайное положение в стране в связи с изменением климата, а также обязывает его обеспечивать, чтобы федеральное правительство инвестировало средства в проекты по смягчению последствий чрезвычайной ситуации и сокращению выбросов парниковых газов, не менее 40 % таких инвестиций должны быть направлены на исторически неблагополучные сообщества [54].

Китайская Народная Республика

На фоне переменчивости американской экологической политики «зелёным» выглядит образ Китая. После выхода Америки из Парижского соглашения в июне 2017 г. многие наблюдатели ожидали, что Китай возьмет на себя роль лидера в глобальной климатической повестке, что было совершенно невозможно до Копенгагенского саммита в 2009 г. [55, с. 774].

КНР во главу угла ставит национальные интересы и экономическое развитие страны, оставаясь активным участником международных событий [47, с. 11]. Выверенные шаги КНР в этом вопросе связаны с тем, что Китай является крупным потребителем природных ресурсов и одним из основных загрязнителей планеты. Увеличение спроса порождает рост цен на ресурсы и их истощение, что требует пересмотра политики в сторону поиска новых менее затратных и экологически чистых технологий.

Китай при реализации экологической политики опирается прежде всего на собственные экономические интересы, отчего зависит его участие в реализации международных соглашений. На данный момент Китай – активный участник «зелёной» дипломатии и различных международных мероприятий. После Конференции ООН по проблемам окружающей среды 1972 г. в КНР было создано Агентство по защите окружающей среды, контролю промышленных выбросов и экологическому планированию. К 2014 г. КНР подписала соглашения о двустороннем экологическом сотрудничестве более чем с 40 странами [56, с. 62]. Китай взял на себя обязательства в рамках более 30 международных конвенций и выполнил уже многие из них.

Вместе с тем вовлеченность КНР в международную политику сохранения окружающей среды зависит от влияния этой политики на ситуацию внутри Китая. Если экологическая программа или инициатива являются несовместимыми с экономическим развитием или ставят под удар суверенитет КНР, то они не будут приняты в Китае [57, с. 15–17].

В частности, КНР отказалась подписывать Киотский договор, устанавливающий ограничения выбросов в атмосферу в рамках Конвенции ООН по изменению климата. Причиной является приоритетность экономического роста. Значительную долю экономики КНР составляют отрасли тяжелой промышленности (химическая, угольная и горнодобывающая), которые потребляют огромное количество энергии и дают большое количество опасных и перерабатываемых отходов.

Однако отказ Китая от подписания отдельных международных документов не означает, что страна не подпадает под влияние мировой экологической политики. Более того, Китай к этому не стремится. Здесь интересно то, как международное сообщество вовлекает страны в глобальную экологическую повестку. Одним из инструментов воздействия является предоставление права другим стать участниками мировых событий. Например, эту роль успешно играют Олимпийские игры. ЮНЕП (программа ООН по защите окружающей среды) в 1994 г. начала сотрудничество с Международным олимпийским комитетом. С этого момента при проведении Олимпийских игр отдельное внимание уделяется экологическим аспектам [58].

Так, перед проведением в Пекине Олимпийских Игр в 2008 г. многие эксперты высказывали озабоченность уровнем загрязненности воздуха в городе, который врачи считали небезопасным для здоровья спортсменов. Китай вынужден был реализовать комплексную программу экологической подготовки Игр. По данным ЮНЕП, вложения китайского правительства в ее реализацию составили 17 млрд долларов США. «Игры послужили катализатором экологических преобразований в Китае как в плане долгосрочной политики властей, так и в плане рывка в развитии экологических технологий», – отметил исполнительный директор Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) Ахим Штайнер [59]. Китай – не единственная страна, которая в рамках подготовки к Олимпийским играм корректировала свою эко-

логическую политику. ЮНЕП имела соглашение об экологическом сопровождении Зимних Олимпийских Игр в канадском Ванкувере в 2010 г. Заключение ЮНЕП также повлияло на перенос ряда олимпийских объектов, планирующихся к строительству в российском Сочи.

В 2006 г. (за два года до Олимпиады) китайское правительство внесло «зелёную повестку» в 11-й пятилетний план и потратило на это до 4 % ВВП. Была запущена программа «Три Пи» (people, planet, profitability), сочетающая развитие человеческого потенциала и общества, частного бизнеса и сохранение природы. За исполнение этой программы были обязаны отвечать китайские банки. Банк Развития Китая разработал стратегию, согласно которой кредиты для бизнеса могли предоставляться только в соответствии с исполнением предприятиями ряда экологических директив [60].

В 2016 г. КНР ратифицировала Парижское соглашение, и страна взяла обязательства по сокращению выбросов углекислого газа. В 2018 г. на уровне конституции Китай закрепил цель построения экологической цивилизации [61]. 13-я пятилетка (2016–2020 гг.) в КНР стала полностью сочетать в себе исполнение зелёных обязательств и устойчивое развитие экономики. В качестве стимулирующих мер используются как ужесточение ответственности загрязнителей, так и экономические меры поддержки: налоговые льготы, «зелёные кредиты» и пр. В целом можно говорить о трех ключевых аспектах зеленой трансформации Китая: появление новых действующих лиц (судьи, прокуроры, местная полиция, налоговые бюро и пр.), растущая зависимость от специальных механизмов правоприменения, новые амбиции по использованию больших данных и технологий в управлении окружающей средой [55, с. 776].

В 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин на Генеральной Ассамблее ООН заявил, что Китай к 2060 г. достигнет углеродной нейтральности. При этом КНР к 2030 г. планирует достичь пика выбросов парниковых газов в атмосферу, одновременно сокращая энергоёмкость экономики и увеличивая мощности атомной энергетики. Страна активно развивает альтернативную энергетику, на ее долю приходится 30 % мировых энерго мощностей, работающих на возобновляемых источниках энергии, и постепенно переходит на электромобили, уже сейчас имея самый большой рынок в мире по их продажам [62].

Анализируя экологическую политику Китая, можно выделить несколько ее особенностей:

1. Постепенная смена экологической политики в сторону большей зелёности под воздействием международного сообщества [63, с. 192] и реальных потребностей страны.
2. Сильное влияние национальных интересов при реализации международных соглашений.

3. Гражданское общество внутри страны не оказывает заметного влияния на экологическую политику.

Воздействие экологических организаций на формирование экологической политики Китая отличается от европейской и американской практик. Это связано с системой управления Китаем и сильной централизованной властью. Исследователи отмечают тесное сотрудничество местных общественных институтов с органами власти [64] при сильном ограничении деятельности иностранных НКО.

В настоящее время правовая база по изменению климата в Китае содержится разрозненно в отраслевом законодательстве. И хотя существующие законы включают правила, которые можно использовать в управлении климатом, исследователи подчеркивают необходимость принятия всеобъемлющего закона об изменении климата.

Страна ведет работу по усилению правового регулирования вопросов ответственности в сфере экологии и климата. В октябре 2021 г. Государственный совет КНР опубликовал план действий по достижению пиковых выбросов CO₂ до 2030 г., в котором излагаются основные цели Китая на период 14-й (2021–2025 гг.) и 15-й (2026–2030 гг.) пятилетки, включая увеличение доли альтернативной энергии, повышение энергоэффективности и сокращение выбросов CO₂. Анализ климатического законодательства Китая позволяет выделить следующие основные правовые институты: а) ограничение различных источников загрязнителей атмосферы, включая парниковые газы, диоксид серы, оксиды азота, летучие органические соединения, аммиак и т.д.; б) осуществление экологичной транспортной политики; в) обеспечение осуществления государственного управления, включая научные исследования и использование новых технологий для мониторинга и выявления тенденций загрязнения атмосферы; г) установление ответственности в сфере экологии и климата [65].

В текущем году КНР реализует проект, направленный на принятие мер «по измерению выбросов парниковых газов в рамках новой инициативы по улучшению качества данных и надзора в отношении ключевых отраслей промышленности и регионов» [66].

Заключение

Рассмотрение экологической политики различных государств позволяет говорить о том, что заметное влияние на нее оказывают глобальная экологическая повестка и политика, проводимая международным сообществом. Даже если страна, такая как Китай, ставит во главу угла национальные интересы, она вынуждена принять общие правила, чтобы оставаться участником глобальных процессов, корректируя собственную программу действий. В то же время значимыми субъектами экологической политики (кроме международных организаций и государств) являются транснациональные корпорации, чьи властные и государственные ресурсы

способны повлиять на принятие решений органами власти. СМИ и гражданское общество также играют заметную роль, фактически являясь барометром мнения относительно принимаемых решений. Однако их влияние, по нашему мнению, во многом зависит от текущей экологической и экономической ситуации.

По результатам проведенного исследования приходим к выводу, что наличие нескольких субъектов экологической коммуникации, разность их интересов, влияние процессов глобализации, изменение экологической и экономической ситуации, происходящих трансформаций межгосударственных союзов требуют выработки новых подходов и повышения эффективности экологической политики, в основе которой должны лежать стратегические экологические коммуникации. В условиях меняющегося мира, предстоящего реформирования международных союзов и экономических цепочек это играет ключевую роль.

Список источников

1. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию: [принята Конф. ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/riodecl.shtml>.
2. Порфирьев Б. Н. Природа и экономика: риски взаимодействия. М.: Анкил, 2011. 351 с.
3. Голиченков А. К. Государственная экологическая политика – «факторы успеха»: право, идеология // Экологическая политика. URL: https://rupolitology.ru/wp-content/uploads/2019/11/Ekologicheskaya_politika.pdf.
4. Smith E. K., Mayer A. A social trap for the climate? Collective action, trust and climate change risk perception in 35 countries // *Global Environmental Change*. 2018. Vol. 49. P. 140.
5. Гусев А. А. Экологическая политика Европейского союза в контексте концепции устойчивого развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-politika-evropeyskogo-soyuza-v-kontekste-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya/viewer>.
6. Морозова В. Н. Мировая экологическая политика и международное экологическое сотрудничество. Воронеж: ИПЦ. ВГУ, 2007. 125 с.
7. EEA-Eionet Strategy 2021–2030. URL: <https://www.eea.europa.eu/publications/eea-eionet-strategy-2021-2030>.
8. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions «The European Green Deal». URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1588580774040&uri=CELEX:52019DC0640>.
9. Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending

Regulations (EC) No 401/2009 and (EU) 2018/1999 («European Climate Law»). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021R1119>.

10. Введение углеродного налога в мире: будущее российского экспорта «не-зеленой» продукции. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/vvedenie-uglerodnogo-naloga-v-mire-budushchee-rossiyskogo-eksporta-ne-zelenoy-produktsii/>.

11. E.U. lawmakers advance plan to ban products linked to deforestation. URL: <https://www.eenews.net/articles/e-u-s-russian-oil-ban-could-reduce-global-emissions/>.

12. E.U.'s Russian oil ban could reduce global emissions. URL: <https://www.eenews.net/articles/e-u-s-russian-oil-ban-could-reduce-global-emissions/>.

13. Regulation (EU) 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action, amending Regulations (EC) No 663/2009 and (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council, Directives 94/22/EC, 98/70/EC, 2009/31/EC, 2009/73/EC, 2010/31/EU, 2012/27/EU and 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council, Council Directives 2009/119/EC and (EU) 2015/652 and repealing Regulation (EU) No 525/2013 of the European Parliament and of the Council (PE/55/2018/REV/1). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2018.328.01.0001.01.ENG.

14. European Green Deal – главные положения закона. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/60f80a9e9a79476b4bdcc14f>.

15. Логинова К. До первых заморозков: митингующие в ЕС потребовали отменить антроссийские санкции // Известия. 2022. 5 октября. URL: <https://iz.ru/1405444/kseniia-loginova/do-pervykh-zamorozkov-mitinguiushchie-v-es-potrebovali-otmenyu-antirossiiskikh-sanktsii>.

16. Иванов С. А. Эффективность экологических мероприятий в Великобритании и ведущих континентальных странах Европы в условия кризиса // Актуальные проблемы Европы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-ekologicheskikh-meropriyatij-v-velikobritanii-i-veduschih-kontinentalnyh-stranah-evropy-v-usloviya-krizisa/viewer>.

17. Заккрытие АЭС в Брокдорфе. Как ФРГ отказывается от ядерной энергии. URL: <https://www.dw.com/ru/zakrytie-ajes-v-brokdorfe-kak-frg-otkazyvaetsja-ot-jadernoj-jenergii/a-60280810>.

18. В Германии запускают резервные угольные ТЭС // Вести.ру. 2022. 23 августа. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2904541>.

19. Экологическая политика в Германии. 24.11.2020. URL: <https://www.dekoder.org/ru/gnose/ekologicheskaya-politika-v-germanii>.

20. Environment and climate change laws and regulations in Germany. URL: <https://iclg.com/practice-areas/environment-and-climate-change-laws-and-regulations/germany>.

21. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. 1949. URL: <https://climate-laws.org/geographies/india/laws/the-finance-bill-2010-11-and-the-clean-energy-cess-rule-s-2010>.
22. Economic stimulus package 2020. URL: <https://climate-laws.org/geographies/germany/policies/economic-stimulus-package>.
23. Germany's Integrated National Energy and Climate Plan. 2019. URL: <https://climate-laws.org/geographies/germany/policies/germany-s-integrated-national-energy-and-climate-plan>.
24. Climate Action Plan 2050. URL: <https://climate-laws.org/geographies/germany/policies/climate-action-plan-2050>.
25. Стратегия устойчивого развития Германии. 2011. URL: ekapraekt.by/wp-content/uploads/2019/06/nachhaltigkeitsstrategie-rs.pdf
26. Россия и Германия активизируют сотрудничество в области экологии и рационального использования природных ресурсов // Министерство природы Российской Федерации. 22.01.2020. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/rossiya_i_germaniya_aktiviziruyut_sotrudnichestvo_v_oblasti_ekologii_i_ratsionalnogo_ispolzovaniya_p/.
27. Власти Германии отметили рост инвестиций в «зеленые» технологии // ИА Красная Весна. 27.10.2021. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/298b312d>.
28. Антишоковые миллиарды: как Германия смягчает гражданам рост цен на газ и свет // Новые известия. 2022. 3 ноября. URL: <https://newizv.ru/article/general/03-11-2022/antishokovye-milliardy-kak-germaniya-smyagchaet-grazhdanam-rost-tsen-a-gaz-i-svet>.
29. Экологические проблемы Великобритании. URL: <https://evolvelium.com/ecology/osnovnye-ekologicheskie-problemy-velikobritanii/>.
30. Margaret Thatcher: an unlikely green hero? // Theguardian. 2013. April 09. URL: <https://www.theguardian.com/environment/blog/2013/apr/09/margaret-thatcher-green-hero>.
31. Пророческий дар Маргарет Тэтчер и изменение климата // Новости ООН. 2013. 19 апреля. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2013/04/1017611>.
32. Изменение климата: правительство Великобритании возьмет на себя обязательства по достижению цели на 2050 год. URL: <https://www.bbc.com/news/science-environment-48596775>.
33. Премьер-министр Тереза Мэй: Великобритания к 2050 году сведет выбросы парниковых газов к нулю. 12.06.2019. URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-theresa-may-we-will-end-uk-contribution-to-climate-change-by-2050.ru>.
34. Industrial decarbonisation strategy. 17.03.2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/industrial-decarbonisation-strategy>.
35. North Sea Transition Deal. 24.03.2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/north-sea-transition-deal>.
36. Together for our Planet. URL: <https://together-for-our-planet.ukcop26.org/>.

37. Великобритания закрепила в законе новую цель по сокращению выбросов на 78% к 2035 году. 20.04.2021. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-enshrines-new-target-in-law-to-slash-emissions-by-78-by-2035>.

38. The Ten Point Plan for a Green Industrial Revolution. 18.11.2020. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-ten-point-plan-for-a-green-industrial-revolution/title>.

39. Благими намерениями вымощена дорога к лесному пожару. URL: <https://ichi.pro/ru/blagimi-namereniami-vymosena-doroga-k-lesnomu-pozaru-169793400998311>.

40. NEPA. URL: <https://ceq.doe.gov/laws-regulations/regulations.html>.

41. U.S. Environmental Protection Agency URL: https://www.no-regime.com/ru-ru/wiki/U.S._Environmental_Protection_Agency.

42. Кручинина Н. В. Международная экологическая политика: баланс интересов // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 5. С. 85–97.

43. Гарусова Л. Н., Курьянова У. Ю. Политика и законодательство США в экологической сфере // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2019. Т. 24, № 3. С. 147–160.

44. EDF. URL: <https://www.edf.org/about>.

45. Drutman L. The Business of America is lobbying: how corporations became politicized and politics became more corporate. Oxford (England, UK): Oxford University Press, 2015. 120 p.

46. Кремлик В. Кто финансирует Гринпис? URL: <http://ecoleaks.info/kto-finansiruuet-grinpis/>.

47. Valentine S. V., Sovacool B. K., Brown M. Empowering the Great Energy Transition: Policy for a Low-Carbon Future. N.Y.: Columbia University Press, 2019. 336 p.

48. The President's Climate Action Plan. 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/cap_progress_report_final_w_cover.pdf.

49. Хайнлайн П., Ханнас К. Трамп отменил экологические правила и нормы, введённые Обамой // Голос Америки. 2017. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/usclimate-change-debate/3785577.html>.

50. Караганов С. А. Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях зелёной трансформации мировой экономики и политики: доклад по итогам серии ситуационных анализов / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет мировой экономики и мировой политики. М.: Международные отношения, 2021. 97 с.

51. Климатическая политика администрации Джо Байдена: амбициозные планы и перспективы их реализации. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/klimaticheskaya-politika-administratsii-dzho-baydena-ambitsioznye-plany-i-perspektivy-ikh-realizatsii/>.

52. Как экологическая повестка стала частью политической жизни в США // Профиль. 2020. 11 февраля. URL: <https://profile.ru/abroad/kak-ekologicheskaya-povestka-stala-chastyu-politicheskoy-zhizni-v-ssha-225722/>.

53. United States Climate leadership in international mitigation, adaptation, and technology enhancement. Act of 2021. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1201>.

54. Climate emergency. Act of 2021. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/938>.

55. Kostka G., Zhang C. Tightening the grip: environmental governance under Xi Jinping // *Environmental Politics*. 2018. Vol. 27 (5). P. 769–781.

56. Вершинина В. Е. Экологическая политика КНР: глобальный, региональный и национальный аспекты // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-politika-knr-globalnyu-regionalnyu-i-natsionalnyu-aspekty/viewer>.

57. Шивэй В., Ясовеев М. Г. Экологическая политика Китая // *Экологический вестник*. 2016. № 1. С. 15–17.

58. Олимпийские игры в Пекине изменили состояние окружающей среды в Китае. URL: <https://www.ecosever.ru/article/19570.html>.

59. ООН считает, что Олимпиада изменила отношение Китая к экологии // *РИА Новости*. 22.08.2008. URL: <https://ria.ru/20080822/150587672.html>.

60. Экологическая повестка Китая // *Независимая газета*. 2022. 4 июня. URL: https://www.ng.ru/energy/2020-06-04/100_china04062020.html.

61. Wang Z., He H., Fan M. The Ecological Civilization Debate in China: The Role of Ecological Marxism and Constructive Postmodernism – Beyond the Predicament of Legislation // *Monthly Review*. 2014. January 11. URL: <https://monthlyreview.org/2014/11/01/the-ecological-civilization-debate-in-china/>.

62. Пятилетка по-пекински: Китай может себе позволить не ВВП наращивать, а о людях думать // *Свободная пресса*. 2021. 16 марта. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/292752/>.

63. Косов Г. В. Экополитология: политология в контексте экологических проблем. М.: А-ПРИОР, 2006. 320 с.

64. Конференция ООН по торговле и развитию. Энергоуслуги и экологические услуги: цели переговоров и приоритетов в области развития / под ред. С. Царриллели. Нью-Йорк; Женева, 2008. 512 с.

65. China's transition to a low-carbon economy and climate resilience needs shifts in resources and technologies. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/10/12/china-s-transition-to-a-low-carbon-economy-and-climate-resilience-needs-shifts-in-resources-and-technologies>.

66. Китай начинает кампанию по улучшению мониторинга парниковых газов. URL: <https://www.vedomosti.ru/ecology/regulation/news/2022/01/19/9054544>.

References

1. Rio Declaration on Environment and Development: [adopted by Conf. UN Environment and Development, Rio de Janeiro, June 3–14, 1992]. United Nations. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml. (In Russ.).
2. Porfiriev B. N. Nature and economics: risks of interaction. Moscow: Ankil Publ., 2011. 351 p. (In Russ.).
3. Golichenkov A. K. State environmental policy – "factors of success": law, ideology. *Ekologicheskaya politika*. URL: https://rupolitology.ru/wp-content/uploads/2019/11/Ekologicheskaya_politika.pdf. (In Russ.).
4. Smith E. K., Mayer A. A social trap for the climate? Collective action, trust and climate change risk perception in 35 countries. *Global Environmental Change*, 2018, vol. 49, pp. 140.
5. Gusev A. A. Ecological policy of the European Union in the context of the concept of sustainable development. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-politika-evropeyskogo-soyuza-v-kontekste-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya/viewer>. (In Russ.).
6. Morozova V. N. World environmental policy and international environmental cooperation. Voronezh: Publishing house Voronezh State University, 2007. 125 p. (In Russ.).
7. EEA-Eionet Strategy 2021–2030. URL: <https://www.eea.europa.eu/publications/eea-eionet-strategy-2021-2030>.
8. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "The European Green Deal". URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1588580774040&uri=CELEX:52019DC0640>.
9. Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No 401/2009 and (EU) 2018/1999 ("European Climate Law"). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021R1119>.
10. Introduction of a carbon tax in the world: the future of Russian exports of "non-green" products. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/vvedenie-uglerodnogo-naloga-v-mire-budushchee-rossiyskogo-eksporta-ne-zelenoy-produktsii/>. (In Russ.).
11. E.U. lawmakers advance plan to ban products linked to deforestation. URL: <https://www.eenews.net/articles/e-u-s-russian-oil-ban-could-reduce-global-emissions/>.
12. E.U.'s Russian oil ban could reduce global emissions. URL: <https://www.eenews.net/articles/e-u-s-russian-oil-ban-could-reduce-global-emissions/>.
13. Regulation (EU) 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action, amending Regulations (EC) No 663/2009 and (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council, Directives 94/22/EC, 98/70/EC, 2009/31/EC, 2009/73/EC, 2010/31/EU, 2012/27/EU

and 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council, Council Directives 2009/119/EC and (EU) 2015/652 and repealing Regulation (EU) No 525/2013 of the European Parliament and of the Council (PE/55/2018/REV/ 1). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3A0J.L_.2018.328.01.0.001.01.ENG.

14. European Green Deal – the main provisions of the law. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/60f80a9e9a79476b4bdcc14f>.

15. Loginova K. Until the first frosts: protesters in the EU demanded the lifting of anti-Russian sanctions. *Izvestiya*, 2022, October 5. URL: <https://iz.ru/1405444/kseniia-loginova/do-pervykh-zamorozkov-mitinguishchie-v-es-potrebovali-otmeny-antirossiiskh-sanktsii>. (In Russ.).

16. Ivanov S. A. The effectiveness of environmental measures in the UK and the leading continental European countries in a crisis. *Aktual'nye problemy Evropy*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-ekologicheskikh-meropriyatii-v-velikobritanii-i-veduschih-kontinentalnykh-stranah-evropy-v-usloviya-krizisa/viewer>. (In Russ.).

17. Closing of the nuclear power plant in Brockdorf. How Germany is phasing out nuclear energy. URL: <https://www.dw.com/ru/zakrytie-ajes-v-brokdorfe-kak-frm-otkazyvatsya-ot-jadernoj-jenergii/a-60280810>. (In Russ.).

18. Backup coal thermal power plants are being launched in Germany. *Vesti.ru*, 2022, August 23. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2904541>. (In Russ.).

19. Environmental policy in Germany. 11/24/2020. URL: <https://www.dekoder.org/ru/gnose/ekologicheskaya-politika-v-germanii>. (In Russ.).

20. Environment and climate change laws and regulations in Germany. URL: <https://iclg.com/practice-areas/environment-and-climate-change-laws-and-regulations/germany>.

21. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. 1949. URL: <https://climate-laws.org/geographies/india/laws/the-finance-bill-2010-11-and-the-clean-energy-cess-rules-2010>.

22. Economic stimulus package 2020. URL: <https://climate-laws.org/geographies/germany/policies/economic-stimulus-package>.

23. Germany's Integrated National Energy and Climate Plan. 2019. URL: <https://climate-laws.org/geographies/germany/policies/germany-s-integrated-national-energy-and-climate-plan>.

24. Climate Action Plan 2050. URL: <https://climate-laws.org/geographies/germany/policies/climate-action-plan-2050>.

25. Strategy for sustainable development of Germany. 2011. URL: ekapraekt.by/wp-content/uploads/2019/06/nachhaltigkeitsstrategie-rs.pdf. (In Russ.).

26. Russia and Germany intensify cooperation in the field of ecology and rational use of natural resources. *Official website of the Ministry of Natural Resources of Russia*, 2020, 22 January. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/rossiya_i_germaniya_aktiviziruyut_sotrudnichestvo_v_oblasti_ekologii_i_ratsionalnogo_ispolzovaniya_p/. (In Russ.).

27. The German authorities noted an increase in investment in green technologies. *Informatsionnoe Agentstvo Krasnaya Vesna*, 2021, October 27. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/298b312d>. (In Russ.).
28. Anti-shock billions: how Germany softens the rise in prices for gas and electricity to citizens. *Novye izvestiya*, 2022, November 3. URL: <https://newizv.ru/article/general/03-11-2022/antishokovye-milliardy-kak-germaniya-smyagchaet-grazhdanam-rost-tsen-na-gaz-i-svet>. (In Russ.).
29. Environmental problems in the UK. URL: <https://evolvelium.com/ecology/osnovnye-ekologicheskie-problemy-velikobritanii/>. (In Russ.).
30. Margaret Thatcher: an unlikely green hero? *Theguardian*, 2013, April 09. URL: <https://www.theguardian.com/environment/blog/2013/apr/09/margaret-thatcher-green-hero>.
31. The prophetic gift of Margaret Thatcher and climate change. *Novosti OON*, 2013, April 19. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2013/04/1017611>. (In Russ.).
32. Climate change: The UK government will commit to meeting the 2050 target. URL: <https://www.bbc.com/news/science-environment-48596775>. (In Russ.).
33. Prime Minister Theresa May: Britain will reduce greenhouse gas emissions to zero by 2050. 2019, December 06. URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-theresa-may-we-will-end-uk-contribution-to-climate-change-by-2050.ru>. (In Russ.).
34. Industrial decarbonization strategy. 2021, March 17. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/industrial-decarbonisation-strategy>.
35. North Sea Transition Deal. 2021, March 24. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/north-sea-transition-deal>.
36. Together for our planet. URL: <https://together-for-our-planet.ukcop26.org/>.
37. The UK has put into law a new target to reduce emissions by 78% by 2035. 2021, April 20. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-enshrines-new-target-in-law-to-slash-emissions-by-78-by-2035.ru>. (In Russ.).
38. The Ten Point Plan for a Green Industrial Revolution. 2020, November 18. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-ten-point-plan-for-a-green-industrial-revolution/title>.
39. The road to the forest fire is paved with good intentions. URL: <https://ichi.pro/ru/blagimi-namereniami-vymosena-doroga-k-lesnomu-pozaru-169793400998311>.
40. NEPA. URL: <https://ceq.doe.gov/laws-regulations/regulations.html>.
41. U.S. Environmental Protection Agency URL: https://www.no-regime.com/ru-ru/wiki/U.S._Environmental_Protection_Agency.
42. Kruchinina N. V. International environmental policy: balance of interests. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2019, no. 5, pp. 85–97. (In Russ.).
43. Garusova L. N., Kuryanova U. Yu. Politics and legislation of the USA in the environmental sphere. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN*, 2019, vol. 24, no. 3, pp. 147–160. (In Russ.).

44. EDF. URL: <https://www.edf.org/about>.
45. Drutman L. The Business of America is lobbying: how corporations became politicized and politics became more corporate. Oxford (England, UK): Oxford University Press, 2015. 120 p.
46. Kremlik V. Who finances Greenpeace? URL: <http://ecoleaks.info/kto-finansiru-et-grinpis/>. (In Russ.).
47. Valentine S. V., Sovacool B. K., Brown M. Empowering the Great Energy Transition: Policy for a Low-Carbon Future. New York: Columbia University Press, 2019. 336 p.
48. The President's Climate Action Plan. 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/cap_progress_report_final_w_cover.pdf.
49. Heinlein P., Hannas K. Trump canceled the environmental rules and regulations introduced by Obama. *Golos Ameriki*, 2017. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/uschlimat-change-debate/3785577.html>. (In Russ.).
50. Karaganov S. A. Turn to nature: Russia's new environmental policy in the context of the green transformation of the world economy and politics: report on the results of a series of case studies. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2021. 97 p. (In Russ.).
51. Climate policy of the Joe Biden administration: ambitious plans and prospects for their implementation. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/klimaticheskaya-politika-administratsii-dzho-baydena-ambitsioznye-plany-i-perspektivy-ikh-realizatsii/>. (In Russ.).
52. How the environmental agenda became part of the political life in the USA. *Profil'*, 2020, February 11. URL: <https://profile.ru/abroad/kak-ekologicheskaya-povestka-stala-chastyu-politicheskoy-zhizni-v-ssha-225722/>. (In Russ.).
53. United States Climate leadership in international mitigation, adaptation, and technology enhancement. Act of 2021. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1201>.
54. Climate emergency. Act of 2021. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/938>.
55. Kostka G., Zhang C. Tightening the grip: environmental governance under Xi Jinping. *Environmental Politics*, 2018, vol. 27 (5), pp. 769–781.
56. Vershinina V. E. Environmental policy of China: global, regional and national aspects. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-politika-kr-globalnyy-regionalnyy-i-natsionalnyy-aspekty/viewer>. (In Russ.).
57. Shiwei V., Yasoveev M. G. Environmental policy of China. *Ekologicheskii vestnik*, 2016, no. 1, pp. 15–17. (In Russ.).
58. The Beijing Olympic Games have changed the state of the environment in China. URL: <https://www.ecosever.ru/article/19570.html>. (In Russ.).

59. The UN believes that the Olympics have changed China's attitude towards the environment. *Novosti*, 2008, August 22. URL: <https://ria.ru/20080822/150587672.html>. (In Russ.).

60. China's environmental agenda. *Nezavisimaya gazeta*, 2022, June 4. URL: https://www.ng.ru/energy/2020-06-04/100_china04062020.html. (In Russ.).

61. Wang Z., He H., Fan M. The Ecological Civilization Debate in China: The Role of Ecological Marxism and Constructive Postmodernism – Beyond the Predicament of Legislation. *Monthly Review*, 2014, January 11. URL: <https://monthlyreview.org/2014/11/01/the-ecological-civilization-debate-in-china/>.

62. Beijing-style five-year plan: China can afford not to increase GDP, but to think about people. *Svobodnaya pressa*, 2021, March 16. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/292752/>. (In Russ.).

63. Kosov G. V. *Ecopolitology: political science in the context of environmental problems*. Moscow: A-PRIOR Publ., 2006. 320 p. (In Russ.).

64. Carrilleli S. (ed.). *United Nations Conference on Trade and Development. Energy services and environmental services: goals of negotiations and development priorities*. New York; Geneva, 2008. 512 p. (In Russ.).

65. China's transition to a low-carbon economy and climate resilience needs shifts in resources and technologies. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/10/12/china-s-transition-to-a-low-carbon-economy-and-climate-resilience-needs-shifts-in-resources-and-technologies>.

66. China is launching a campaign to improve greenhouse gas monitoring. URL: <https://www.vedomosti.ru/ecology/regulation/news/2022/01/19/9054544>. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Панова – руководитель аппарата Комитета по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды Государственной Думы Российской Федерации, Россия.

Information about the author

E. V. Panova – Head of the Committee on Ecology, Natural Resources and Environmental Protection of the State Duma of the Russian Federation, Russia.

Статья поступила в редакцию 23.03.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 03.04.2023.

The article was submitted 23.03.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 03.04.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 84–96.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 84–96.

Научная статья

УДК 323.2(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/84-96>

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДОВЕРИЯ К ИНСТИТУТАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

**Алексей Юрьевич Мамычев^{1,2}, Андрей Юрьевич Мордовцев^{3,4},
Татьяна Васильевна Мордовцева⁵**

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, mamyshev@yandex.ru

²Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

³Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, Россия, aum.07@mail.ru

⁴Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия

⁵Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия, mtvtaganrog@mail.ru

Аннотация. В предлагаемой научной статье выявляются и содержательно анализируются национально-ментальные «опоры» доверия населения к властным институтам и органам. В работе прослеживается филиация идей, определяющих становление концепции «менталитета» в западном гуманитарном дискурсе, определяются базовые, ментальные по своей природе, параметры моделирования и оценки механизма обеспечения доверительного отношения граждан к государственным структурам и их деятельности, тем более в условиях эскалации рискогенности и конфликтогенности в социально-политическом пространстве XXI в. Особое место в статье уделено особенностям ментальной зависимости авторитета государственной власти и доверия к ней социума в условиях имеющего место цифрового транзита, возникновения новых платформ и акторов властных отношений.

Ключевые слова: доверие, власть, менталитет, национальный характер, политико-правовые институты, население, политический процесс, цифровизация, политическая система, политические ценности, цифровой транзит.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований, № FZUG-2022-014.

Для цитирования: Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю., Мордовцева Т. В. Ментальные основания доверия к институтам государственной власти в российском социокультурном пространстве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 84–96. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/84-96>

Original article

THE MENTAL FOUNDATIONS OF TRUST IN THE INSTITUTIONS OF STATE POWER IN THE RUSSIAN SOCIO-CULTURAL SPACE

Alexey Yuryevich Mamychyev^{1,2}, Andrey Yuryevich Mordovtsev^{3,4},
Tatiana Vasilyevna Mordovtseva⁵

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, mamychyev@yandex.ru

²Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

³Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia, aum.07@mail.ru

⁴Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

⁵Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia, mtvtaganrog@mail.ru

Abstract: The proposed scientific article identifies and meaningfully analyzes the national-mental pillars of public confidence in government institutions and bodies. The paper traces the filiation of ideas that determine the formation of the concept of mentality in Western humanitarian discourse, defines the basic, mental by nature parameters of modeling and evaluation of the mechanism for ensuring the trusting attitude of citizens to state structures and their activities, especially in the conditions of escalation of risk and conflict in the socio-political space of the XXI century. A special place in the article is given to the peculiarities of the mental dependence of the authority of state power and the trust of society in it in the conditions of digital transit, the emergence of new platforms and actors of power relations.

Keywords: trust, power, mentality, national character, political and legal institutions, population, political process, digitalization, political system, political values, digital transit.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research, № FZUG-2022-014.

For citation: Mamychev A. Yu., Mordovtsev A. Yu., Mordovtseva T. V. The mental foundations of trust in the institutions of state power in the Russian socio-cultural space // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 1. P. 84–96. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/84-96>

От «национального характера» к «национальному менталитету»: филиация идей

Обращение к вопросам «национального характера» в той или иной форме, в разных своих дискурсивных выражениях, всегда имело место в антропологических и этнологических исследованиях. Авторы последних стремились к выявлению оригинальных, свойственных тому или иному народу, нации, этносу гуманитарных практик вообще и конкретных их проявлений в частности (политических, юридических, экономических, религиозных и др.), адекватному пониманию своеобразия мира повседневности, включающего такие важные образования, как семья, брак, способы передачи первичных и иных умений, знаний, навыков, или, выражаясь профессионально, «трансляции культуры». Например, в африканском типе культуры и цивилизации вся базовая информация, своего рода «культурные коды», передается в рамках господствующей там «патриархальной» модели (от старшего поколения к младшему, от родителей к детям), а в азиатской версии – национальный характер, присущие ему ценностные и смысловые ориентации формируются, прежде всего, внутри страт, замкнутых коллективов, например индийских каст, в рамках которых и транслируется разного рода информация, включая и политические, и правовые, и религиозные, и социально-бытовые знания и умения. Не случайно, что здесь и сами знания, характер их трансляции весьма догматические, часто окружены ореолом «таинственности», «секретности» и т. п., что, разумеется, получило свое отражение и в национальном характере представителей азиатского мира, определило их отношение (в том числе и к власти, государственным структурам, государству в целом).

Национальные характеры европейских народов начинают формироваться в последних веках прошлой эры, в ходе все более и более отрывающейся от азиатского и иных типов греко-римской культуры (политической, правовой, позже – экономической и т. п.). В этом духовном пространстве трансляция культуры основана на открытом характере информации, время «великих посвященных» (Э. Шюре) проходит, и знания, умения, навыки уже может получить любой, кто, конечно, желает это сделать [1].

Открытый и доступный характер информации (в большом ее объеме, так как некоторые сакральные тайны еще естественным образом остаются) предполагает и невиданный для азиатского или африканского типа мышления и сознания способ ее обоснования, появляется принципиально новый тип *аргументации* (позже – доказатель-

ства), который уже не связан со ссылкой на авторитеты в политике, государственной власти, философии или искусстве, либо какие-либо родственные отношения.

Одним из надежнейших источников такого обоснования является толкование, комментирование текстов (законов, Священного писания, деятельности, выступлений политических лидеров, функционирования тех или иных государственных институтов и т. п.). За столетия развития западного типа цивилизации *экзегеза*, а позже *герменевтика* (представляющая собой уже не набор принятых интерпретационных техник, а искусство понимания и коммуникации) становятся основой осмысления и оценки мира, формирования критериев прогрессивности или, наоборот, регрессивности происходящего с отдельным человеком и обществом в целом, разумеется, и с государством, политической и правовой системой, явленных в конкретный исторический момент [2].

Конечно, при сохранении базовых характеристик западного типа национального характера к началу XXI в. уже выделяют некоторые «архетипические» характеристики представителей разных народов, определяющие их социальное бытие, включающее, разумеется, и их отношение к государственной власти, ее институтам и особенностям их работы. Так, в устном выступлении Б. Акунин отмечал, что базовыми положениями для английского характера являются «свобода – достоинство – честная игра», для французского варианта – «свобода – возвышенность духа – красота», японцам присущи «долг (гири) – искренность – «скрытая» красота», а для российского типа национального характера свойственны «правда – сострадание – широта». В целом, из последнего представления исходил и Ф. М. Достоевский, когда утверждал, что «да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое» [3, с. 187].

Ф. М. Достоевский применяет иное, чем российское славянофильство и западничество, измерение национального характера русского человека, его духовной и даже особой генетической сущности, причем, заметьте, что речь не идет о нищенском («арийском») «сверхчеловеке» или о Шопенгауровой «ненасытной» «воле к жизни», но об особом «всечеловеке», а, по сути своей, о русском, преодолевающем известный западный эгоцентризм, прагматизм и (или) утилитаризм, варианте *гуманизма*.

Собственно, в таком ракурсе проблемы стоит понимать содержание, смысл и ценность понятия «Родина» и для русских, и для иных народов. Тем более, что источником последнего выступает греко-римское политико-правовое сознание: у кочевников понятие «Родина» как таковое отсутствовало либо оно сводилось к социальному пространству временно поставленного ими жилища (юрты и др.), в римской же цивилизации «Родина» – это мир римского гражданства, римского права,

римской власти, причем исходящий из прочной ментальной «картинки» Рима как «вечного города». Ясно, что государственные институты только тогда смогут заслужить доверия со стороны россиян (по крайней мере, большинства из них), когда они не будут препятствовать проявлениям сущностных основ национальных характеров, управляемых ими или находящихся в поле их функционирования народов.

В современном научном гуманитарном дискурсе вопросы национального характера ставятся и решаются в ряде дисциплин. В частности, весьма интересные наработки в этой предметной области можно увидеть в этнологической акмеологии, ряд положений и выводов которой используется, например, в юридической антропологии и этнологии, политической антропологии и социологии политики, таком направлении политологического знания, как элитология, и т. п.

Например, В. П. Бранский для понимания специфики национального характера уже оперирует научными концептами – «этнический стереотип поведения», «этническое самосознание», «социальный идеал», «конформизм» и «трансформизм», вторгаясь в область не только сокрытых, но и устойчивых начал национального бытия. «Главная трудность в анализе стереотипа поведения заключается в том, что он имеет очень тонкую и сложную структуру. Основу стереотипа поведения составляет стереотип бытового поведения... Нетрудно заметить, что список важнейших нормативов стереотипа бытового поведения таков, что посторонний наблюдатель получает полную возможность заглянуть, как в замочную скважину, в самые интимные уголки жизни этноса... однако, когда мы говорим о «русском стереотипе», речь идет не о всеобщих, а только типичных качествах, то есть характерных не для каждого представителя народа, а для большинства народа. Это отнюдь не исключает существования среди такого народа разного рода индивидуальных отклонений, не укладывающихся в рамки стандартной этнической схемы» [4, с. 26].

В общем, когда тема «национального характера» перемещается в научную плоскость его понимания, то здесь возникает уже проблематика «национального менталитета» вообще либо разных его модификаций (правовой, политической, экономического и др.) [5; 6]. Здесь, очевидно, уходит на задний план некоторая «художественность» и «образность», присутствующая при оперировании категорией «национальный характер», однако вместе с ними минимизируется и, во многом, интуитивный характер его восприятия, происходит «методологизация» (т.е. «онаучивание») этого феномена национальной (политической, правовой или экономической) жизни, что, собственно, и позволяет строить разного рода модели, проводить концептуализации, выявлять и исследовать разного рода социальные тренды, факторы, перспективы и т.п. [7; 8]. Не вдаваясь глубоко в вопросы генезиса и развития категории «менталитет» (это предмет отдельных специальных исследований), обратим внимание на то, что античные авторы, например Геродот и Фукидид, создавая исторические нарративы, указывали, что каждый народ все же имеет спе-

цифические черты, отличающие его от других народов (славянофилы, например, на этом основании выделяли весьма и весьма специфические черты славянского этноса, сложившиеся еще в древности, проявляющиеся в организации власти в своих общинах, в отношениях между вождями и общинниками, между общинниками и жреческой властью и т.п.).

Однако собственно научный дискурс по отношению к национальному менталитету начинает формироваться значительно позже, а именно только к середине XIX в., когда возникает школа «психологии народов» (Лацарус, Штейнталь и др.), в рамках которой, правда, преобладает философско-филологическое направление изучения ментальностей разных народов, их устойчивых «умонастрений» (создателями школы одними из первых обосновывают положение о «языке как важнейшем индикаторе культуры народа»). Несколько позже В. Вундт в работах «Лекции о душе человека и животных» и в «Психологии народов» придал последней более реалистический вид и даже предложил целую программу эмпирических исследований языка, мифов, обычаев, т. е. сделал заявку на создание социологии обыденного сознания [9].

Сам же термин «менталитет», по мнению многих современных исследователей, впервые в научный оборот был введен американским философом Р. Эмерсоном в 1856 г., однако понятийно-содержательное наполнение этой категории продолжается и в настоящее время, но, чаще всего, работа в этом направлении ведется по отраслям научного знания (политология, правоведение, антропология, этнология, социология и др.).

В первой половине XX в. и позже большинство исследователей уже сходилось на том, что понятие «менталитет» означает «нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, т. е. глубинный и потому трудно фиксируемый источник мышления, идеологии и веры, чувства и эмоций» [10, с. 23].

Для научного дискурса первой четверти XXI в. обращение к ментальности вообще, скорее всего, эвристически малопродуктивно, напротив, введение в исследовательское поле таких категорий, как «политический менталитет», «правовой менталитет», «профессиональный менталитет» и др., приводит к интересным, а иногда и неожиданным результатам, тем более, когда это оказывается важным при очевидной эскалации рисков, возрастании политической и военной конфликтогенности, нарастании угроз гражданской или мировой войны и т.п.

В этом плане заметим, что для понимания генезиса, эволюции, истории властных отношений, их содержания, системы, культур-цивилизационных опор и «скреп», обращение к такому устойчивому и в полной мере органичному конкретному этносу или нации элементу, каковым и является менталитет, оказывается более чем продуктивно, так как позволяет уйти от формационных «перего-

родок», а значит и от увлеченности государственным «идеологическим» дискурсом (рассмотрение социально-властного пространства в контексте противоречащих друг другу идеологических систем, например «буржуазных» и «социалистических»).

Для осмысления же «доверия» населения государственным институтам, органам, отдельным политическим лидерам, понимания его природы и основ в рамках модели политико-правовой рискогенности ментальное измерение проблемы позволяет включать в исследование собственно этнонациональные духовные и поведенческие элементы без какого-либо ситуационного «напластования», т.е. стремиться к «чистоте» изучения.

Авторитет власти и доверие населения к её институтам: анатомия проблемы

Изучение феномена (даже особого института) доверия граждан своему государству, точнее, конечно, его важнейшим органам, структурам, представителям властных элит (партийных, беспартийных), предполагает выявление ментально обусловленных, т.е. архетипических по своей сути элементов, являющихся, с одной стороны, компонентами механизма обеспечения доверия как основы легитимности, источника разных ее форм и способов, а с другой – индикаторами доверия, которые могут служить, разумеется, и критериями его оценки, причем как в «цифровую», так и в «доцифровую» эпохи (хотя ряд отличий в последнее десятилетие все же начинает проявляться).

Прежде чем погрузиться в «анатомию» доверия властным институтам и выделить ряд ментальных его опор, обратим внимание, что, например, следуя методу М. Фуко, а именно «двигаясь от публичных дискурсов-знаний к скрытым (которые и необходимо реконструировать) дискурсам-практикам и от них к таким социальным явлениям, факторам, которые и позволяют понять, как государственная власть формируется, существует, трансформируется и функционирует», можно увидеть, в частности, что властные государственные структуры нередко сосуществуют параллельно с иными, так называемыми «теневыми» структурами, являющимися своего рода «конкурентами» в плане доверительного отношения к ним со стороны большинства населения страны. Причем в ходе известного реформаторского «сумбура» такая ситуация в публичном порядке признается со стороны официальных структур [11].

В одном из ежегодных посланий Федеральному Собранию РФ Президент России прямо заявил: «Мы практически стоим у опасного рубежа, когда судья или иной правоприменитель может по собственному усмотрению выбирать норму, которая кажется ему наиболее приемлемой», более того, в стране вообще «формируется и своего рода «теневая юстиция»... граждане, потерявшие надежду добиться справедливости в суде, ищут другие, далеко не правовые «ходы» и «выходы» и

подчас убеждаются, что незаконным путем имеют шанс добиться, по сути, часто справедливого решения» [12].

Можно с уверенностью сказать, что при такой ситуации вряд ли достижимо стремление повысить «градус» доверия большинства населения России к государственным институтам, ибо доверительный (легитимационный) компонент властных отношений в рамках *прагматически-рационального* дискурса, привнесенного, кстати, в отечественное духовное пространство процессами либерализации, а точнее – «вестернизации» как формы национальной политико-правовой модернизации российской государственности образца 90-х гг. XX в., всегда ориентирован на признание безусловной ценности результата, получаемого гражданином в ходе обращения во властные структуры.

Однако, начиная с 2000 г., намечается и в настоящее время уже в полной мере ощущается «дискурсивный поворот» в области доверия российского народа к власти. Такая ситуация во многом связана с рискогенной политической обстановкой, а также изменением властных практик за последние два десятилетия:

1. «Многоукладность» бытия государственной власти в России ушла, уступив место состоянию «моносубъектности», которое (при известных оговорках и признании разных исторических политико-правовых моделей последней) все органичнее соответствует содержанию отечественной ментальности, хотя «моносубъектность» здесь все же не стоит отождествлять с чьей-либо персональной властью (Президента или Генерального секретаря, председателя Совнаркома), так как это только одна из ее форм, но возможны и другие, предстающие в виде «консолидированного субъекта» (например, власть партийных институтов и органов, власть «семибанкирищины» или «Семьи» в 1990-х гг. постсоветской России и др.);

2. Начиная с 2000 г. идет возрождение как на институциональном, так и на ментальном уровне «авторитетно-харизматического» дискурса доверия к власти, «всплывают» ранее имевшие место ценности и стереотипы, массовые духовные «опоры» Первого номера. Возникает, казалось бы, утраченный в России феномен «национального лидера», фигура которого (как показала ситуация 2008–2012 гг.) уже не совпадает с легальным, законно избранным главой государства. Здесь авторитет «национального лидера» обеспечивает доверие большинства населения к государственным институтам, которое, в свою очередь, становится источником устойчивости последних даже при резкой эскалации совокупности социальных «рисков» после 2014 г. Прагматически-рациональная версия доверия населения по отношению к власти, конечно, сохраняется, но уже уходит на второй план.

«Анатомия» же пространство «доверия» к государственным институтам, включенное в ментальное поле конкретного этноса, получим ряд важных «измерительно-оценочных» (критериальных), по своей сути, параметров:

- «*дистанция власти*» (специфика традиционного диалога между властью и обществом, проявляющаяся в своем явном виде в наличии некоего «порога» чувствительности «несправедливости» властных решений и действий, условно, конечно, он может быть «низкий», «средний» и «высокий»);

- «*боязнь неизвестности*» [13] (она свойственна конкретному социуму, рациональный «слой» в рамках этого компонента «пересекается» с иррациональной, практически невербализованной, но ощущаемой в массовом и индивидуальном масштабе «эмоциональной», подсознательной по своей сути компонентой, связанной с «тревожным» или, наоборот, «мажорно» окрашенным ожиданием будущих событий. Например, модель «света в конце тоннеля» в течение нескольких десятилетий определяла доверие населения СССР к сталинским государственным институтам, была в основе советской идеологии 20–30 гг. XX в. и позже);

- *индивидуалистические* и *коллективистские* начала в организации и функционировании власти в национальном мире (доминирование индивидуалистических начал в западных либеральных демократиях, когда именно индивид включен в систему властных отношений, причем и как их первичный субъект, и как объект управления и властных манипуляций; гражданское общество здесь – это только способ реализации и охраны индивидуальных интересов. Напротив, в государствах с преобладанием общинно-коллективистских или «соборных» начал господствующим является представление о том, что государство в первую очередь не должно «обмануть» коллективное доверие, ожидания тесно связанного с ним социума. Однако интересы государства включают в себя и коллективные, и индивидуальные интересы, они оказываются «растворены» в «плотной» публично-властной среде, а кризис последней суть неминуемый крах всего общинного (корпоративного) и личного);

- *долгосрочная* или *краткосрочная* ориентация (перспектива) в политической жизни страны (разного рода кросс-культурные исследования, проводившиеся в последние 20 лет, преимущественно в западном социально-гуманитарном познании, показали, что нации с преобладанием восточного типа ментальности склонны к так называемому «гиперперспективному» планированию, особенно в семейно-бытовой, религиозной, несколько в меньшей мере – в политико-правовой сфере, что, в общем, служит одним из показателей доверия к государственным властным институтам, признание устойчивости, стабильности их функционирования, общей стратегии развития. Нации, принадлежащие к западному ментальному миру, напротив, проявляют тревогу за свое будущее, они склонны к краткосрочным планам, поскольку иное просто невозможно в этой рискогенной и конфликтогенной среде.

Здесь уровень доверия к властным органам, конечно, ниже, однако именно первые рассматриваются населением в качестве более или менее надежного источника преодоления возможных кризисов, а то и катастроф. В таком контексте дове-

рие к власти все же сохраняется, но получает иную смысловую, аксиологическую и функциональную «транскрипцию» [14].

Интересно преломить эти параметры ментального моделирования доверия населения к властным институтам сквозь призму процессов цифровизации властных отношений, выделить при этом некоторые специфические характеристики, тем более что, по мнению рады современных авторов, именно «цифровизация запустила процессы, в чем-то схожие с «неолитической революцией» (Г. Чайлд), которая привела к смене форм социальной и экономической организации (переход от кочевого образа жизни к оседлому, от присваивающей экономики к производящей, к появлению первых политических сообществ и т.д.» [15]. В рамках основных задач данной статьи категории «цифровизация» и «цифровой транзит» не будем различать, но конвенционально отождествим.

Итак, обратим внимание на то, что:

Во-первых, возникающие новые модели и инновационные формы властных отношений (виртуальное правительство, государственные сервисные платформы и т. п.) интенсифицируют передачу политико-правовой информации «сверху» до «низу». Темп, ритм формирования властной коммуникации уже далеко не тот, который имел место в «бесцифровом» властном поле. Поэтому как негативные, так и позитивные решения государственных структур предполагают их быстрое «усвоение» подвластными, «порог чувствительности» которых в итоге может и снижаться (возможны такие же быстрые поведенческие реакции населения на разного рода ужесточения или «смягчения» политической ситуации в стране), но может оставаться и на прежнем уровне (например, при «надежной работе» традиционно-харизматической формы легитимации), обозначая, конечно же, ряд проблемных (особенно для научного обсуждения и понимания специфики существующего курса) моментов, включающих идеологическую природу власти, вектора ее воздействия, но самое главное – общую стратегию национального государственно-правового развития (например, чего стоят прогнозы по «воссозданию» СССР и т. п.).

Во-вторых, новые акторы и актанты, включенные в систему властных отношений [16] (онлайн сообщества, автоматизированные цифровые алгоритмы, алгоритмические экспертные системы и др.), безусловно, оказывают влияние на содержание и, самое главное, точность политических, а также связанных с ними правовых, социально-экономических прогнозов. Очевидно, что они способны (либо неспособны) повлиять на конкретного (ментально определенного) члена социума, а также повлиять на степень удаленности (уровень «перспективности») «жизненных ориентаций» большинства населения. Авторитет этих новых актантов политического действия, вне всяких сомнений, растет, хотя «прочной» основой для укрепления доверия общества к государственным институтам он все же станет (примерно) через несколько поколений.

В-третьих, формы и проявления политического и правового сознания в условиях цифрового транзита также изменяются, «натываясь» при этом на присущую им исторически ментальную укорененность, а «цифровые» методы манипуляции ими, точнее их эффективность, проверяются в национально-ментальном поле, в частности с позиции их применимости в отношении трансформации ценностей, норм и отношений, присутствующих в системе властной коммуникации.

Список источников

1. Правокультурные основы исследования государственной власти: теоретико-методологические, историко-правовые и ценностно-нормативные аспекты: монография. М.: Юрлитфинформ, 2014. 477 с.
2. Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме: монография / науч. ред. П. П. Баранов; Ростов. гос. ун-т. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 285 с.
3. Русская идея: сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. 505 с.
4. Бранский В. П. Социальная синергетика и теория наций. Основы этнологической акмеологии. СПб., 2000. 108 с.
5. Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д, 2007. 448 с.
6. Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М., 2020. 461 с.
7. Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества: монография. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 184 с.
8. Мамычев, А. Ю. Национально-культурные основы российской государственности и правовой политики: монография / А. Ю. Мамычев, А. Ю. Мордовцев, А. И. Овчинников; М-во образования и науки Российской Федерации, Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. 210 с.
9. Вундт В. Элементы психологии истории. Основные черты психологической истории развития человечества. СПб., 1913. 544 с.
10. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк). М., 1994. 375 с.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 383 с.
12. Не будет ни революции, ни контрреволюции // Российская газета. 2001. 4 апр. С. 3.
13. Cyert R. M., March J. G. A Behavioural theory of the firm. New Jersey: Englewood Cliffs, 1963. 272 p.
14. Hoppe M. H. A Comparative study of country elites. Unpublished Ph.D. Dissertation. University of North Carolina at Chapel Hill, 1990. URL: <https://scholar.google.com>.

15. Урри Дж. Как выглядит будущее. М., 2018. 315 с.

16. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. № 1. С. 109–134.

References

1. Legal and cultural foundations for the study of state power: theoretical and methodological, historical, legal and value-normative aspects: monograph. Moscow: Yurlitinform Press, 2014. 477 p. (In Russ.).

2. Ovchinnikov A. I. Legal thinking in the hermeneutic paradigm: monograph Rostov on Don: Rostov Publishing House, 2002. 285 p. (In Russ.).

3. Russian idea: a collection of works by Russian thinkers. Moscow, 2002. 505 p. (In Russ.).

4. Bransky V. P. Social synergetics and theory of nations. Fundamentals of ethnological acmeology. St. Petersburg, 2000. 108 p. (In Russ.).

5. Mordovtsev A. Yu., Popov V. V. Russian legal mentality. Rostov on Don, 2007. 448 p. (In Russ.).

6. Rakityansky N.M. Mental studies of global political worlds. Moscow, 2020. 461 p. (In Russ.).

7. Socio-cultural (archetypal and mental) foundations of the public-power organization of society: monograph. Moscow: RIOR: INFRA-M Press, 2017. 184 p. (In Russ.).

8. Mamychev A. Yu., Mordovtsev A. Yu., Ovchinnikov A. I. National-cultural foundations of Russian statehood and legal policy: monograph. Vladivostok: Publishing House of VGUES, 2015. 210 p. (In Russ.).

9. Wundt V. Elements of the psychology of history. The main features of the psychological history of the development of mankind. St. Petersburg, 1913. 544 p. (In Russ.).

10. Kondakov I. V. Introduction to the history of Russian culture (theoretical essay). Moscow, 1994. 375 p. (In Russ.).

11. Foucault M. Supervise and punish. The birth of the prison Moscow: Ad Marginem Press, 2019. 383 p. (In Russ.).

12. There will be neither revolution nor counter-revolution. *Rossiyskaya Gazeta*, 2001, April 4, pp. 3. (In Russ.).

13. Cyert R. M., March J. G. A Behavioral theory of the firm. New Jersey: Englewood Cliffs, 1963. 272 p.

14. Hoppe M. H. A Comparative study of country elites. Unpublished Ph.D. Dissertation. University of North Carolina at Chapel Hill, 1990. URL: <https://scholar.google.com>.

15. Urri J. What the future looks like. М., 2018. 315 p. (In Russ.).

16. Kochetkov A. P., Mamychev A. Yu., Mordovtsev A. Yu. “Digital transit” of public-power relations: general and elite characteristics. *Pacific RIM = Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, parvo*, 2022, no. 1, pp. 109–134. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Мамычев – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета.

А. Ю. Мордовцев – доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор; профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия; профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Т. В. Мордовцева – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Таганрогского института управления и экономики.

Information about the authors

A. Y. Mamychev – Doctor of Political Studies, Candidate of Law, Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Far Eastern Federal University.

A. Y. Mordovtsev – Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Professor; Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice; Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law of the Vladivostok State University of Economics and Service.

T. V. Mordovtseva – Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor of the Department of Humanities, Taganrog Institute of Management and Economics.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 11.02.2023; принята к публикации 11.02.2023.

The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 11.02.2023; accepted for publication 11.02.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 97–105.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 97–105.

Научная статья

УДК 327((470+571):(5:265))

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/97-105>

ПОВОРОТ РОССИИ НА ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АЗИИ

Алексей Викторович Бардовский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия, bardovski.85@mail.ru, Author ID: 1010571

Аннотация. Статья посвящена анализу стратегии Российской Федерации «Поворот на Восток», теме чрезвычайно острой и своевременной для научного исследования. Она имеет важное прикладное значение, её актуальность вызвана коренными изменениями в международных отношениях, в том числе в Азии, где, в отличие от Европы и США, формируется новый мировой порядок, укрепляется региональная и глобальная безопасность. В этом сложном и противоречивом процессе Россия стремится занять достойное место и внести свой немалый вклад в укрепление дела мира. Толчком к этому «восточному» выбору послужили деструктивные процессы в Европе и антироссийские санкции Запада во главе с США. Автор подчёркивает, что отношения стран и народов в АТР развиваются перед лицом прежних и новых проблем. Их решение требует формирования в Азии институтов региональной безопасности, которые бы смягчили международную напряжённость, созданную по вине США и их дальневосточных союзников. В статье обоснованы цели и задачи в стратегии России «поворота на Восток». Объект исследования – политика «поворота на Восток» в сторону АТР в условиях создания новой системы международных отношений и нового миропорядка. Предметом выступает стратегический курс Москвы по укреплению национальной, региональной и глобальной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Исследовательская концепция автора основана на следующих подходах: цивилизационный; системный; сравнительный. Результаты исследования состоят в том, что стратегия России на Восток возникла благодаря следующим обстоятельствам: 1) усиление роли восточно-азиатских стран в мире, где формируются новые центры политической, экономической и финансовой силы; 2) агрессивный курс США и их натовских союзников, которые с 2014 г. усиливают

политику по «выдавливанию» России из западного направления развития; 3) острая необходимость актуального участия России в создании институтов безопасности в Азии; 4) использование Россией экономического, финансового, технологического потенциала восточно-азиатских соседей (прежде всего стратегического партнёра Китая) с целью ускоренного развития Дальнего Востока.

Ключевые слова: РФ, КНР, АТР, институты развития и безопасности, новая архитектура международных отношений, новый мировой порядок.

Для цитирования: Бардовский А. В. Поворот России на Восток в контексте укрепления региональной и глобальной безопасности в Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 97–105. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/97-105>

Original article

RUSSIA'S TURN TO THE EAST IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING OF REGIONAL AND GLOBAL SECURITY IN ASIA

Alexey Viktorovich Bardovsky

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, bardovskiy.85@mail.ru; Author ID: 1010571

Abstract. The article is devoted to the analysis of the strategy of the Russian Federation “Pivot to the East”, a topic that is extremely acute and timely for research. It is of great practical importance, its relevance is caused by fundamental changes in international relations, including in Asia, where, unlike Europe and the United States, a new world order is being shaped, and regional and global security is being strengthened. In this complex and contradictory process, Russia is striving to take its decent place and make a considerable contribution to strengthening the cause of peace. The impetus for this ‘Eastern’ choice was the destructive process in Europe and the anti-Russian sanctions of the West led by the United States. The author emphasizes that relations between countries and peoples in the Asia-Pacific region are developing in the face of old and new problems. Their solution requires the formation of regional security institutions in Asia that would mitigate international tension created through the fault of the United States and its Far Eastern allies. The article substantiates the goals and objectives in Russia’s strategy of “Pivot to the East”. The object of the study is the policy of “Pivot to the East” towards the Asia-Pacific region in the context of the creation of a new system of international relations and a new world order. The subject is Moscow’s strategic course to strengthen

national, regional and global security in the Asia-Pacific region. Research methods. The research concept of the author is based on the following approaches: civilizational; systemic; comparative. The results of the study are that Russia's strategy to the East arose due to the following circumstances : 1) strengthening the role of the East Asian countries in the world, where new centers of political, economic and financial power are being shaped; 2) the aggressive course of the United States and its NATO allies, which since 2014 have been intensifying their policy of 'squeezing' Russia out of the Western direction of development; 3) the urgent need for Russia's actual participation in the creation of security institutions in Asia; 4) Russia's using the economic, financial, technological potential of the East Asian neighbors (primarily China's strategic partner) in order to accelerate the development of the Far East.

Keywords: RF, PRC, Asia-Pacific, Development and Security Institutions, new architecture of international relations, new world order.

For citing: Bardovsky A. V. Russia's turn to the East in the context of strengthening of regional and global security in Asia // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no 1. P. 97–105. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/97-105>

Расположенный на территории двух континентов – Европы и Азии – русский мир развивается на стыке крупнейших локально-региональных цивилизаций – индоевропейской и азиатской. Не случайно восточно-азиатский вектор развития имеет огромное значение во внешнеполитической стратегии РФ для выработки политического обеспечения российской национальной безопасности, в том числе в рамках стратегического партнёрства и взаимодействия с крупнейшими странами Азии.

Сегодня на просторах этого огромного международного политического региона формируется новый миропорядок, складываются международные отношения, основанные на началах мирного сотрудничества и справедливости. Огромный позитивный вклад в этот процесс вносит Россия. «Поворот РФ на Восток» становится фундаментальным сдвигом её стратегических приоритетов [1; 2]. Ключевым фактором этого поворота является сближение страны с крупнейшими и влиятельными государствами Азии: КНР, Индии, Японии, Республики Корея, Индонезии, странами АСЕАН и другими [3, р. 8]. Москва рассматривает быстрый подъём этих государств Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии как ресурс для успешного маневрирования в быстроменяющемся мире. В отличие от Европы и Америки, в странах Азии более стабильная обстановка, между ними и Россией установлены более тесные и взаимовыгодные международные отношения.

«Поворот на Восток» часто рассматривается исследователями по большей части как толчок к взаимодействию с Китаем, однако Москва стремится к установлению прочных дружеских связей также и с другими азиатскими государствами, в

том числе с Индией, ключевым импортёром российского вооружения. Индия всё больше становится и крупным покупателем российской нефти, газа, минеральных удобрений и других товаров.

Из года в год укрепляются разносторонние связи с Республикой Вьетнам. Во взаимодействии с Вьетнамом осенью 2016 г. заработала зона свободной торговли (ЗСТ) ЕАЭС – Вьетнам. Успешно развиваются отношения РФ со странами АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, ASEAN). Стали регулярными саммиты «Россия – АСЕАН», на которых обсуждаются перспективные направления взаимовыгодного сотрудничества между РФ и государствами Юго-Восточной Азии. Дан старт переговорам по созданию ЗСТ ЕАЭС – АСЕАН. Таким образом, роль всего Азиатско-Тихоокеанского региона во внешней политике России в последние годы неуклонно растёт [4, с. 184].

Поворот в сторону АТР стал стратегическим ответом России на вызовы в области безопасности и экономики, а также на вызовы, связанные с угрозой потери статуса великой державы, сохранением территориальной целостности и независимости [5, с. 18]. Эта стратегия направлена на сопряжение данного перспективного региона с восточными районами РФ. Такая интеграция, по замыслу Москвы, позволит поднять социально-экономический уровень Тихоокеанской России и качественно улучшить экономическую и демографическую ситуацию в этом регионе.

Россия стремится в XXI в. превратиться из региональной державы в процветающее глобальное государство. Она пытается занять достойное место в АТР, самом динамично развивающемся регионе мира, утверждает президент Российской Федерации В. В. Путин [6]. Поворотом в сторону АТР Россия намерена встроить свои восточные окраины в этот регион, который должен стать не просто форпостом и гарантией безопасности, но и ключевым звеном в развитии российской экономики. Поднимающаяся Россия вместе с дружественными азиатскими соседями стремится создать в АТР современные институты развития и безопасности, которые обеспечат рост деловой и финансовой активности. Уже накоплен первый опыт организации площадок для проведения эффективного переговорного процесса: саммит АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество) в 2012 г., ежегодный Восточный экономический форум (ВЭФ) во Владивостоке, которые дали толчок к созданию институтов развития в дальневосточном регионе; пользующиеся доверием у иностранных и отечественных инвесторов свободный порт Владивосток и территории опережающего развития (ТОРы). Их организация подтвердила своевременность и эффективность стратегического поворота России на Восток.

Приоритетом для РФ является её активное участие в формировании новой архитектуры безопасности в Азии. Архитектура безопасности формируется уже более десяти лет. Ещё Президент Российской Федерации Д. А. Медведев и Председатель

КНР Ху Цзиньтао в сентябре 2010 г. в Пекине выдвинули совместную инициативу об укреплении безопасности и сотрудничества в АТР, суть которой – подтверждение всеми странами региона приверженности принципу равной и неделимой безопасности, отказ от попыток укрепления собственной безопасности за счёт безопасности других и недопущение действий, которые вели бы к возникновению в регионе новых разделительных линий [7].

Институты сотрудничества и безопасности, созданные в Азии, постоянно совершенствуют формы и методы своей работы. Растёт число стран, участвующих в их деятельности. Ключевыми участниками по укреплению безопасности в Азии являются Китай и Россия. На этих влиятельных государствах лежит особая ответственность за судьбы мира. Китай, как и Россия, привержен продвижению нового типа международных отношений, углублению и расширению глобального партнёрства, основанного на равенстве, открытости и сотрудничестве, а также расширению совместных интересов с другими странами, отмечено на XX съезде КПК.

«Наши страны, – подчёркивает Си Цзиньпин, – должны углублять стратегическое сотрудничество, действовать как важные, обладающие глобальным влиянием силы, способные внести вклад в поддержание мира и стабильности на планете, содействовать всеобщему развитию и процветанию. Предполагается, что Россия и Китай не только демонстрируют всему миру «классический эталон» (典范) межгосударственных отношений, но также показывают пример конструктивного поведения «большого государства» [цит. по: 8, с. 8].

Отношения России и Китая, как отмечается в новой редакции Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 2021 г., основаны на универсальных принципах международного права. В нём стороны подтвердили заинтересованность в совместной работе, параллельные подходы к вопросам международной жизни, что позволяет координировать совместные усилия и добиваться ещё большей эффективности.

В последние годы Москва и Пекин создали уникальный механизм отношений, ключевым звеном которого являются постоянные регулярные встречи руководителей двух стран. РФ и КНР оказывают друг другу поддержку по укреплению национальной безопасности, суверенной и территориальной целостности (Тайвань, Синьцзян, Тибет, Северный Кавказ и др.). Они совместно выступают против западных санкций. Из года в год усиливается военное и военно-техническое сотрудничество; регулярно проводятся военные маневры и учения военно-морских сил двух стран, причем не только в зоне Тихого, но и Индийского океана.

Россия и Китай участвуют в формировании Большого евразийского партнёрства, что предполагает широкий спектр торгово-экономических, инвестиционных, транспортных и институциональных мер по углублению евразийской кооперации. Ключевым компонентом на данном направлении является повышение эффективно-

сти процесса сопряжения между проектами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативой «Один пояс и один путь», реализация совместных взаимовыгодных инфраструктурных проектов [9, с. 5].

Подписание в феврале 2022 г. «Совместного заявления о международных отношениях, вступающих «в новую эпоху», и глобальном устойчивом развитии», а также двусторонних торгово-экономических, политических и энергетических соглашений означает качественное расширение стратегического партнёрства двух стран [9].

Сближение РФ и КНР до высокой формы углубленного стратегического партнёрства происходит на основе смены геополитических интересов. Во многом по инициативе наших двух держав сформированы действенные инфраструктуры международного сотрудничества. В этих целях в 2001 г. создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС); на базе ЕАЭС реализован евразийский интеграционный проект; в сентябре 2012 г. во Владивостоке Россия успешно организовала и провела Форум «Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества»; там же стали проводиться ежегодные Восточные экономические форумы.

С каждым годом в АТР появляется всё больше площадок для переговоров, на которых обсуждаются и решаются важные вопросы по укреплению региональной и глобальной безопасности. Только в 2022 г. Азиатско-Тихоокеанский регион стал местом проведения нескольких крупных саммитов: Восточноазиатский саммит (ВАС) в Пномпене (12–13 ноября); саммит АТЭС (18–19 ноября) в Бангкоке и саммит Группы двадцати (G20, 15–16 ноября) в Индонезии. Эти саммиты укрепили дух доверия азиатских государств, ещё больше продвинули взаимодействие и сотрудничество между ними. Активное участие в работе названных форумов принимала Россия.

Эти и другие площадки стали эффективными механизмами и инструментами для координации действий России со странами Азии. Азиатские государства, в том числе Центральной Азии, Ближнего Востока, а также Иран, Турция при поддержке РФ и КНР всё больше становятся новыми центрами силы и деловой активности. Несмотря на нейтралитет некоторых из указанных стран, их дружеская поддержка крайне необходима Москве. Эти центры укрепляют не только евразийскую интеграцию, но и становятся, в отличие от Европы и Америки, зонами мира, стабильности и процветания. Для России это является важным геополитическим и геоэкономическим фактором, который представляет собой одну из основных институциональных составляющих «поворота на Восток». Сопряжение Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Экономический пояс Шёлкового пути» становится одним из ключевых этапов строительства будущего евразийского партнёрства. Столь грандиозный международный проект вдохнёт новую жизнь в увеличение объёма товарооборота между странами – членами ЕАЭС и будет вести к дальнейшей, более глубокой и широкой интеграции на пространстве Евразии.

В этом смысле России представляется уникальный шанс использовать мощь азиатских экономик для ускорения продвижения на Восток.

Стратегические цели на Востоке и в Азии зафиксированы в доктрине внешней политики России. Эти цели Россия определила следующим образом:

- противодействуя гегемонизму США, Россия выступает против формирования военно-политических союзов в АТР (в составе США – Япония, США – Республика Корея), против Индо-Тихоокеанского альянса в южной части Тихого океана. При поддержке Китая Россия заинтересована в установлении баланса сил в зоне Тихого океана;
- активная позиция Москвы в создании архитектуры безопасности, прежде всего в СВА;
- многостороннее сотрудничество с КНР и странами АСЕАН;
- расширение доступа к ёмким и надежным азиатским рынкам;
- использование финансового и технологического потенциала восточноазиатских соседей для ускоренного развития российского Дальнего Востока;
- более активное участие в региональных структурах и организациях в Азии (Большая Евразия, ЕАЭС, ШОС, СВМДА, ВАС и др.).

Список источников

1. Rinna A. V. Moscow's «turn to the East» and challenges to Russia – South Korea economic collaboration under the New Northern Policy // *Journal of Eurasian Studies*. 2019. Vol. 10, iss. 2. P. 159–168.

2. Russia's Turn to the East: Expectations and the Reality // Valdai Club Foundation. 01.07.2019. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/russia-s-turn-to-the-east-expectations-and-the-rea>.

3. Storey I. What Russia's «Turn to the East» Means for Southeast Asia // ISEAS-Yusof Ishak Institute. 2015. No. 67. P. 1–10.

4. Вонгтаван Накчот. Внешняя политика России в отношении Китая // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8, № 5А. С. 181–187. DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.020.

5. Братерский М. В. Россия между Атлантикой и Тихим океаном: Вопрос стратегического выбора? // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1. С. 17–35.

6. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2012. № 287. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902385479>.

7. Петровский В. Россия, Китай и новая архитектура международной безопасности в АТР // *Международная жизнь*. 2013. № 1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/806>.

8. Ломанов А. В. Современный Китай: внутренние и внешние вызовы на новом этапе преобразований // *Вестник Российской академии наук*. 2020. Т. 90, № 2. С. 103–112.

9. Лузянин С. Г. Российско-китайские границы безопасности. Что означает пекинское послание В. В. Путина и Си Цзиньпина? // *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 5–13. DOI 10.31857/S032150750018790-1.

10. Лузянин С. Г. Нужны новые, прорывные идеи. В преддверии 20-летнего Юбилея Шанхайской Организации Сотрудничества // *Orientalia Rossica*. 10.06.2021. URL: <https://orientaliarossica.com/page/14/2696>.

References

1. Rinna A. V. Moscow's "turn to the East" and challenges to Russia – South Korea economic collaboration under the New Northern Policy. *Journal of Eurasian Studies*, 2019, vol. 10, iss. 2, pp. 159–168.

2. Russia's Turn to the East: Expectations and the Reality. *Valdai Club Foundation*, 2019, July 1. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/russia-s-turn-to-the-east-expectations-and-the-rea>.

3. Storey I. What Russia's "Turn to the East" Means for Southeast Asia. *ISEAS-Yusof Ishak Institute*, 2015, no. 67, pp. 1–10.

4. Wongtawan Nakhot. Russia's foreign policy towards China. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 2019, vol. 8, no. 5A, pp. 181–187. DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.020. (In Russ.).

5. Bratersky M. V. Russia between the Atlantic and the Pacific Ocean: A question of strategic choice? *Aktual'nye problemy Evropy*, 2019, no. 1, pp. 17–35. (In Russ.).

6. Message of President Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation. *Rossiyskaya gazeta*, 2012, no. 287. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902385479>. (In Russ.).

7. Petrovsky V. Russia, China and the new architecture of international security in the Asia-Pacific. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2013, no. 1. URL: <https://interaffairs.ru/jautor/material/806>. (In Russ.).

8. Lomanov A. V. Modern China: internal and external challenges at the new stage of transformation. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2020, vol. 90, no. 2, pp. 103–112. (In Russ.).

9. Luzyanin S. G. Russian-Chinese Security Borders. What does the Beijing message of V.V. Putin and Xi Jinping? *Aziya i Afrika segodnya*, 2022, no. 2, pp. 5–13. DOI 10.31857/S032150750018790-1. (In Russ.).

10. Luzyanin S. G. New, breakthrough ideas are needed. On the eve of the 20th anniversary of the Shanghai Cooperation Organization. *Orientalia Rossica*, 2021, June 10. URL: <https://orientaliarossica.com/page/14/2696>. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Бардовский – аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва, Россия.

Information about the author

A. V. Bardovsky – postgraduate student of the Department of Public Administration and National Security, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 27.02.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 106–120.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 106–120.

Научная статья

УДК 32(510)"20"

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/106-120>

КИТАЙ В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА: ВОЗВРАТ К ПРИНЦИПАМ МАРКСИЗМА

Лариса Вячеславовна Забровская

Центр глобальных и региональных исследований Института истории, археологии
и этнографии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия,

larisa_zabrovska@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0076-4209>, Author ID: 210226

Аннотация. Статья посвящена изучению внутривнутриполитической и экономической ситуации в Китае накануне XX съезда КПК. Выявлены наиболее важные задачи, которые стоят перед китайским руководством. Обращается внимание на методы решения экономических и демографических проблем. Освещена политика КНР в отношении Тайваня и показана роль США в сохранении острова как самостоятельного государства. Показаны попытки тайваньского руководства отстоять свою независимость путём расширения внешнеполитических связей с малыми европейскими странами. Проанализированы методы США по противодействию китайской экономической экспансии и выяснены цели новых военно-политических альянсов в Восточной Азии. Уделено внимание обновлению кадрового состава в высших органах КПК. Выявлены две фракции КПК, существование которых основывается на разных социально-экономических базисах. Дана развернутая оценка итогам XX съезда КПК и сделан вывод о том, что решения съезда направлены на возрождение роли государства во всех сферах жизни китайского общества. Китайское руководство скорректировало развитие Китая на следующее пятилетие и обосновало необходимость уделять больше внимания национальной безопасности, а также развитию экономики и внешней торговли. Отмечается укрепление политических позиций Си Цзиньпина как теоретика марксизма с «китайской спецификой». Его курс на «национальное возрождение» получил одобрение делегатов съезда.

Ключевые слова: Китай, Пекин, Тайвань, КПК, Си Цзиньпин, Ху Цзиньтао, XX съезд КПК, Цай Инвэнь, США, Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), марксизм, демография.

Для цитирования: Забровская Л. В. Китай в эпоху Си Цзиньпина: возврат к принципам марксизма // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 106–120. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/106-120>

Original article

CHINA IN THE ERA OF XI JINPING: A RETURN TO THE PRINCIPLES OF MARXISM

Larisa Vyacheslavovna Zabrovskaya, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, larisa_zabrovska@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0076-4209>, Author ID: 210226

Abstract. The article is devoted to the study of the domestic political and economic situation in China on the eve of the 20th CPC Congress. The most important tasks facing the Chinese leadership are identified. Attention is drawn to methods for solving economic and demographic problems. The policy of the PRC towards Taiwan is highlighted and the role of the United States in preserving the island as an independent state is shown. The attempts of the Taiwanese leadership to defend their independence by expanding foreign policy ties with small European countries are shown. The US methods of counteracting Chinese economic expansion are analyzed and the goals of new military-political alliances in East Asia are clarified. Attention is paid to the renewal of personnel in the highest bodies of the CCP. Two factions of the CPC have been identified based on different socio-economic bases. A detailed assessment of the results of the 20th Congress of the CPC is given and it is concluded that the decisions of the Congress are aimed at reviving the role of the state in all spheres of life in Chinese society. The Chinese leadership has adjusted China's development for the next five years and justified the need to pay more attention to national security. The strengthening of the political positions of Xi Jinping as a theoretician of Marxism with "Chinese characteristics" is noted. His course of "national revival" was approved by the congress delegates.

Key words: China, Beijing, Taiwan, CPC, Xi Jinping, Hu Jintao, 20th Congress of the CPC, Tsai Inwen, USA, Indo-Pacific Region (IPR), Marxism, demography.

For citing: Zabrovskaya L. V. China in the era of the Xi Jinping: a return to the principles of Marxism // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 1. P. 106–120. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/106-120>

Введение

В начале XXI в. произошла переориентация центра мировой экономики с Атлантического на Тихий океан. Это предоставило значительные преимущества для экономического развития Китая, Индии и стран АСЕАН. Одновременно это создало проблемы для экономики западного побережья США, поскольку Восточная Азия стала забирать все мировые ресурсы. В связи с такими обстоятельствами обострилась конкуренция между США и Китаем по различным вопросам экономики и политики. Анализ названных проблем нашёл отражение в отчётном докладе Си Цзиньпина XX съезду КПК. В докладе также указывается на необходимость наряду с экономическим развитием усилить внимание национальной обороне. В данной статье ставилась цель изучить не столько то, что говорилось на заседаниях съезда, но также и то, что осталось за рамками открытого обсуждения. Прежде всего это касается состояния китайской экономики и демографии, где наблюдается ряд проблем, а также условий воссоединения Тайваня с материковым Китаем.

Проблемы внутреннего развития

С начала реформ 1980-х гг. вопросы экономического развития оставались в центре внимания китайских руководящих органов. При этом механизмы рыночной экономики успешно сочетались с жёсткой политической системой во главе с КПК. Созданная в период реформ социально-экономическая структура китайского общества смогла выдержать локдауны периода пандемии коронавируса COVID-19. Однако в этот период наблюдалось снижение роста ВВП КНР: в 2020 г. данный показатель составил лишь 2,3%, но за 2021 г. – вырос на 8,1%. Это равняется среднему медианному росту китайской экономики за период пандемии в 5,2%. До пандемии (2019 г.) он составлял 6,5%. С точки зрения экономического развития этого недостаточно, так как фактически произошло падение роста на 1,3%. Ожидается, что в 2022 г. китайская экономика вырастет только на 4% [1, р. 18]. В таком случае произойдёт замедление развития страны в целом. Если принять во внимание, что китайская экономика перегружена новыми постковидными долговыми обязательствами, то и при показателе роста экономики в 5% также возникнут экономические сложности. Следовательно, несмотря на немалый экономический рост, к концу 2022 г. Китай мог подойти к предефолтной ситуации. При этом был возможен экономический кризис в отдельных отраслях экономики.

Российские эксперты не исключили возможность дефолтов ведущих корпораций, таких как, например, строительная компания Evergrande Group или авиакомпания «Хайнаньские авиалинии», которые имеют значительные долги, возросшие в период пандемии COVID-19. Отсталые провинции юго-западного Китая также могли бы стать спусковым крючком начала экономического обвала, поскольку их руководители набрали кредиты, с которыми не могут расплатиться. Возможно центральное

правительство сможет погасить часть долгов, сократив при этом дотации на социальные программы. При этом нагрузка на социальных работников, а также медиков и учителей возрастёт, а их зарплаты понизятся [2, с. 4].

В энергетике также возникли проблемы из-за роста инфляции. Согласно официальным данным, инфляция в Китае составляет 5%, а цена угля в период пандемии COVID-19 выросла на 25%. Уголь является важной составляющей энергетической системы Китая. Углем топят в деревнях, где проживает значительная часть китайского населения. Поэтому реальная инфляция значительно выше и достигает 20–25%. Инфляция снижает доходы населения и способна привести к широкому недовольству и массовым протестным акциям. Стоит напомнить, что к массовым протестам 1989 г. на площади Тяньаньмэнь привела инфляция в 29% [2, с. 4]. Это стало ключевым фактором недовольства. Современное экономическое положение близко к ситуации того года. В этом и состоит опасность для нынешнего руководства Китая. Однако в отчётном докладе Си Цзиньпина XX съезду КПК об этом не упоминалось.

2021 г. стал критическим временем для китайской энергетики, что привело к энергетическому кризису. Известно, что китайская энергетика, как и вся экономика, является плановой. Объём добычи угля и его стоимость планируются заранее. Однако в сентябре 2021 г. в 20 провинциях наблюдался недостаток энергоресурсов, что привело к многодневным отключениям всей энергосистемы. Власти объяснили энергетический кризис резкой нехваткой угля. С точки зрения плановой экономики это трудно объяснить, как и то, что это произошло до зимних холодов, в сентябре. Случившееся – исключительный для Китая момент, указывающий на имеющиеся невидимые внутренние политические и экономические противоречия [2, с. 4].

В результате вице-премьер КНР Хань Чжэн (не попал в новый ЦК КПК), отвечавший за энергоснабжение, провёл экстренное совещание, где обязал ответственных лиц обеспечить энергоресурсом все базовые предприятия. Значительные средства были направлены на закупку угля за границей. Остаётся заметить, что кризис в энергоснабжении произошёл потому, что за энергоресурсами, энергетикой и условиями добычи угля стоят разные территориально-экономические группировки. Подобную ситуацию с нестыковками указанных трёх составляющих будет сложно избежать и в дальнейшем.

Энергетический кризис привёл к строительному кризису. С 2008 г. китайская экономика и ВВП росли за счёт финансирования дорогого домостроения. Ежегодно строительный сектор экономики занимал около 30% от ВВП Китая. В строительном секторе были заняты 50–70 млн человек. Пострадала ведущая строительная компания Evergrande Group, что привело к росту безработицы среди трудовых мигрантов. Трудовые мигранты – самая бедная и социально незащищённая группа китайского населения. Как правило, это выходцы из западных отсталых деревень, которых центральные власти стараются поддерживать.

В отмеченных двух кризисных явлениях присутствует борьба интересов между определенными политическими группировками. Ранее такое не наблюдалось. Заметим, что экономическая цель Си Цзиньпина состоит в сокращении долговой нагрузки на строительные предприятия. Он старается провести коррекцию в этом вопросе, а также ограничить рабочее время трудящихся на частных предприятиях до 8 часов в день, исключить переработки. Как видно, столкновения политических групп и их экономических интересов способны усиливаться и расширяться, влиять на другие секторы экономики.

Вторая проблема внутреннего развития – демографическая, которая остаётся самой острой и непосредственно влияющей на внутреннюю ситуацию. Проводившаяся в период 40-летних экономических реформ политика «одна семья – один ребенок» привела к демографическому перекоосу: семьи старались обзавестись наследником-мальчиком, который, согласно китайским традициям, будет заботиться о своих родителях. В результате за 40 лет китайских экономических реформ в стране родилось мальчиков больше, чем девочек. Согласно переписи 2020 г., мужчин больше, чем женщин, на 17,5 млн в возрастной группе 20–40 лет. Хотя с 2016 г. китайские власти позволили семьям иметь 2–3 детей, это не привело к росту рождаемости. Напротив, в 2021 г. наблюдалось резкое снижение рождаемости, что является свидетельством социального неблагополучия. В то же время сокращается население трудоспособного возраста. Ожидается, что через десять лет пожилое население достигнет 30% от всего населения Китая. С 2022 г. численность китайского населения продолжала снижаться, что в дальнейшем отрицательно скажется на качестве трудовых ресурсов и способно привести к сокращению экономической активности Китая. Таково негативное последствие политики «одна семья – один ребенок» в течение сорока лет.

К тому же молодые китайцы, как правило, единственные дети в семьях. Получив хорошее образование, они не желают полностью посвятить себя работе и стать поколением «996» (работа с 9 до 21 часа 6 дней в неделю). Молодые люди оказывают неформальное сопротивление – бросают работу и живут на подаяние, уходят в монахи и даже кончают жизнь самоубийством. Наиболее смелые пропагандируют в интернетовских блогах отказ от работы и ведение праздного образа жизни, что безуспешно преследуется цензурой. Руководство КПК попыталось ответить на это массовым приёмом молодежи в ряды КПК. Так, если к XIX съезду КПК в рядах партии состояло около 90 млн человек, то к XX съезду КПК уже было 100 млн. Планируется, чтобы в ближайшем будущем в рядах КПК было 10% населения КНР. Предполагается, что члены партии явятся тем фундаментом, который станет идеологической силой и будет крепить единение страны.

Учитывая напряжённый трудовой ритм трудящихся на частных предприятиях и их быстрое эмоциональное выгорание на работе, китайские власти увеличили число празд-

ничных дней в году и провели эксперименты по введению сокращённой рабочей недели – до 4,5 дней. С 2014 г. зимние новогодние каникулы стали длиться до двух недель. Ожидается, что к 2030 г. Китай перейдёт на четырёхдневную рабочую неделю [3, с. 20]. Таким образом китайские власти намерены защищать социальные права граждан и не допускать их сверхэксплуатацию на частных предприятиях.

Тайвань и поддержка США его независимости

Третья проблема современного Китая – рост напряженности вокруг Тайваня. Воинственная риторика Пекина в отношении острова была всегда, но особенно возросла в 2021–2022 гг., что объяснялось намерением администрации тайваньского президента Цай Инвэня объявить о независимости острова. В эти годы наблюдалось значительное количество заходов боевой авиации крупных соединений ВВС НОАК к берегам острова (150 самолетовылетов, способных нанести масштабный удар по Тайваню) [4, р. 62]. Кроме того, Китай перевооружил свою армию современным вооружением. В 2021 г. Китай провёл испытания гиперзвукового оружия. Количество китайских космических запусков превысило показатели других стран, что также свидетельствует о возросшем качестве китайской военно-технической мощи.

Зарубежные исследователи полагают, что «мало кто верит в неизбежность войны, учитывая экономические и политические издержки военного конфликта... Демонстрация силы Пекина может быть направлена на внутреннее потребление в целях повышения национализма внутри страны» [4, р. 63]. Они также считают, что Пекин запугивает руководство Тайваня ради сдерживания его сепаратистских намерений. К тому же китайские вторжения в воздушное пространство Тайваня проверяют противовоздушную оборону острова, выявляют схемы реагирования и слабые места, а также пресекают доступ иностранных военно-морских сил к Тайваньскому проливу.

В то же время само тайваньское правительство начало диверсифицировать свою внешнюю политику и расширять дипломатические контакты с малыми европейскими странами, членами Евросоюза, учреждая там свои дипломатические представительства. В 2021 г. Литва и Тайвань установили дипломатические отношения, что вызвало бурю негодования в Пекине, привело к разрыву отношений и наказанию литовского бизнеса [5, р. 4]. Словения также планировала установить дипломатические отношения с Тайванем, но пока не решилась объявить об этом. Одновременно в октябре 2021 г. Европарламент выразил поддержку Литве и принял резолюцию об организации более тесных контактов Евросоюза с Тайванем. В ноябре 2021 г. Тайвань посетила официальная делегация Евросоюза. Похоже, что малые страны Евросоюза намереваются осуществить коллективное признание независимости острова.

Визиты американских сенаторов и конгрессменов на остров говорят о поддержке Вашингтоном такого плана. Возможно, это будет сделано после какого-либо резкого шага со стороны Китая. Для отвлечения внимания от Тайваня США

могут спровоцировать конфликт на приграничных к Китаю северных и западных территориях: с Индией, Мьянмой, Непалом, с государствами Центральной Азии. В таком случае Китай не рискнет воевать на два фронта. Тем временем США поставили на Тайвань оружие на сумму 750 млн долларов и продолжили программу подготовки тайваньских военнослужащих, что еще раз подчеркнуло поддержку независимости острова [6, р. 63].

В то же время администрация президента Дж. Байдена намерена осуществить интернационализацию поддержки Тайваня благодаря другим своим союзникам в Восточной Азии. Так, на переговорах между США и Республикой Корея, Японией и Австралией обсуждались вопросы о «важности мира и стабильности в Тайваньском проливе» [1, р. 26–27]. Создание в Восточной Азии новых международных военно-политических коалиций (QUAD, AUKUS, PBP) [7, р. 139], направленных на сдерживание растущего Китая, одновременно создаёт благоприятные условия для дальнейшего развития Тайваня по собственному плану.

Несмотря на угрозу китайского вторжения и пандемию COVID-19, Тайвань остаётся обладателем сильной экономики, показатели которой в отдельных областях опережают материковый Китай. Так, в 2021 г. общий объём тайваньского экспорта увеличился на 27% по сравнению с предыдущим годом, а темпы роста ВВП составили 5,88% [6, р. 66]. Спрос на полупроводники стремительно растёт и подпитывает тайваньскую экономику. На долю Taiwan Semiconductor Manufacturing Co. (TSMC), крупнейшего в мире производителя микросхем, в 2021 г. приходилось 55% от всего мирового рынка [5, р. 4]. Поскольку полупроводники являются важнейшими компонентами практически всех электронных устройств, доминирующая роль Тайваня оказалась в центре внимания. Китайские фирмы пытаются наверстать упущенное и агрессивно набирают квалифицированных рабочих с острова. В ответ правительство Тайваня запретило размещать рекламу китайских фирм, которые работают в полупроводниковой промышленности и могут переманить тайваньских специалистов.

Кроме того, Китай продолжает оставаться основным инвестором и торговым партнёром Тайваня. В 2021 г. тайваньские инвестиции в материковом Китае сократились из-за экономических разногласий между США и Китаем, но 34% торговли острова приходилось на Китай, по сравнению с 13% на США и 11% на Японию [4, р. 65]. Торговая зависимость Тайваня от Китая остаётся высокой, несмотря на стимулы, предусмотренные «новой политикой южного направления», которая была запущена администрацией Цай Инвэнь в 2016 г. и направлена на то, чтобы переориентировать тайваньские торговые интересы и инвестиции от Китая в Юго-Восточную Азию. Однако тайваньский бизнес не хочет разрывать налаженные торгово-экономические контакты с материковым Китаем.

Более 70% тайваньского населения желает сохранить статус-кво с Китаем, полагая, что Тайвань фактически уже является суверенным государством, а не «просто

самоуправляемым островом» [8]. Согласно проведённому опросу тайваньцев в 2022 г., доля сторонников, готовых к объединению с КНР, упала с 58% до 22%. Противники объединения считают необходимым строить отношения с КНР на равноправной основе, а для этого не обязательно провозглашать независимость.

Тайвань и новые американские военные коалиции в Восточной Азии

Несмотря на столь масштабные китайско-тайваньские торговые связи, Тайвань остаётся важным звеном в системе американской безопасности в Восточной Азии. Если Китаю удастся вынудить США уйти из этого региона, то произойдёт крушение его военно-политических союзов с Японией и Республикой Корея, а военно-экономическое господство автоматически перейдёт к Китаю, который будет контролировать всю морскую логистику в Восточной Азии. Таким путём Китай установит контроль над экономической зоной АСЕАН, которая намного больше, чем экономика Евросоюза. В результате Тайвань превращается в ключевого актора в Восточной Азии, и США намерены сражаться за контроль над островом.

США пугает быстро развивающийся и расширяющий своё влияние в мире Китай, который невозможно остановить мирными методами. Администрация президента Дж. Байдена стремится опереться на своих союзников в противостоянии военно-экономическому подъёму Китая в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). В связи с этим в марте 2021 г. лидеры четырёх государств (QUAD) – США, Японии, Индии и Австралии – провели первые встречи на виртуальном уровне. В их совместном заявлении содержался призыв к сохранению «свободным и открытым Индо-Тихоокеанский регион», а также к «свободному мореплаванию в Восточно- и Южно-Китайском морях» [1, р. 25–26].

С той же целью для противодействия Китаю США создало коалицию государств AUKUS (США, Великобритания и Австралия), которая является протоевровой организацией, развивающей военно-техническое сотрудничество. В сентябре 2021 г. страны-участницы этой организации подписали трёхсторонний пакт о безопасности, согласно которому США и Великобритания помогут Австралии приобрести многоцелевые атомные подводные лодки. В рамках данной организации Австралия превращается в базу для размещения ядерного оружия, направленного против Китая. Предполагается, что AUKUS станет препятствием для продвижения китайского морского шёлкового пути в Восточной Азии.

Кроме того, в июне 2022 г. была создана ещё одна коалиция – Partners in the Blue Pacific (РВР), которая призвана укрепить южно-тихоокеанский регионализм, его безопасность и противодействовать китайской торгово-экономической инициативе морского шёлкового пути в ИТР. В эту организацию вошли те же государства – США, Великобритания, Австралия, а также Япония и Новая Зеландия. Необходимо отметить, что создание РВР явилось ответом на заключение между Китаем и

государством Соломоновы острова договора о безопасности, по которому Китай получил право размещать на территории островов военные объекты [7, с. 139]. Таким образом, коалиции QUAD, AUKUS, PBP, а также разведывательный альянс Five Eyes («Пять глаз») коренным образом изменили существовавшую до этого систему двусторонних военно-политических договоров между США и их союзниками в Восточной Азии.

Примечательно, что Германию не допустили к участию ни в одной из восточно-азиатских коалиций, хотя германское правительство проявляло стремление принять участие в каком-либо из альянсов и посылало свой военный корабль для патрулирования в Тайваньском проливе. Игнорирование Германии объясняется слишком тесными связями немецкого бизнеса с предприятиями материкового Китая и заинтересованностью и далее развивать эти связи.

Между тем Япония превращается в ведущего американского союзника в Восточной Азии. Это сопровождается получением Японией права использовать свои войска самообороны за рубежом и увеличением японского военного бюджета. Подобная ситуация способна привести к обострению японо-китайского соперничества в Восточной Азии, одновременно отвлекая внимание Китая от Тайваня.

Новые военные коалиции англосаксонских государств призваны образовать единый фронт против проникновения Китая в островные государства Южной Пасифики, располагающие полезными и редкоземельными ископаемыми. Администрация президента Д. Байдена расценивает такие китайские действия как «экономическое хищничество Китая», ставшее «серьёзной проблемой», с которой следует бороться. В связи с этим в июне 2022 г. США объявили об учреждении новой организации под названием Партнёрство по безопасности полезных ископаемых (Partnership of Mineral Security), куда были включены девять стран (Австрия, Канада, Финляндия, Франция, Япония, Норвегия, Республика Корея, Швеция, Великобритания). В их обязанности входит воспрепятствование экспорту в Китай ценных металлов и редкоземельных минералов, включая медь, литий, кобальт, никель, иридий, германий и др., а также контроль за экспортом биотехнологий и приборов, связанных с искусственным интеллектом, квантовой информатикой [9].

Для контроля за производством микропроцессоров США планируют образовать альянс под названием «Chip4», куда предполагается включить кроме самих США также Японию, Республику Корея и Тайвань [9]. Эти четыре государства объединяет заинтересованность в создании надёжной цепочки поставок полупроводников для своей электронной промышленности. Таким образом, США, являясь инициатором создания всех военно-политических и экономических альянсов и возглавляя их, преследуют цель создания надежного барьера против укрепления китайского влияния в странах Восточной Азии и продвижения китайской инициативы «Один пояс, один путь».

В ответ на действия США и их союзников Си Цзиньпин пересмотрел свою экономическую стратегию и выдвинул новую доктрину под названием «Всеобщее процветание», что явилось противодействием критике концепции китайской инициативы «Один пояс и один путь», в которой оппоненты усмотрели эгоистический подход и односторонние выгоды для Китая. В доктрине «Всеобщее процветание» также предусмотрена возможность отобрать сверхприбыль у китайских корпораций, таких как Alibaba, Baidu, Tencent и др., среди акционеров которых есть и американские бизнесмены. Предполагается перераспределить сверхприбыль корпораций в пользу китайского образования, медицины, социальных служб и др.

Решения XX съезда КПК: уход от прошлого

В отчётом докладе съезду отмечались достижения десятилетнего правления Си Цзиньпина. В частности подчеркивались успехи по преодолению бедности и построению общества «сяокан» («среднего достатка»), проводилась борьба с коррупцией. Китайские власти благополучно противостояли эпидемии коронавируса. На фоне этих событий укреплялась и усиливалась руководящая роль КПК.

В докладе Си Цзиньпина проанализирована «тяжелая и сложная международная обстановка», при которой страна должна быть «готова к опасностям в мирное время». Также отмечалось, что Китаю следует готовиться к «опасному шторму». Си Цзиньпин говорил о «национальной безопасности» как об «основе национального возрождения». В докладе указывалось на необходимость, чтобы члены партии «усвоили как мировоззрение, так и методологию марксизма-ленинизма» и применяли «аналитические инструменты диалектического и исторического материализма» для понимания «великих вызовов времени». На съезде Си Цзиньпин пообещал «повышение способности армии к победе», «увеличение доли новых боевых сил» и проведение «реальной боевой подготовки» [10, с. 3].

За докладом Си Цзиньпина последовала интенсивная пропагандистская кампания как для общественного, так и для внутривнутрипартийного потребления в целях обоснования необходимости подготовиться к трудным временам, ужесточив свой «дух борьбы». Эта борьба не ограничивается вызовами внутри самой партии. Она также направлена на противодействие вызовам Китаю по всему миру, в том числе со стороны США. В связи с этим в решениях съезда отмечается, что Си Цзиньпин является «основным лидером Центрального комитета», и объявляется, что его труд «Мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры» становятся «новым марксизмом XXI века» [11].

Съезд избрал новый состав Центрального комитета КПК. При этом в него не вошли сторонники продолжения политики открытости миру и экономических реформ. В их числе были не только премьер-министр Ли Кэцян и председатель постоянного комитета ВСНП Ли Чжаньшу, но и председатель Всекитайского комите-

та Народного политического консультативного совета Ван Ян, а также первый заместитель премьер-министра Хань Чжэн.

Си Цзиньпин снова стал генеральным секретарём и представил новое руководство партии, куда вошли его сторонники. В постоянный комитет Политбюро ЦК КПК вошли: Ма Синжуй, являющийся партийным секретарём Синьцзяна; мэр Пекина Чэнь Цзинин; Чжан Гоцин – партийный секретарь провинции Ляонин и бывший глава военно-промышленного холдинга Norinco; Юань Цзяцзюнь – партийный секретарь провинции Чжэцзян и глава китайской космонавтики; Лю Гочжун – партийный секретарь провинции Шэньси; Ли Цян – представитель шанхайской парторганизации. Новые выдвиженцы получили инженерное образование и имеют опыт работы в военной отрасли или близкому к военной сфере производству [12, с. 2]. В этом списке представлены только доверенные лица Си Цзиньпина, занимающие теперь все высшие посты в партийном аппарате. Таким путём Си Цзиньпин укрепил свою власть и спланировал дальнейшую траекторию движения Китайского государства.

Состав Политбюро (24 чел.) и ЦК КПК (205 чел.) были обновлены на треть. Представители военных кругов («силовики»), традиционно поддерживающие Си Цзиньпина, численно перевесили группу «комсомольцев», выходцев из Шанхая, поддерживающих связи с Демократической партией США. После избрания Си Цзиньпина на третий срок произошло вытеснение «комсомольцев» не только из руководящих постов в партии, но и из других сфер экономики и политики [12, с. 2].

Традиционно «комсомольцы» контролировали китайский экспорт и финансовые потоки. Однако баланс между «комсомольцами» и «силовиками» скорее всего будет сохранён, тем более что в марте 2023 г. на пост премьер-министра назначен представитель шанхайской группировки Ли Цян. Инцидент с Ху Цзиньтао, покровителем шанхайских «комсомольцев», и его публичный вывод с заседания съезда свидетельствует о сохраняющихся серьёзных противоречиях внутри КПК, что будет влиять на дальнейшую внутреннюю и внешнюю политику Китая. Необходимо подчеркнуть, что при Ху Цзиньтао отношения с США были довольно хорошими и «комсомольцы» процветали. Это объясняется тем, что Ху Цзиньтао являлся сторонником мирного курса в отношении Тайваня и замирения с США. Однако после прихода к власти в 2013 г. Си Цзиньпина отношения с США стали портиться, что привело к ослаблению позиций «комсомольцев» внутри китайского социума.

В резолюции XX съезда КПК были закреплены основные положения, призванные противостоять американской политике в Восточной Азии. Си Цзиньпин был объявлен «ядром партии», а его идеи стали «марксизмом XXI века» и «квинтэссенцией китайской культуры и китайского духа». В уставе КПК было закреплено положение о противодействии независимости Тайваня и необходимости сдерживания других сепаратистов. Там же отмечалось, что внесение этих дополнений в устав

партии «способствует устойчивому и долгосрочному развитию практики “одна страна – две системы”, а также ускорению процесса воссоединения родины» [13].

Как заметили американские эксперты, решения съезда «удалили прорыночных чиновников из руководства КПК». Термин «марксизм» также неоднократно появлялся в отчётном докладе, предполагающем, что Си Цзиньпин готовится к конфликту. Марксистско-ленинская концепция «борьбы» – стремления насильственными средствами разрешить то, что марксисты-ленинцы считают «противоречиями» во внутреннем и международном обществе, упоминается в отчётном докладе 22 раза. По мнению зарубежных наблюдателей, эта концепция позволяет Си Цзиньпину «участвовать в различных формах конфронтации для продвижения революционного дела» [4].

Зарубежные исследователи полагают, что Си Цзиньпин использовал отчётный доклад, чтобы закрепить свои более ранние заявления о необходимости «полной безопасности», о гарантиях в обеспечении стране идеологической, политической, экономической и стратегической безопасности. По мнению американских экспертов, в докладе имеется призыв к «закрытости» практически всех аспектов жизни общества. Си Цзиньпин также поручил применять «концепцию полной безопасности» во всех внутренних процессах партии. Си Цзиньпин, похоже, даёт понять, что КПК и Народно-освободительная армия Китая теперь должны быть готовы к большой войне. Внутри страны это означает ещё более жесткое наблюдение и контроль за китайцами [4]. Иными словами, по мнению американских наблюдателей, Китай готов бросить вызов мировой гегемонии США. Поэтому США и его союзники предполагают, что новые военно-политические союзы в Восточной Азии способны противодействовать китайским экономическим инициативам и таким путём затормозить экономическое развитие Китая.

Заключение

В целом на XX съезде КПК было продемонстрировано единение и сплочение вокруг правящего ядра партии. Руководство КПК представляет трудности и задачи, которые стоят перед Китаем, и готово их решать. Очередной съезд показал, что внутренние противоречия в КПК не могут оказать негативного влияния на выбранный партией маршрут развития по социалистическому пути. Идеологические сдвиги, сопровождающая их политическая риторика и вытекающие из них новые направления политики ясно показывают, что Китай в настоящее время отказывается от десятилетий политического, экономического и внешнеполитического прагматизма и приспособленчества к запросам Запада.

Китай Си Цзиньпина напорист, активен и инициативен, способен выдвигать новые экономические планы и осуществлять их. Си Цзиньпин менее изощрён и скрытен, чем его предшественники, а его идеологический план будущего теперь находится у всех на виду. Как практикующий марксист-диалектик, Си Цзиньпин

готов применить любые контрмеры против действий англосаксонских стран. Для России решения XX съезда КПК и переизбрание Си Цзиньпина на следующий срок являются хорошим знаком, позволяющим надеяться на стабильное развитие российско-китайских отношений в следующее пятилетие.

Список источников

1. Min Ye. China in Asia. The new normal at an abnormal time // *Asian Survey*. 2022. Vol. 62, no. 1. P. 15–28. DOI: <https://doi.org/10.1525/as.2022.62.1.02>.
2. Прогнозы и риски. Круглый стол в Фонде Горчакова. Ч. 1 // *Завтра*. 2022. № 4. С. 4.
3. Китай. 2016. № 5. С. 20.
4. Rudd K. The return of Red China. Xi Jinping brings back Marxism. November 9, 2022 // *Foreign Affairs*. 2022. No. 11. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/return-redchina?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=The%20Return%20of%20Red%20China&utm_content=20221111&utm_term=FA%20This%20Week%20-%20112017#author-info.
5. Taiwan angers China with Name of Europe Office // *Japan Times*. 2021. July 22. P. 4.
6. Wang T.Y. Taiwan in 2021. The looming China threat // *Asian Survey*. 2022. Vol. 62, no. 1. P. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.1525/as.2022.62.1.06>.
7. Золотухин И. Н., Зайцев В. О. К вопросу о противостоянии Китая и Вьетнама в Южно-Китайском море: история и современность // *Ойкумена*. 2022. № 3. С. 135–142.
8. Batto N. F. Taiwan is already independent. Why most of the Island's People don't desire a formal declaration. December 12, 2022 // *Foreign Affairs*. 2022. No. 12. URL: https://www.foreignaffairs.com/taiwan/taiwan-already-independent?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=The%20Autocrat%20in%20Your%20iPhone&utm_content=20221212&utm_term=FA%20Today%20-%20112017.
9. Cha V. How to stop Chinese coercion. The case for collective resilience. January, February 2023 // *Foreign Affairs*. 2023. No. 1. URL: https://www.foreignaffairs.com/world/how-stop-china-coercion-collective-resiliencevictorcha?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=How%20to%20Stop%20Chinese%20Coercion&utm_content=20221214&utm_term=FA%20Today%20-%20112017.
10. Овчинский В. Триумф Си Цзиньпина на XX съезде КПК в оценках американских аналитиков // *Завтра*. 2022. № 41. С. 3.
11. Си Цзиньпин снова стал генсеком и представил новое руководство страны. 20 октября 2022. URL: <https://news.mail.ru/politics/53592194>.
12. Зайцев К. Придушили «комсомольцев» // *Завтра*. 2022. № 42. С. 2.
13. Компартия Китая внесла в свой устав положение о противодействии независимости Тайваня. 22 октября 2022. URL: <https://news.mail.ru/politics/53579242/>.

References

1. Min Ye. China in Asia. The new normal at an abnormal time. *Asian Survey*, 2022, vol. 62, no. 1, pp. 15–28. DOI: <https://doi.org/10.1525/as.2022.62.1.02>.
2. Forecasts and risks. Round table at the Gorchakov Foundation. Part 1. *Zavtra*, 2022, no. 4, pp. 4. (In Russ.).
3. China, 2016, no. 5, pp. 20. (In Russ.).
4. Rudd K. The return of Red China. Xi Jinping brings back Marxism. November 9, 2022. *Foreign Affairs*, 2022, no. 11. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/return-redchina?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=The%20Return%20of%20Red%20China&utm_content=20221111&utm_term=FA%20This%20Week%20-%20112017#author-info.
5. Taiwan angers China with Name of Europe Office. *Japan Times*, 2021, July 22, pp. 4.
6. Wang T. Y. Taiwan in 2021. The looming China threat. *Asian Survey*, 2022, Vol. 62, no. 1, pp. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.1525/as.2022.62.1.06>.
7. Zolotukhin I. N., Zaitsev V. O. On the issue of confrontation between China and Vietnam in the South China Sea: history and modernity. *Oikumena*, 2022, no. 3, pp. 135–142. (In Russ.).
8. Batto N. F. Taiwan is already independent. Why most of the Island's People don't desire a formal declaration. December 12, 2022. *Foreign Affairs*, 2022, no. 12. URL: https://www.foreignaffairs.com/taiwan/taiwan-already-independent?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=The%20Autocrat%20in%20Your%20iPhone&utm_content=20221212&utm_term=FA%20Today%20-%20112017.
9. Cha V. How to stop Chinese coercion. The case for collective resilience. January, February 2023. *Foreign Affairs*, 2023, no. 1. URL: https://www.foreignaffairs.com/world/how-stop-china-coercion-collective-resiliencevictorcha?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=How%20to%20Stop%20Chinese%20Coercion&utm_content=20221214&utm_term=FA%20Today%20-%20112017.
10. Ovchinsky V. The triumph of Xi Jinping at the 20th Congress of the Communist Party of China in the opinion of American analysts. *Zavtra*, 2022, no. 41, pp. 3. (In Russ.).
11. Xi Jinping again became Secretary General and introduced the new leadership of the country. October 20, 2022. URL: <https://news.mail.ru/politics/53592194>. (In Russ.).
12. Zaitsev K. Strangled "Komsomol members". *Zavtra*, 2022, no. 42, pp. 2. (In Russ.).
13. The Chinese Communist Party introduced a provision in its charter to oppose Taiwanese independence. October 22, 2022. URL: <https://news.mail.ru/politics/53579242/>. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. В. Забровская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия

Information about the author

L. V. Zabrovskaya – Doctor of History Sciences, Leading Researcher with the Center for Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 15.03.2023; принята к публикации 16.03.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 15.03.2023; accepted for publication 16.03.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 121–140.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 121–140.

ПРАВО

Научная статья

УДК 347.763.9:629.331-519(5:265)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/121-140>

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА БЕСПИЛОТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В СТРАНАХ АТР: ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ, ЯПОНИИ, КИТАЕ И СИНГАПУРЕ

Агавни Арменаковна Абоян¹, Роман Игоревич Дремлюга²

¹Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа,
г. Владивосток, Россия, aboian.aa@students.dvfu.ru

²Дальневосточный федеральный университет, Институт математики
и компьютерных технологий, г. Владивосток, Россия, dreamluck@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется отечественный и зарубежный опыт правового регулирования в области применения беспилотных транспортных средств в сфере эксплуатации автомобильного транспорта и дорожного движения: авторами в целях сравнительно-правового анализа рассматриваются нормативные базы России, а также азиатских технологических лидеров – Японии, Китая и Сингапура. Авторы полагают, что в связи с активным развитием цифрового пространства, а также в связи с тем, что отношения России с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона заметно активизировались по многим направлениям, особый интерес сегодня для России представляет опыт стран АТР – в части разработки нормативной базы, позволяющей проводить тестирование и вводить в эксплуатацию беспилотный автотранспорт. Авторы на основе анализа правового регулирования сферы использования беспилотных транспортных средств в России и за рубежом выявляют ряд тенденций, наблюдаемых в формировании нормативной базы данных государств: 1) варианты правового регулирования разнятся в диапазоне от полного запрещения использования беспилотных транспортных средств до их свободного применения на дорогах общего пользования при условии соблюдения ряда условий, относящихся к безопасности; 2) имеет место перманентная адаптация законодательства в сфере применения беспилотных транспортных средств в зависимости

от постепенного внедрения в дорожное движение транспортных средств более высокого уровня автономности, что свидетельствует о поиске наиболее эффективных правовых механизмов методом проб и ошибок; 3) согласование правил дорожного движения под изменяющиеся условия применения беспилотного транспорта в дорожной сфере; 4) намечается тенденция к ужесточению контроля в области безопасности использования беспилотных транспортных средств в связи с тем, что практикой подтверждены существенные риски их использования; 5) институт юридической ответственности активно видоизменяется в связи с риском возникновения аварий при участии беспилотников. В результате исследования авторы приходят к выводу о том, что отечественное законодательство остро нуждается в оперативной адаптации к стремительно развивающимся реалиям путём внесения в него соответствующих изменений. Авторы полагают, что указанные тенденции следует учитывать при развитии отечественного законодательства в области применения беспилотного транспорта: ряд положений нормативных актов рассматриваемых в работе стран может быть имплементирован в законодательство России с целью разработки оптимальной модели правового регулирования сферы применения беспилотного транспорта.

Ключевые слова: беспилотные транспортные средства, высокоавтоматизированные транспортные средства, искусственный интеллект, автономность, юридическая ответственность, правовое регулирование, Россия, Япония, Китая, Сингапур.

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке ДВФУ (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»: Центр цифрового развития) / Research was supported by the Far Eastern Federal University (Program “PRIORITY 2030”: Digital Science) в Дальневосточном центре Искусственного интеллекта ДВФУ (создан совместно с ПАО Сбербанк).

Для цитирования: Абоян А. А., Дремлюга Р. И. Сравнительно-правовое исследование правового режима беспилотных транспортных средств в странах АТР: особенности регулирования в России, Японии, Китае и Сингапуре // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 121–140. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/121-140>

LAW

Original article

COMPARATIVE LEGAL STUDY OF THE LEGAL REGIME OF UNMANNED VEHICLES IN THE ASIA-PACIFIC COUNTRIES: REGULATORY FEATURES IN RUSSIA, JAPAN, CHINA AND SINGAPORE

Agavni Armenakovna Aboyan¹, Roman Igorevich Dremliuga²

¹Far Eastern Federal University, School of Law, Russia, Vladivostok,
aboian.aa@students.dvfu.ru

²Far Eastern Federal University, Institute of Mathematics and Computer Technologies,
Russia, Vladivostok, dreamluck@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the domestic and foreign experience of legal regulation in the field of the use of unmanned vehicles in the field of operation of motor transport and road traffic: the authors, for the purpose of comparative legal analysis, have studied the regulatory frameworks of Russia, as well as Asian technological leaders – Japan, China and Singapore. The authors believe that due to the active development of the digital space, as well as due to the fact that Russia's relations with the states of the Asia-Pacific Region have noticeably intensified in many areas, the experience of the countries of the Asia-Pacific Region is of particular interest to Russia today – in terms of developing a regulatory framework that allows testing and commissioning unmanned vehicles. Based on the analysis of the legal regulation of the use of unmanned vehicles in Russia and abroad, the authors identify a number of trends observed in the formation of the regulatory database of states: 1) legal regulation options vary in the range from a complete prohibition of the use of unmanned vehicles to their free use on public roads, provided that a number of safety-related conditions are met; 2) there is a permanent adaptation of legislation in the field of the use of unmanned vehicles, depending on the gradual introduction of a higher level of autonomy into road traffic, which indicates the search for the most effective legal mechanisms by trial and error; 3) the harmonization of traffic rules for the changing conditions of the use of unmanned vehicles in the road sector; 4) there is a tendency to tighten control in the field of safety of the use of unmanned vehicles as significant risks of their use have been confirmed by practice; 5) the institution of legal responsibility is actively being modified due to the risk of accidents involving drones. As a result of the study, the authors have come to the conclusion that domestic legislation is in urgent need of operational adaptation to rapidly developing realities by making changes. The authors believe that these trends should be taken into account when developing domestic legislation in the field of the use of unmanned vehicles: a number of provisions of

the normative acts of the countries considered in the work can be implemented into the legislation of Russia in order to develop an optimal model of legal regulation of the scope of application of unmanned vehicles.

Keywords: unmanned vehicles, highly automated vehicles, artificial intelligence, autonomy, legal responsibility, legal regulation, Russia, Japan, China, Singapore.

Funding: the work was supported by the Far Eastern Federal University (Program “PRIORITY 2030”: Digital Science) at the Far Eastern Center for Artificial Intelligence FEFU (created jointly with PJSC Sberbank).

For citation: Aboyan A. A., Dremlyuga R. I. Comparative legal study of the legal regime of unmanned vehicles in the Asia-Pacific countries: features of regulation in Russia, Japan, China and Singapore // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, No. 1. P. 121–140. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/121-140>

В условиях сложившейся социально-экономической действительности в начале XXI в. наблюдается тенденция к развитию информационных технологий, оцифровыванию всех сфер жизнедеятельности человека и компьютеризации общественных отношений с целью улучшения качества жизни. Результатом бурного развития научно-технического прогресса стало активное применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) практически во всех сферах, включая эксплуатацию транспорта и организацию дорожного движения.

Одним из наиболее важных этапов всеобщей цифровизации является масштабное внедрение беспилотных транспортных средств (далее – БТС) в основные области транспортной отрасли: воздушную, железнодорожную, водную, автомобильную. Под беспилотным автомобилем и автомобилем высокой степени автоматизации понимается транспортное средство, которое позволяет осуществлять движение как без необходимости осуществления контроля со стороны человека за процессом управления, так и в рамках контроля (в большей / меньшей степени) за движением с возможностью, в случае необходимости, взять управление в свои руки [1, с. 29].

Отметим, что приоритетом цифровизации транспортного комплекса на территории нашей страны становится широкое применение БТС в области автомобильного транспорта. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года, утверждённый распоряжением Правительства РФ от 1 октября 2021 г. № 2765-р, предусматривает федеральный проект «Беспилотные логистические коридоры», в рамках которого планируется организация движения беспилотных и высокоавтоматизированных транспортных средств (далее – ВАТС) на автомобильной дороге общего пользования федерального значения М-11 «Нева» [2]. Кроме того, Министерство транспорта России уже разработало план для тестирования и поэтапного за-

пуска на дорогах общего пользования беспилотных автомобилей без инженеров-испытателей на борту к 2024 г. [3]. Отметим, что частные компании также заинтересованы в развитии БТС в России: компания «Яндекс» уже представила беспилотный автомобиль на базе автомобиля «Toyota Prius» [4], компания «КАМАЗ» первой в России представила беспилотники для перевозки пассажиров («Ш.А.Т.Л.» и «Матрёшка») [5], Горьковский автомобильный завод разработал автономный малотоннажный грузовик «Газель» [6].

Особую актуальность в связи со всем вышесказанным приобретает потребность установления правил эксплуатации БТС в сфере дорожного движения, поскольку любое внедрение новых технологий в сферу жизнедеятельности человека должно сопровождаться законодательным регулированием, целью которого, в первую очередь, выступает обеспечение безопасности ВАТС. Аналогичная позиция изложена в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 910152-7 «Об инновационных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которой для обеспечения развития и внедрения в Российской Федерации интеллектуальных транспортных систем наряду с решением технических вопросов необходимо нормативно-правовое регулирование инновационного развития транспортной отрасли [7].

Также следует отметить, что в настоящее время сложилась ситуация, когда несовершенство законодательства является основным препятствием развития БТС. Этим обусловлена необходимость проведения данного исследования сравнительно-правового характера, основным предметом которого является анализ отечественного и зарубежного опыта правового регулирования в области применения БТС. Кроме того, проведение такого исследования имеет особую значимость для последующей имплементации положительного опыта нормативного регулирования БТС в странах АТР в национальную правовую базу с целью её совершенствования.

Россия сегодня занимает 22 место в мире по индексу готовности стран к использованию автономного транспорта, уступая всем развитым и некоторым развивающимся странам из АТР [8]. В национальном законодательстве присутствует ряд норм регулирующего характера, имеющих непосредственное отношение к беспилотному транспорту. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» стало первой попыткой регламентации отношений в сфере использования БТС в России, в том числе затрагивающей вопросы гражданско-правовой ответственности, возникающей вследствие причинения вреда в результате дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), происходящих с участием БТС [9]. Исходя из целей и задач эксперимента, которые указаны в пункте 4 Положения «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных

дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств», утверждённого рассматриваемым постановлением, можно сделать следующие выводы. Во-первых, эксперимент сводится к налаживанию работы БТС для дальнейшей массовой эксплуатации последних на дорогах общего пользования. Во-вторых, эксперимент сводится к необходимости формулирования положений для выработки технических требований и регламентов, документов по стандартизации.

Обратим внимание, что указанное выше постановление Правительства РФ предусматривает проведение эксперимента по опытной эксплуатации ВАТС на территориях города Москвы (Сколково) и Республики Татарстан (Иннополис). В связи с этим Государственный Совет Республики Татарстан внёс в 2020 г. в Госдуму РФ ранее упомянутый законопроект № 910152–7. Отметим, что данный законопроект был отклонён Правовым Управлением Государственной Думы РФ до этапа рассмотрения на первом чтении в связи с несоответствием первого ч. 3 ст. 104 Конституции РФ. Между тем существенной особенностью указанного законопроекта являлось то, что он был разработан в целях формирования основы нормативной правовой базы, направленной на обеспечение безопасной эксплуатации на территории Российской Федерации инновационных транспортных средств. Законопроект носил рамочный характер, предполагал необходимость детализации всех предусмотренных в нём этапов внедрения инновационного транспорта в сферу дорожного движения в подзаконных нормативных правовых актах. Более того, принятие данного законопроекта позволило бы создать правовые основы для развития и внедрения в Российской Федерации инновационных транспортных средств 4-го и 5-го уровней [10, с. 7–8].

Вслед за постановлением Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415 появилось распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 724-р, в котором была утверждена Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием БТС на автомобильных дорогах общего пользования [11]. Данная концепция содержала рекомендации по безопасному функционированию ВАТС и указание на то, что на этапе внедрения новой технологии в эксплуатацию на борту автоматизированных транспортных средств по всем уровням автоматизации должны присутствовать операторы. Данные операторы должны отвечать за выполнение задачи по обеспечению безопасности движения при вождении. При этом речь идёт в том числе о таких ВАТС, в которых конструкция не предусматривает управление со стороны водителя и, соответственно, не предусматривает наличие органов управления, таких как руль и педали (5-й уровень автоматизации). Однако важным является указание в Концепции на то, что по результатам положительного прохождения этого начального этапа и успешной отработки технологий ВАТС необходимость в присутствии оператора может быть пересмотрена в пользу исключения его как обязательного элемента на борту ВАТС.

В свете изложенного важно отметить, что Министерством транспорта России в 2021 г. был подготовлен проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Существенной особенностью данного законопроекта является наличие норм, регламентирующих эксплуатацию ВАТС без присутствия инженера-испытателя в салоне, то есть о беспилотных автомобилях в полном смысле слова [12]. Однако отметим, что до сих пор данный законопроект не был внесён в Государственную Думу РФ.

В дополнение к вышеописанному «правовому застою» в регулировании применения БТС в сфере дорожного движения в РФ с сожалением приходится констатировать, что утверждённая распоряжением Правительства РФ от 8 января 2018 г. № 1-р «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы» не содержит упоминаний о транспортных средствах беспилотного типа.

Между тем с февраля 2022 г. в отдельных зонах г. Москвы уже разрешена коммерческая эксплуатация беспилотных такси сети «Яндекс» [13], в связи с чем вопрос о полноценной разработке нормативной базы регулирования участия БТС в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта с каждым днём становится актуальнее.

Отметим, что на сегодня существует классификация автоматизации автомобилей, разработанная международным сообществом автомобильных инженеров (SAE International) [10, с. 2]. Принятая на международном уровне типология содержит шесть уровней, начиная с автомобилей с полностью ручным управлением (то есть режим, при котором управление осуществляет водитель) и с возможностью предупреждения об опасных ситуациях на дороге (наличие системы уведомлений) и заканчивая уровнем, где со стороны человека не требуется никаких действий в процессе управления транспортным средством, кроме старта системы и указания пункта назначения. Полностью автономная система может обеспечить проезд до любой точки назначения, не запрещённой законом.

Особенности полностью автономных транспортных средств (5-й уровень автономности) заключаются в том, что управляет такого рода БТС не водитель и даже не оператор, а некое программное обеспечение, в функционировании которого возможны как системные (производственные), так и персональные ошибки в рамках эксплуатации конкретного автомобиля, приводящие к возникновению ДТП. Кроме того, нельзя исключать внешнее вмешательство в функционирование беспилотника, поскольку ИИ, являясь компьютерной программой, всегда имеет риск противоправного вмешательства в её код со стороны третьих лиц – киберпреступников.

Сегодня в мире уже известны случаи ДТП, произошедших при участии БТС, в результате которых наступила смерть потерпевших или был причинён вред здоровью человека [14]. В связи с этим необходима особая проработка концептуальных

основ юридической ответственности в сфере общественных отношений, возникающих по поводу эксплуатации беспилотного транспорта.

В российском правовом поле на сегодня регламентированы лишь вопросы, касающиеся гражданско-правовой ответственности в случае причинения вреда в результате ДТП, возникшего с участием ВАТС [9]. Это свидетельствует о том, что на данный момент законодатель не планирует вносить изменения в кодифицированные акты РФ и каким-либо образом регулировать вопросы уголовной и административной ответственности, возникающие в результате ДТП с участием БТС.

Учитывая непроработанность российского законодательства в сфере регулирования общественных отношений по поводу использования БТС, следует обратиться к зарубежному опыту. Особенно интересным представляется анализ практики регламентации вопросов, связанных с БТС, в странах, лидирующих в сфере внедрения «беспилотников». Если рассматривать законодательный опыт стран – азиатских технологических лидеров, таких как Япония, Китай и Сингапур, то следует отметить, что данные государства сегодня активно стремятся к совершенствованию своего законодательства, касающегося использования БТС самых высоких уровней автономности на дорогах общего пользования.

Пионерами в сфере создания беспилотных авто являлись японцы, приступившие к работе в конце 1970-х гг. [15, с. 81]. Сегодня Япония занимает 10 место в мире по индексу готовности стран к использованию автономного транспорта [8]. Являясь мировым технологическим лидером, страна активно развивает технологии автономного движения, в которых она видит значительные перспективы для транспортной системы и населения. Правительство Японии считает развитие автономного транспорта одним из основных и наиболее приоритетных направлений совершенствования ИИ-технологий. Приоритезация данного вопроса привела к допуску использования на дорогах общего пользования Японии БТС 3-го уровня автономности: в 2019 г. Правительство Японии утвердило правила для использования БТС 3-го уровня автономности на дорогах общего пользования [16], а в 2020 г. был принят закон, разрешающий эксплуатацию автомобилей с уровнем автономности до 3-го включительно [17]. На сегодняшний день в стране полноценно работает законодательная база для 3-го уровня автономности транспортных средств.

В рамках достижения поставленной Правительством задачи по формированию «самой передовой транспортной системы в мире» в Японии ведётся непрерывная работа по созданию нормативной базы, включающей ряд дорожных карт, содержащих концепции внедрения в дорожную сферу БТС всех уровней автономности. Отметим, что в Японии развитие внедрения автономных транспортных средств в эксплуатацию активно поддерживается не только государством, но и частными инициативами. До 2022 г. в стране были запланированы периодические тестовые испытания беспилотных автомобилей более чем 20 компаниями на дорогах общего пользования [18]. Одной из таких

компаний является Honda, получившая разрешение от штата Калифорния на проведение испытаний собственного автономного транспорта на дорогах общего пользования. Важно заметить, что в апреле 2017 г. компания открыла свой исследовательский центр под названием Center X, который занимается исследованиями в области ИИ и, в частности, сферы автономного транспорта [19].

Сегодня Правительством Японии уже сформирован перечень планируемых показателей внедрения автономного транспорта, в котором указано, что до 2025 г. рассматривается возможность внедрения БТС, предполагающего движение без водителя на высокоскоростных магистралях.

Более того, сегодня Япония поддерживает разработку и проектирует бизнес-модели, применимые при 4-м уровне автономии транспортных средств [20]. В апреле 2022 г. Верхней палатой Парламента страны был одобрен законопроект, предусматривающий систему лицензий для операторов транспортных услуг, использующих БТС с уровнем автономности 4. Как было сказано ранее, такая степень автономности ИИ не предполагает наличия водителя в удалённо контролируемом транспортном средстве на ограниченной территории [21]. Ожидается, что такие транспортные средства поначалу будут использоваться в малонаселённых районах Японии, где концентрация автомобилей и пешеходов невелика. Первым этапом планируется вывести на маршруты роботизированные автобусы, которыми в основном пользуются пожилые люди. В префектурах предполагается назначение отвечающих за определённые участки движения операторов. Помимо контроля маршрута они будут обязаны быстро реагировать на нештатные ситуации – например, направлять к месту аварии ремонтную бригаду.

Ожидается, что полноценное введение машин с автономностью 4-го уровня будет возможно в Японии также к 2025 г. К тому времени в стране планируется подготовить протоколы обслуживания рассматриваемого вида транспортных средств и несения ответственности за их безопасность. Также важно отметить, что в Японии планируются пересмотр правил дорожного движения и реконструкция дорожной сети для обеспечения максимальной совместимости с автономным транспортом.

Как показывает анализ, степень проработки японского законодательства в сравнении с российским в области использования БТС находится «на несколько шагов впереди». Опыт правового регулирования Японии может быть полезен России. Для отечественного законодателя японский пример прежде всего интересен тщательным планированием поэтапного ввода в эксплуатацию БТС каждого уровня автономности. Соответственно, требуется поэтапная разработка основ законодательства в этой сфере в зависимости от степени развития общественных отношений в области эксплуатации транспорта и дорожного движения.

Анализируя правовое регулирование использования БТС в Китае, следует отметить, что Китайская Народная Республика занимает 20-е место в мире по индексу го-

товности стран к использованию автономного транспорта, уступая в АТР Японии и Сингапуру [8]. При этом в ближайшей перспективе Китай может обойти данные страны и занять одну из лидирующих позиций в АТР и в мире во многом благодаря активной политике по поддержке ввода БТС в эксплуатацию со стороны Министерства транспорта и Государственного комитета по развитию и реформам. Обозначенная перспектива возможна также за счёт активных действий Правительства КНР в части выстраивания нормативно-правового регулирования работы сегмента автономных транспортных средств и бизнеса по стимулированию развития технологий беспилотного вождения, проведения испытаний, в том числе на дорогах общего пользования.

Анализ законодательства Китайской Народной Республики в области применения БТС следует провести путём сравнения нескольких ключевых аспектов, выявленных в соответствующих законодательствах Японии и России.

Во-первых, в то время как в Японии пока лишь планируется внедрение транспортных средств 4-го уровня автономности, одной из особенностей тестирования ВАТС в КНР стало разрешение использования транспортных средств 5-го уровня автономности, то есть БТС в полном смысле слова. По состоянию на 2022 г. испытания полностью автономных автомобилей уже проводились в Пекине и Шэньчжэне. Тестирование БТС в КНР, как и тестирование ВАТС с инженером на пассажирском сидении, регламентируется местными органами власти. При этом полноценная коммерческая эксплуатация «беспилотников» вне пилотных зон в КНР пока недопустима. Следует отметить, что в Постановлении «О дорожном движении» использование ИИ для беспилотного вождения в Гонконге запрещено до тех пор, пока не будет получено оформленное соответствующим образом разрешение от Департамента транспорта [22]. Таким образом, возможность эксплуатации БТС 5-го уровня автономности на дорогах Китая допустима при соблюдении ряда условий (получение соответствующего разрешения на эксплуатацию, определённая зона движения).

Во-вторых, правила дорожного движения КНР сегодня по-прежнему требуют наличия в салоне водителя, управляющего транспортным средством. Это связано с тем, что тестирование БТС в КНР осуществляется лишь в рамках пилотных зон; на дорогах общего пользования использование БТС пока ещё по общему правилу запрещено, поэтому нет необходимости изменять правила дорожного движения. При этом в марте 2021 г. в Китае был принят законопроект о внесении изменений в «Закон о безопасности дорожного движения» (Road Traffic Safety Law of the People's Republic of China) [23], включающий положения о регулировании ВАТС [24]. Статья 155 указанного закона впервые на законодательном уровне разъясняет соответствующие требования к дорожному испытанию, проводимому в рамках пилотных зон при участии транспортных средств с функциями автономного вождения. Кроме того, данный закон регулирует особенности распределения юридической ответственности, возникающей при причинении вреда в случае ДТП.

В Японии же правила дорожного движения активно изменяют в зависимости от ввода в эксплуатацию ВАТС конкретного уровня автономности. Иными словами, законодательство Японии оперативно реагирует на изменяющиеся общественные отношения в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта.

В-третьих, что касается вопроса о разделении ответственности за нарушение правил дорожного движения или в случае ДТП с участием беспилотного автомобиля, то в нормах вышеупомянутого «Закона о безопасности дорожного движения» указано следующее: если за рулём ВАТС есть водитель, то разрешение дела должно осуществляться с привязкой к текущему законодательству в этой сфере, т.е. при наличии водителя ответственность будет совпадать с той, что предусмотрена при вождении автомобиля без использования технологий ИИ; если же водитель отсутствует, то ответственность за нарушение закона должны нести либо владелец, либо оператор транспортного средства.

Отметим, что в России сегодня, как было упомянуто ранее, существует лишь гражданско-правовая ответственность в случае возникновения аварий с участием ВАТС. Однако отличительной особенностью является то, что по нашему законодательству данную ответственность могут нести лишь водитель либо собственник транспортного средства – ситуация с привлечением к ответственности оператора не предусмотрена вовсе [9].

Наконец, в-четвёртых, на сайте Законодательного совета Гонконга опубликована «Политика тестирования и развёртывания автономных транспортных средств» [25], согласно которой внедрение ВАТС на дорогах может проходить в несколько этапов, аналогично тому, как этот вопрос урегулирован в законодательстве Японии.

Что касается регулирования ВАТС в Гонконге, то Правительство Гонконга в 2019 г. создало Технический консультативный комитет по применению технологий автономных транспортных средств (Technical Advisory Committee on the Application of Autonomous Vehicle Technologies), призванный давать рекомендации по разработке нормативной базы для сферы применения БТС, что свидетельствует о следующем: здесь политика в отношении ВАТС все ещё находится на начальной стадии разработки по сравнению с другой азиатской страной, такой как Сингапур.

Согласно актуальным стратегическим планам Правительства Китая, государство видит к 2025 г. страну мировым лидером по развитию технологий ИИ и автономных транспортных средств. Экспертами отмечается следующая возможная предпосылка для этого: реализация плана Made in China 2025, согласно которому государство официально провозглашает цель по становлению Китая мировым лидером в сфере автономного транспорта; в ближайшие годы предполагается выделение сотен миллиардов долларов инвестиций в построение инновационной экосистемы, создание «умных» автомобилей, а также в подготовку тысяч экспертов в сфере технологии ИИ [26]. К 2035 г. в Китае прогнозируется использование на до-

рогах общего пользования 8,6 миллионов автономных автомобилей, из которых 3,4 миллиона достаточно вероятно будут полностью автономными, а 5,2 миллиона – с высоким уровнем автономности [27].

Рассмотрим вопросы правового регулирования БТС ещё одной страны АТР – Сингапура. Сегодня Сингапур является одной из лидирующих стран мира по развитию рынка автономного транспорта. Государство занимает 2 место в мире и 1 место в АТР по индексу готовности стран к использованию автономного транспорта [8]. В свою очередь, Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ESCAP) поставила Сингапур на первое место по степени готовности к внедрению беспилотных авто среди четырёх азиатских технологических лидеров (Япония, Китай, Республика Корея) за его относительно прозрачную политику и детализированную законодательную базу в сфере регулирования внедрения и использования беспилотного транспорта [28].

Правительство страны прилагает большие усилия, чтобы сделать Сингапур мировым центром развития беспилотных технологий. В 2014 г. оно включило создание беспилотников в стратегию транспортного развития государства.

Сингапур как азиатский технологический лидер одним из первых принял правовые акты, направленные на регулирование беспилотного авто, в частности нормативно-правовой акт «Правила дорожного движения (автономные автомобили)» (Road Traffic (Autonomous Motor Vehicles) Rules 2017) стал применяться с августа 2017 г. В рамках сравнительно-правового исследования важное значение имеет то, что подобные нормы появились в законодательстве иных азиатских стран только в 2020 г. [29, с. 175–233].

Существенной особенностью названного правового акта является то, что он регламентирует правила тестирования или ограниченного использования автономного автотранспорта. В частности, для того, чтобы автономное транспортное средство могло оказаться на дорогах Сингапура, необходимо подать заявку в органы власти и пройти специальные процедуры допуска к дорожному движению, среди которых прохождение проверки на безопасность по методике, разработанной Управлением наземного транспорта совместно с SETRAN при участии дорожной полиции [30]. Сегодня важным требованием допуска таких транспортных средств к дорожному движению является присутствие в беспилотном автомобиле квалифицированного оператора безопасности, который в случае необходимости возьмёт управление автомобилем на себя. Однако это не исключает того, что законодательство Сингапура допускает в ряде случаев возможность вождения БТС без оператора, если доказана безопасность подобного вождения [31].

В феврале 2017 г. в Сингапуре также были приняты регуляторные правила (AV Rules), в соответствии с которыми стало возможным проведение тестовых запусков беспилотных автомобилей на дорогах общего пользования [32].

Отметим, что несколько лет назад в Сингапуре был открыт специализированный Центр по исследованиям и испытаниям автономных автомобилей (CETRA) при Наньянском технологическом университете. В Центре существует тестовая площадка, имитирующая реальный город (автобусные остановки, светофоры, высотные здания и др.) и различные погодные условия. Информацию, получаемую по результатам испытаний, государство также использует для выработки национальных стандартов в сфере автономного транспорта [8].

Например, в начале февраля 2019 г. Сингапур выпустил национальные стандарты для беспилотных автомобилей, предназначенные для контроля производства и информационной безопасности такого вида транспорта. Документ разрабатывался в течение 2018 г. представителями сектора БТС, исследовательских и государственных учреждений и получил название «Технический стандарт № 68» (TR 68) [33]. Основная работа проводилась Комитетом по производственным стандартам Сингапурского совета по стандартам и также включала рекомендации зарубежных экспертов, согласно заявлению, опубликованному совместно Управлением наземного транспорта, Организацией по разработке стандартов и Сингапурским советом по стандартам. При этом представители Комитета отметили, что «Технический стандарт № 68» будет постепенно совершенствоваться и дополняться новыми положениями, поскольку технологии производства БТС продолжают развиваться и отрасль постоянно предоставляет новые данные. На сегодня названный стандарт содержит руководящие принципы, связанные с поведением БТС, их функциональной безопасностью, кибербезопасностью и форматами данных, необходимыми для развёртывания БТС в городской среде.

Кроме того, в настоящее время в Сингапуре активно реализуются проекты по испытаниям беспилотного транспорта. Правительство объявило о том, что в некоторых районах города (Пунггол, Тенга, Джуронг) с 2022 г. ожидается запуск автономных автобусов и шаттлов в непиковые периоды и в рамках модели «по требованию» [34].

Таким образом, из вышеизложенного следует, что на сегодня наиболее полно и детализировано область применения БТС урегулирована в законодательстве Сингапура. Из особенностей правового регулирования использования БТС в этой стране следует отметить существование большого количества специализированных государственных органов, в чью компетенцию входят вопросы разработки основ законодательства в области применения БТС. Более того, в Сингапуре уже детально регламентирована возможность ввода в эксплуатацию БТС без присутствия в нём оператора, чего нельзя сказать сегодня ни о Японии, ни о КНР, ни о России.

В результате анализа отечественного и зарубежного опыта в части правового регулирования применения БТС в области автомобильного транспорта выявлены особенности правового регулирования применения БТС в сфере эксплуатации транспорта и дорожного движения, в частности было установлено, что признание

ИИ полноценным субъектом права на современном этапе научно-технологического развития ни в одной из рассмотренных стран АТР не представляется возможным. Данный вывод следует из того, что в рамках распределения ответственности при возникновении ДТП с участием БТС на сам автомобиль ответственность не может быть возложена ни в одном из рассмотренных в настоящей работе государств.

Тем не менее было отмечено, что на данном этапе применение БТС уже представляет собой угрозу для общественных отношений в ситуациях, когда в результате аварий, произошедших с участием БТС, причиняется вред жизни и здоровью человека. К сожалению, в подобных ситуациях немыслимо говорить исключительно о возникновении гражданско-правовой ответственности, что наталкивает на мысль о необходимости внесения изменений в уголовное и административное законодательства.

Ввиду стремительно формирующихся общественных отношений необходимо оперативное изменение правового регулирования сферы применения БТС в России. Российское законодательство должно быть адаптировано под новые реалии, что требует формирования соответствующей правовой политики, разработки особой концепции опережающего правового развития общества и правового моделирования принципиально новых отношений. Как показывает проведённый в данной работе сравнительно-правовой анализ, законодательства некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона в области применения БТС в сфере дорожного движения сегодня более развиты, чем отечественная нормативная база. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость дополнения российского законодательства соответствующими положениями, заимствованными из правовых баз рассматриваемых стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Более того, зарубежный опыт правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений может служить для России ориентиром с точки зрения тех положительных и отрицательных правовых последствий, которые могут быть вызваны у азиатских технологических лидеров в результате поэтапного внедрения в дорожное движение ВАТС различных уровней автономности и применения тех или иных норм по отношению к использованию данного вида транспорта. При этом следует отметить, что именно вопросы безопасности использования беспилотных автомобилей и «запаздывание» его законодательного регулирования могут повлиять на развитие рынка БТС в России и отсрочить внедрение данных транспортных средств в коммерческую эксплуатацию на территории нашей страны.

Список источников

1. Аналитический отчёт по итогам исследования состояния и перспектив развития рынка автономных автомобилей, платформ для электротранспорта и топливных элементов, а также оценки влияния на развитие российского и международного рынка «Автонет». М., 2019. URL: <http://www.aggf.ru/projects/Рынок%20автономных%20и%20электрических%20автомобилей.pdf>.

2. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.10.2021 г. № 2765-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/?ysclid=la6mlyarkz546580387.

3. Минтранс России разработал план поэтапного запуска к 2024 году автомобилей-беспилотников без присутствия оператора в салоне. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/9636?ysclid=la6mzalwk4930029968>.

4. «Яндекс» построил беспилотник на базе гибридной Toyota. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3312874?ysclid=la6ne1wqpi549970866>.

5. «КАМАЗ» на форуме Kazan Digital Week-2022. URL: https://kamaz.ru/press/releases/kamaz_na_forume_kazan_digital_week_2022/?sphrase_id=5772525.

6. ГАЗ представил опытные образцы беспилотных автомобилей. URL: <https://azgaz.ru/gaz-world/news/gaz-predstavil-opytnye-obraztsy-bespilotnykh-avtomobiley/?ysclid=la6ncej9wx178153814>.

7. Об инновационных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект федерального закона № 910152–7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/910152-7?ysclid=la6p92sxq772474354>.

8. KPMG International. 2019 Autonomous Vehicles Readiness Index. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2019/02/2019-autonomous-vehicles-readinessindex.pdf>.

9. О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств: Постановление Правительства Российской Федерации от 28.11.2018 г. № 1415. URL: <https://base.garant.ru/72113462/>.

10. Шадрин С. С., Иванова А. А. Аналитический обзор стандарта SAE J3016 «Классификация, термины и определения систем автоматизированного управления движением АТС» с учётом последних изменений // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2019. № 3 (21). С. 1–9.

11. Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.03.2020 г. № 724-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348679/.

12. О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект федерального закона. URL: <https://base.garant.ru/56880577/?ysclid=la6pctxsajn543440310>.

13. Правительство разрешило «Яндексу» запустить в Москве беспилотные такси. URL: <https://www.rbc.ru/business/17/03/2022/623331689a79475ba96d9404?ysclid=I9qt0kwd23645170438>.

14. Lyons K. Two people killed in fiery Tesla crash with no one driving. URL: <https://www.theverge.com/2021/4/18/22390612/two-people-killed-fiery-tesla-crash-no-driver>.

15. Ананенко А. О. Гражданско-правовые аспекты транспортного права и транспортной безопасности // Транспортное право и безопасность. 2020. № 1 (33). С. 77–87.
16. Kyodo Jiji. Cabinet paves way for self-driving vehicles on Japan's roads next year with new rules. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/09/20/national/japans-cabinet-autonomous-driving/>.
17. The Public-Private ITS Concept and Roadmap Basic concept of past Initiatives and future ITS concept. URL: https://cio.go.jp/sites/default/files/uploads/documents/its_roadmap_20210615_point.pdf.
18. Jie Ma. Japan Will Let Up to 100 Driverless Cars Roam Freely Ahead of Olympics. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-09-05/for-one-week-only-japan-will-become-a-mecca-for-autonomous-cars>.
19. 40+ Corporations Working On Autonomous Vehicles. URL: <https://www.cbinsights.com/research/autonomous-driverless-vehicles-corporations-list/>.
20. AI White Paper 2022 of Japan. URL: <https://www.kadokawa.co.jp/product/322108000572/>.
21. Японский парламент одобрил законопроект о беспилотных авто. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/e5709a97>.
22. Laws of Hong Kong. Road traffic ordinance. URL: <https://oelawhk.lib.hku.hk/items/show/3397>.
23. The Road Traffic Safety Law of the People's Republic of China. URL: http://www.gov.cn/banshi/2005-08/23/content_25575.htm.
24. The Centre of excellence for testing & research of autonomous vehicles. URL: <https://cetran.sg/>.
25. Policy on testing and deployment of autonomous vehicles. URL: <https://www.legco.gov.hk/research-publications/english/essentials-2021ise13-policy-on-testing-and-deployment-of-autonomous-vehicles.htm>.
26. How China will help fuel the revolution in autonomous vehicles / L. Pizzuto, C. Thomas, A. Wang, Ting Wu. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Industries/Automotive%20and%20Assembly/Our%20Insights/How%20China%20will%20help%20fuel%20the%20revolution%20in%20autonomous%20vehicles/How-China-will-help-fuel-the-revolution-in-autonomous-vehicles-vF.pdf>.
27. Autonomous driving & the next generation of transport in China. URL: <https://www.business-sweden.se/contentassets/dfd94f9060af4d499f98de5237bae251/autonomousdriving-industry-insight-161213.pdf>.
28. Evolution of science, technology and innovation policies for sustainable development: the experiences of China, Japan, the Republic of Korea and Singapore. United Nations. Incheon, 2018. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/publications/UN_STI_Policy_Report_2018.pdf.

29. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Альпина ППО, 2022. 288 с.
30. The Notice of public consultation on the road traffic safety law. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-04/03/content_5597682.htm.
31. NTU, LTA and JTC open Singapore's first autonomous vehicle test centre. URL: <https://www.roadtraffic-technology.com/news/ntu-lta-jtc-open-singapores-first-autonomous-vehicle-test-centre>.
32. Trueman C., Lago C. How Singapore is driving the development of autonomous vehicles. URL: <https://www.cio.com/article/222040/how-singapore-is-driving-the-development-of-autonomous-vehicles.html>.
33. Eileen Yu. Singapore releases guidelines for deployment of autonomous vehicles. URL: <https://www.zdnet.com/article/singapore-releases-guidelines-for-deployment-of-autonomous-vehicles/>.
34. Public Transport Planning and the Technological Revolution. URL: <https://www.csc.gov.sg/articles/public-transport-planning-and-the-technological-revolution>.

References

1. Analytical report on the results of a study of the state and prospects for the development of the market for autonomous vehicles, platforms for electric vehicles and fuel cells, as well as an assessment of the impact on the development of the Russian and international Autonet market. M., 2019. URL: [http://www.aggf.ru/projects/Market of%20autonomous%20and%20electric%20 cars.pdf](http://www.aggf.ru/projects/Market%20of%20autonomous%20and%20electric%20cars.pdf). (In Russ.).
2. A unified plan to achieve the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 and for the planned period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation dated 01.10.2021 No. 2765-r. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/?ysclid=la6mlyarkz546580387. (In Russ.).
3. The Ministry of Transport of Russia has developed a plan for the phased launch by 2024 of unmanned vehicles without the presence of an operator in the cabin. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/9636?ysclid=la6mzalwk4930029968>. (In Russ.).
4. "Yandex" built a drone based on a hybrid Toyota. URL: <https://www.kommer sant.ru/doc/3312874?ysclid=la6ne1wqpi549970866>. (In Russ.).
5. KAMAZ at the Kazan Digital Week-2022 forum. URL: https://kamaz.ru/press/releases/kamaz_na_forume_kazan_digital_week_2022/?sphrase_id=5772525. (In Russ.).
6. GAZ presented prototypes of unmanned vehicles. URL: <https://azgaz.ru/gaz-world/news/gaz-predstavil-opytnye-obraztsy-bespilotnykh-avtomobiley/?ysclid=la6ncej9wx178153814>. (In Russ.).
7. On innovative vehicles and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Draft federal law No. 910152-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/910152-7?ysclid=la6p92sxq772474354>. (In Russ.).

8. KPMG International. 2019 Autonomous Vehicles Readiness Index. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2019/02/2019-autonomous-vehicles-readiness-index.pdf>.
9. On conducting an experiment on trial operation of highly automated vehicles on public roads: Decree of the Government of the Russian Federation of November 28, 2018 No. 1415. URL: <https://base.garant.ru/72113462/>. (In Russ.).
10. Shadrin S. S., Ivanova A. A. Analytical review of the SAE J3016 standard "Classification, terms and definitions of automatic vehicle traffic control systems", taking into account the latest changes. *Avtomobil'. Doroga. Infrastruktura*, 2019, no. 3 (21), pp. 1–9. (In Russ.).
11. On approval of the Concept for ensuring road safety with the participation of unmanned vehicles on public roads: Decree of the Government of the Russian Federation dated March 25, 2020 No. 724-r. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348679/. (In Russ.).
12. On highly automated vehicles and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Draft federal law. URL: <https://base.garant.ru/56880577/?ysclid=la6pcxsajn543440310>. (In Russ.).
13. The government allowed Yandex to launch unmanned taxis in Moscow. URL: <https://www.rbc.ru/business/17/03/2022/623331689a79475ba96d9404?ysclid=19qt0kwd23645170438>. (In Russ.).
14. Lyons K. Two people killed in fiery Tesla crash with no one driving. URL: <https://www.theverge.com/2021/4/18/22390612/two-people-killed-fiery-tesla-crash-no-driver>.
15. Ananenko A. O. Civil law aspects of transport law and transport security. *Transportnoe pravo i bezopasnost'*, 2020, no. 1 (33), pp. 77–87. (In Russ.).
16. Kyodo Jiji. Cabinet paves way for self-driving vehicles on Japan's roads next year with new rules. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/09/20/national/japans-cabinet-autonomous-driving/>.
17. The Public-Private ITS Concept and Roadmap Basic concept of past Initiatives and future ITS concept. URL: https://cio.go.jp/sites/default/files/uploads/documents/its_roadmap_20210615_point.pdf.
18. Jie Ma. Japan Will Let Up to 100 Driverless Cars Roam Freely Ahead of Olympics. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-09-05/for-one-week-only-japan-will-become-a-mecca-for-autonomous-cars>.
19. 40+ Corporations Working On Autonomous Vehicles. URL: <https://www.cbinsights.com/research/autonomous-driverless-vehicles-corporations-list/>.
20. AI White Paper 2022 of Japan. URL: <https://www.kadokawa.co.jp/product/322108000572/>.
21. The Japanese parliament has approved a bill on unmanned vehicles. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/e5709a97>. (In Russ.).

22. Laws of Hong Kong. Road traffic ordinance. URL: <https://oelawhk.lib.hku.hk/items/show/3397>.

23. The Road Traffic Safety Law of the People's Republic of China. URL: http://www.gov.cn/banshi/2005-08/23/content_25575.htm.

24. The Centre of excellence for testing & research of autonomous vehicles. URL: <https://cetran.sg/>.

25. Policy on testing and deployment of autonomous vehicles. URL: <https://www.legco.gov.hk/research-publications/english/essentials-2021ise13-policy-on-testing-and-deployment-of-autonomous-vehicles.htm>.

26. How China will help fuel the revolution in autonomous vehicles / L. Pizzuto, C. Thomas, A. Wang, Ting Wu. URL: https://www.mckinsey.com/~/_media/McKinsey/Industries/Automotive%20and%20Assembly/Our%20Insights/How%20China%20will%20help%20fuel%20the%20revolution%20in%20autonomous%20vehicles/How-China-will-help-fuel-the-revolution-in-autonomous-vehicles-vF.pdf.

27. Autonomous driving & the next generation of transport in China. URL: <https://www.business-sweden.se/contentassets/dfd94f9060af4d499f98de5237bae251/autonomousdriving-industry-insight-161213.pdf>.

28. Evolution of science, technology and innovation policies for sustainable development: the experiences of China, Japan, the Republic of Korea and Singapore. United Nations. Incheon, 2018. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/publications/UN_STI_Policy_Report_2018.pdf.

29. Neznamov A.V. (ed.). Global Atlas of Artificial Intelligence Regulation. Moscow: Alpina PRO Press, 2022. 288 p. (In Russ.).

30. The Notice of public consultation on the road traffic safety law. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-04/03/content_5597682.htm.

31. NTU, LTA and JTC open Singapore's first autonomous vehicle test centre. URL: <https://www.roadtraffic-technology.com/news/ntu-lta-jtc-open-singapores-first-autonomous-vehicle-test-centre>.

32. Trueman C., Lago C. How Singapore is driving the development of autonomous vehicles. URL: <https://www.cio.com/article/222040/how-singapore-is-driving-the-development-of-autonomous-vehicles.html>.

33. Eileen Yu. Singapore releases guidelines for deployment of autonomous vehicles. URL: <https://www.zdnet.com/article/singapore-releases-guidelines-for-deployment-of-autonomous-vehicles/>.

34. Public Transport Planning and the Technological Revolution. URL: <https://www.csc.gov.sg/articles/public-transport-planning-and-the-technological-revolution>.

Информация об авторах

А. А. Абоян – студент 1 курса магистратуры Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Р. И. Дремлюга – кандидат юридических наук, профессор Института математики и компьютерных технологий, директор Дальневосточного центра изучения правовых и этических аспектов искусственного интеллекта и цифровых технологий, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Information about authors

A. A. Aboyan – 1st year Master's student of the School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

R. I. Dremluga – Candidate of Law, Professor of the Institute of Mathematics and Computer Technologies, Director of Far Eastern Center for the Study of Legal and Ethical Aspects Artificial Intelligence and Digital Technologies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 12.02.2023.

The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 12.02.2023; accepted for publication 12.02.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 141–151.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 141–151.

Научная статья

УДК 347.265.028((470+571)+597)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/141-151>

ДОГОВОР ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СЕРВИТУТА ПО ПРАВУ РОССИИ И ВЬЕТНАМА

Нгуен Тхи Хоан

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия, nguyenthihoan15121995@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2839-0173>

Аннотация. В статье исследуется правовая природа договора об установлении сервитута в рамках основных положений действующего законодательства России и Вьетнама, а также предложенных поправок в законопроект № 47538-6 о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – Законопроект). В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что договор об установлении сервитута представляет собой самостоятельный гражданско-правовой нормативный акт, приводящий к возникновению не только вещных, но и обязательственных прав. На основе доказанной правовой природы данного договора дается краткий анализ его конститутивных признаков, существенных условий, а также прав и обязанностей сторон. Разработаны конкретные предложения по совершенствованию основных положений, касающихся рассматриваемого договора в законодательстве России и Вьетнама.

Ключевые слова: сервитут, договор об установлении сервитута, обязательственные правоотношения, ограниченное вещное право, соглашение, вещный договор.

Для цитирования: Нгуен Тхи Хоан. Договор об установлении сервитута по праву России и Вьетнама // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 141–151. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/141-151>

Original article

AGREEMENT ON THE ESTABLISHMENT OF AN EASEMENT UNDER THE LAW OF RUSSIA AND VIETNAM

Nguyen Thi Hoan

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation,
nguyenthihoan15121995@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2839-0173>

Annotation. The article examines the legal nature of the agreement on the establishment of an easement within the main provisions of the current legislation of Russia and Vietnam, as well as the proposed amendments to Bill № 47538-6 on amendments to the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the draft bill). As a result of the analysis, it was concluded that the agreement on the establishment of an easement is an independent civil law contract, leading to the emergence of not only real, but also binding rights. Based on the proven legal nature of this agreement, a brief analysis of its legal qualification, the rights and obligations of the parties, as well as the conditions for its termination are defined. Specific proposals have been developed to improve the main provisions concerning the treaty in question in the legislation of Russia and Vietnam.

Keywords: easement, agreement on the establishment of an easement, binding legal relations, restriction of property rights, agreement, real contract.

For citation: Nguyen Thi Hoan. Agreement on the establishment of an easement under the law of Russia and Vietnam // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 141–151. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/141-151>

Введение

Исходя из п. 3 ст. 274 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), ст. 39.23 Земельного Кодекса РФ (далее – ЗК РФ), а также ст. 246 Гражданского кодекса Вьетнама (далее – ГК СРВ), следует отметить, что в законодательстве обоих государств договор является одним из оснований возникновения сервитута. Однако в перечисленных законодательствах правовая природа и детальная регламентация договора об установлении сервитута определены не четко, поэтому стороны (сервитутодатель и сервитуарий) часто не могут договориться о его условиях, в результате чего существует значительная судебная практика по судебному установлению сервитутов. По данным веб-сайта Верховного народного суда Вьетнама, публикующего судебные решения, за период с 2017 по 2022 гг. во Вьетнаме имеется 152 судебных актов в отношении сервитута. Данный феномен ложится бременем на систему правосудия, отнимает время и накладывает судебные издержки на стороны. Поэ-

тому одной из актуальных на сегодняшний день проблем цивилистической науки является выяснение правовой природы рассматриваемого договора, на основе которой раскрывается его содержание.

Таким образом, цель настоящей статьи заключается в обосновании сущности договора, устанавливающего сервитут на основе применяемых методов юридической науки, таких как логический, формально-юридический и метод сравнительного анализа правовых положений в действующем законодательстве России и Вьетнама, а также предложенных поправок к Законопроекту (ст. 224.1; п. 4 ст. 301; п. 5, 6 ст. 301.1 и ст. 301.2).

В рамках затронутой нами проблематики вопросы, связанные с изучением договора об установлении сервитута, были исследованы такими российскими учёными, как А. Г. Остапенко, В. В. Витрянский, М. Н. Малейна, Т. В. Дерюгина, Я. С. Солодова и др. В юридической науке Вьетнама на данный момент нет ни одного исследования, непосредственно связанного с указанным вопросом.

Основная часть исследования

В действующем законодательстве двух государств не закреплено определение договора об установлении сервитута. Однако на основе нормативных предписаний ст. 420, ст. 274 ГК РФ и ст. 245 ГК СРВ можно сделать вывод, что договор об установлении земельного сервитута – это соглашение, по которому одна сторона (сервитутодатель) обязуется предоставить недвижимое имущество в пользование другой стороне за плату или безвозмездно, а другая сторона (сервитуарий) обязуется в соответствии с условиями договора пользоваться таким недвижимым имуществом и прекратить его пользование при расторжении договора.

По мнению А. Г. Остапенко [1, с. 9], соглашением об установлении сервитута является вещный договор, который не порождает обязательственного правоотношения, а лишь является основанием возникновения ограниченного вещного права. Вместе с тем В. В. Витрянский [2, с. 332; 3] отмечал, что договор об установлении сервитута отнесен к числу вещных, но только в случае, когда данный договор заключается в устной форме на безвозмездной основе. На наш взгляд, форма договора и безвозмездный характер не определяют его правовую природу. Чтобы ответить на вопрос, какова правовая природа указанного договора, необходимо выделить, какие субъективные гражданские права (вещные или обязательственные) возникают в силу подобного договора.

Во-первых, в соответствии с п. 3 ст. 274 ГК РФ, ст. 246 ГК СРВ данный договор является основанием установления сервитута – ограниченного вещного права.

Во-вторых, согласно п. 2 ст. 421 ГК РФ, к такому договору применяются общие положения о договорах. В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ существенными условиями являются предмет любого договора и все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Итак, согласно

п. 5 ст. 274 ГК РФ стороны ещё могут договориться об условиях о плате за сервитут. Статья 398 ГК СРВ не предусматривает, что предметом является существенное условие любого договора, а лишь говорит об условиях, о которых стороны могут договориться при заключении соответствующего договора, в том числе об условиях о его предмете, цене и способах оплаты, сроке, правах и обязанностях сторон, об ответственности за нарушение договора и способах разрешения споров. Именно из некоторых названных условий (например, условий о правах и обязанностях сторон; условий о плате за сервитут) порождается обязательственное правоотношение, так как именно оно определяет взаимные права и обязанности сторон договора.

Следовательно, в действующем законодательстве двух государств данный договор нельзя относить к числу вещных договоров, поскольку в результате его заключения возникают не только вещные, но и обязательственные правоотношения. Более того, конструкция вещного договора законодательству России и Вьетнама неизвестна, она предусматривается лишь в германском законодательстве. Теория вещного договора основывается на принципе абстрактности, в соответствии с которым существование вещного права не зависит от юридического факта, его породившего [4, с. 45]. Тем не менее в законодательстве России и Вьетнама такой принцип отсутствует, действительность договора об установлении сервитута влечет восстановление возникшего сервитутного права в первоначальное положение, т. е. исключение из реестра записи о праве, вследствие чего нельзя принять определение рассматриваемого договора в качестве вещного. Возможность введения аналогичного принципа в российское законодательство отвергается доктриной: такого подхода придерживаются Е. А. Суханов [5; 6, с. 87], С. А. Сеницын [7, с. 9], И. А. Емелькина [4, с. 53].

Законопроект не предусматривает конструкцию вещного договора. Разработчики Законопроекта предлагали внести в ГК РФ договор об установлении ограниченного вещного права (ст. 224.1), но такая конструкция «принципиально также не отличается от обязательственного договора», как отмечает Л. Ю. Василевская [8, с. 86; 9].

Конструкция договора об установлении сервитута. По смыслу действующего законодательства России и Вьетнама, а также с учетом содержания Законопроекта несложно заметить, что в системе гражданско-правовых договоров на основании классификации по предмету указанный договор относится к группе договоров по передаче (предоставлению) имущества [10], так как направлен на передачу (предоставление) недвижимого имущества в пользование (ст. 274 ГК РФ, ст. 245 ГК СРВ).

Общая характеристика договора об установлении сервитута. Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ, п. 2 ст. 224.1 Законопроекта, а также п. 4 ст. 44 ГК СРВ, для вступления данного договора в силу достаточно достижения между сторонами согласия по всем его существенным условиям, что свидетельствует о его консенсуальном характере. Договор об установлении сервитута является возмездным, если в договоре предусматривается размер платы за пользование земельным участком, либо безвоз-

мездным, если в нем содержится указание на его безвозмездный характер (п. 2 ст. 301.2 Законопроекта). Указанный договор считается двусторонне обязывающим, взаимным, так как при его заключении каждая из сторон договора наделяется взаимными обязанностями. При этом его стороны в отношениях по установлению и содержанию сервитутного права выступают одновременно и в качестве управомоченного лица (кредитора), и в качестве обязанного лица (должника).

Стороны договора об установлении сервитута. В цивилистической доктрине выделяется две стороны – сервитутодатель (обязанное лицо) и сервитуарий (управомоченное лицо). Бесспорно, что граждане в качестве таковых могут заключать указанный договор, учитывая общие требования, предъявляемые к их правоспособности и дееспособности. Сервитутодатель – собственник, недвижимое имущество которого обременено сервитутом, а сервитуарий – лицо, в пользу которого установлен сервитут. Согласно п. 1, п.3, п. 4 ст. 274 ГК РФ, п.6 ст. 301 Законопроекта, сервитуарий может быть собственником или лицом, имеющим ограниченное вещное право. Данное положение отличается от законодательства России тем, что в ст. 53 Конституции СРВ право частной собственности на землю не признается [11, с. 43], поэтому в качестве стороны данного договора должны выступать землепользователь, собственник здания (в случае с сервитутом обременены здания, сооружения).

Формы договора об установлении сервитута. Согласно п. 6 ст. 301.1 Законопроекта, данный договор подлежит заключению в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами. Несоблюдение простой письменной формы указанного договора является основанием для признания его недействительным (п. 6 ст. 301.1 Законопроекта). Договор об установлении сервитута может быть нотариально удостоверен по соглашению сторон. На данный момент в ГК СРВ не закреплены положения, касающиеся формы рассматриваемого договора. Представляется, что вьетнамскому законодателю необходимо принимать во внимание упомянутые поправки, предложенные в Законопроекте России. **Суть этих требований к форме указанного договора заключается в том, что сервитут своим объектом имеет недвижимые вещи, главным образом земельные участки.**

Государственная регистрация сервитута. По мнению А. В. Копылова [12, с. 67], сам договор об установлении сервитута подлежит государственной регистрации. Названная позиция в настоящее время не обоснована, поскольку согласно п. 1 ст. 8.1, п. 1 ст. 131 ГК РФ, п. 9 ст. 23 ЗК РФ и п. 6 ст. 1, ст. 52 ФЗ № 218 «О государственной регистрации недвижимости» подлежит государственной регистрации лишь сервитут как обременение на недвижимость, а не сам договор. Данные положения также предлагаются авторами Законопроекта (абз. 2 п. 1 ст. 224.1). Государственная регистрация представляет собой внешнее оформление сервитута для третьих лиц и характеризует один из основополагающих принципов вещного права – *публичность*, что позволяет сервитутному праву действовать против третьих

лиц и обеспечивать его абсолютный характер. В соответствии со ст. 12 ФЗ № 218 и абз. 2 п. 1 ст. 224.1 Законопроекта с момента такой регистрации сервитут считается возникшим. Итак, существует разрыв во времени между заключением рассматриваемого договора и возникновением порожденного им ограниченного вещного права – сервитута. Отсутствие такой регистрации, на наш взгляд, само по себе не является препятствием возникновения обязательственных правоотношений между сторонами рассматриваемого договора, а скорее лишением какого-либо значения для третьих сторон, т. е. сервитутное право не будет известно третьим лицам и, соответственно, его абсолютный характер не будет обеспечиваться.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что сервитут приобретается сервитуарием на основании *необходимого фактического состава, состоящего из 2 элементов*: 1) договора об установлении сервитута, определяющего момент возникновения обязательственных правоотношений сторон; 2) государственной регистрации соответствующего ограниченного вещного права, определяющей момент его возникновения.

В отношении государственной регистрации сервитута в законодательстве Вьетнаме следует отметить, что, в отличие от России, на данный момент во Вьетнаме не существует отдельного закона о государственной регистрации недвижимости, как это имеет место в РФ [13; 14]. Положения, касающиеся такой регистрации, закреплены в некоторых нормативных актах, таких как ГК СРВ, ЗК СРВ и Постановления Правительства № 43/2014/НД-СР. Согласно п.1 ст. 106 ГК СРВ, право собственности и иные права на недвижимое имущество регистрируются в соответствии с настоящим Кодексом и законом о регистрации имущества и такая регистрация должна быть публичной [15, с. 96; 16]. В п. 2 ст. 171 ЗК СРВ указано, что сервитут устанавливается в соответствии с гражданским законодательством и подлежит государственной регистрации в соответствии с подп. «л» п. 4 ст. 95 ЗК СРВ и ст. 73 Постановления Правительства № 43/2014/НД-СР от 15 мая 2014 г., где детализируется применение ряда статей ЗК¹. Тем не менее в указанном нормативном правовом акте лишь декларируется необходимая для регистрации сервитута документация. Вместе с тем ст. 106 ГК СРВ названа «Регистрация имущества», однако, по сути, лишь декларирует необходимость регистрации недвижимости. Более того, в п. 3 ст. 106 ГК СРВ предусматривается, что информация о такой регистрации должна быть общедоступной, но не устанавливается порядок внедрения механизма публичной информации. Ясно, что данный пробел является следствием слабости правовой системы по данному вопросу и отсутствием отдельного закона о государственной регистрации недвижимости. По нашему мнению, для устранения указанных пробелов необходимо:

¹ URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bat-dong-san/Nghi-dinh-43-2014-ND-CP-huong-dan-thi-hanh-Luat-Dat-dai-230680.aspx> (дата обращения: 10.04.2022 г.).

во-первых, разработать отдельный закон о государственной регистрации недвижимости;

во-вторых, осуществлять государственную регистрацию сервитута в качестве вещного права на недвижимость. Для этого полагаем необходимым изменить название ст. 106 ГК РФ с «Регистрация имущества» на «Регистрация права собственности и иных прав на недвижимость»;

в-третьих, создать базу данных о земельных участках аналогично ЕГРН в России (на данный момент во Вьетнаме национальная база данных по земле представляет собой одну из баз данных, приоритетных для создания в соответствии с Постановлением № 714/QĐ-ТТг от 22 мая 2015 г.¹).

К существенным условиям рассматриваемого договора должны быть отнесены: условие об объекте (предмете) сервитута (п. 1 ст. 301 Законопроекта); условие о виде сервитута; условие осуществления сервитута (п. 5 ст. 301.1 Законопроекта); условие о плате за сервитут (ст. 301.2 Законопроекта). Указанные условия непосредственно связаны с сущностью договора об установлении сервитута, без которых он не может существовать, поэтому при их отсутствии данный договор считается не заключенным.

Условия о цели сервитута и сроке его действия не являются существенными для данного договора. Определение цели установления сервитута в договоре – лишнее, так как в ст. 301.6–301.10 Законопроекта и в ст. 252–255 ГК СРВ предусмотрен закрытый перечень сервитутов, включая в себя целевую направленность, например сервитут перемещения – для прохода или проезда. Что касается срока действия сервитута, то в соответствии с п. 3 ст. 301.3 Законопроекта (за исключением сервитута стройки) сервитуты должны быть бессрочными.

Права и обязанности сторон договора об установлении сервитута. При заключении данного договора у сторон возникают взаимные друг к другу права и обязанности. Сервитутодатель в качестве обязанного лица должен предоставлять принадлежащее ему недвижимое имущество в пользование сервитуария, а также обязан воздерживаться от действий, препятствующих сервитуарию осуществлять свое право. В качестве управомоченной стороны сервитутодатель вправе получить плату за сервитут в случае, если договор об установлении сервитута является возмездным.

Сервитуарий как управомоченная сторона вправе самостоятельно осуществлять фактическое господство над вещью в соответствии с видом устанавливаемого сервитута или запрещать собственнику пользоваться такой вещью определенным образом. Однако, как обязанная сторона, сервитуарий обязан своевременно внести плату за сервитут, если договор об установлении сервитута является возмездным, а также соблюдать все условия договора. Согласно п. 4 ст. 301.1 Законопроекта, сервитуарий вправе производить изменения (постройки, сооружения) на участке лишь

¹ URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Cong-nghe-thong-tin/Quyet-dinh-714-QD-TTg-2015-Danh-muc-co-so-du-lieu-quoc-gia-trien-khai-phat-trien-chinh-phu-dien-tu-275429.aspx> (дата обращения: 30.09.2022 г.)

в пределах, необходимых для осуществления сервитута, при этом любые такие изменения производятся за счет сервитуария. Возникает вопрос: вправе ли сервитуарий при прекращении сервитута оставить за собой произведенные им сооружения и иные изменения, если таковые могут быть отделены без повреждения участка? Вопрос остается открытым, по крайней мере Законопроект обходит его стороной.

Следует отметить, что Законопроектом не предусматриваются положения, касающиеся ответственности сторон за нарушение договора об установлении сервитута. На наш взгляд, в указанном договоре целесообразно зафиксировать определенные гражданско-правовые меры ответственности. В связи с его неисполнением либо ненадлежащим исполнением общие положения ГК (гл. 25 ГК РФ, гл. XV ГК СРВ) об ответственности за нарушение обязательств будут применяться, поскольку, как отмечалось выше, после заключения данного договора возникает сервитутное обязательство [17, с. 7; 18; 19, с. 67].

Прекращение договора об установлении сервитута. Согласно п. 1 ст. 301.5 Законопроекта, договор об установлении сервитута может быть прекращен на основании соглашения между сторонами (сервитуарием и сервитуодателем). В силу п. 8 ст. 301.5 Законопроекта любая из сторон вправе требовать расторжения договора об установлении сервитута в судебном порядке в случае существенного изменения обстоятельств.

Тем не менее вопрос, связанный с расторжением договора об установлении сервитута в одностороннем порядке или его досрочном расторжении, в Законопроекте не упоминается. В действующем законодательстве России (п. 1 ст. 235 и ч. 1 ст. 236 ГК РФ) и Вьетнама (п.2 ст. 237 ГК СРВ¹) допускается прекращение права собственности в одностороннем порядке. Возможно ли здесь расширительное толкование данной нормы Кодекса применительно к сервитутам? По мнению некоторых авторов [20, с.12; 4, с. 163], указанный договор может быть прекращен в одностороннем порядке, если сервитуарий не вносит обусловленную соглашением плату за сервитут, т. е. расторжение договора об установлении в одностороннем порядке возможно лишь в случаях, когда он имеет безвозмездный характер. На наш взгляд, в основном следует согласиться с этим мнением. Добавим лишь, что в договоре должен быть оговорен срок, за который стороны обязаны предупредить другую сторону об отказе от договора.

Заключение

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что договор об установлении сервитута по законодательству России и Вьетнама – это самостоятельный гражданско-правовой договор, не только приводящий к возникновению у

¹ Article 237. Bases for terminating ownership rights. Ownership rights terminate in any of the following cases: 1. The owners transfers his or her ownership rights to another person; 2. The owner renounces his or her ownership rights.

сервитуария субъективного ограниченного вещного права, но и порождающий обязательство между сторонами. Следует дифференцировать право сервитуария на вещь (ограниченное вещное право) и субъективное право требования сервитуария к сервитуодателю (обязательственное право). В случае нарушения таких прав должны применяться различные способы правовой защиты.

Список источников

1. Остапенко А. Г. Правовое регулирование отношений между соседями, имеющими общие границы, посредством сервитутов: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 202 с.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2011. 780 с.
3. Витрянский В. В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 26–59.
4. Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 416 с.
5. Суханов Е. А. О видах сделок в германском и российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. Т. 2, № 6. С. 5–26.
6. Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М., 2008. 336 с.
7. Сеницын С. А. Концепция вещного договора // Законодательство. 2004. № 7. С. 5–13.
8. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития: монография / под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М., 2016. 192 с.
9. Василевская Л. Ю. Реформирование законодательства о вещных правах и об их защите: противоречия, проблемы и тенденции развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 110–117.
10. Малеина М. Н. Договор о частном сервитуте // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 80–95.
11. Нгуен Т. Х. Становление и развитие института сервитутов в России и Вьетнаме: проблемы рецепции и толкования // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 3, № 2. С. 36–50.
12. Копылов А. В. Вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном российском гражданском праве. М.: Статут, 2000. 255 с.
13. Ле Хуен Чанг. Право на прилегающее недвижимое имущество по законодательству Вьетнама: дис. ... магистра по праву / Ханойский юридический университет. Ханой, 2017. 80 с. На вьет. яз.

14. Чан Тхи Минь Там. Институт сервитута по праву Вьетнама: дис. ... магистра по праву / Ханойский национальный университет. Ханой, 2018. 78 с. На вьет. яз.
15. Нгуен Минь Оань. Вещные права по современному вьетнамскому гражданскому праву: монография. Ханой: Народная общественная безопасность, 2018. 382 с. На вьет. яз.
16. Учебник вьетнамского гражданского права. Т. 2 / под общ. ред. Динь Ван Тхань, Нгуен Минь Туан, Фам Конг Лак. Ханой: Народная общественная безопасность, 2017. 367 с. На вьет. яз.
17. Солодова Я. С. Обязательства из договора об установлении сервитута: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 188 с.
18. Ананьев А. Г. Сервитутное право и правоотношение: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 180 с.
19. Нгуен Тхию Зюонг. Права на прилегающее недвижимое имущество в ГК 2015: дис. ... магистра по праву / Ханойский юридический университет. Ханой, 2021. На вьет. яз.
20. Калиничев А. В. Земельный сервитут в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.

References

1. Ostapenko A. G. Legal regulation of relations between neighbors with common borders through easements. Cand. Dis. (Legal Sci.). Krasnodar, 2012. 202 p. (In Russ.).
2. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract law. Book two: Treaties on the transfer of property. Moscow: Statut Publ, 2011. 780 p. (In Russ.).
3. Vitryansky V. V. The system of civil law contracts in the context of reforming civil legislation. *Vestnik VAS RF*, 2012, no. 1, pp. 26–59. (In Russ.).
4. Emelkina I. A. The system of limited real rights to a land plot. Moscow: Infotropic Media Publ., 2013. 416 p. (In Russ.).
5. Sukhanov E. A. On the types of transactions in German and Russian civil law. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2006, vol. 2, no. 6, pp. 5–26. (In Russ.).
6. Medvedev D. A. (ed.). Codification of Russian private law. Moscow, 2008. 336 p. (In Russ.).
7. Sinitsyn S. A. The concept of a real contract. *Zakonodatel'stvo*, 2004, no. 7, pp. 5–13. (In Russ.).
8. Vasilevskaya L. Yu (ed.). Contract law in Russia: reforming, problems and development trends: monograph. Moscow, 2016. 192 p. (In Russ.).
9. Vasilevskaya L. Yu. Reforming the legislation on property rights and their protection: contradictions, problems and development trends. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2018, no. 9, pp. 110–117. (In Russ.).

10. Maleina M. N. Agreement on private easement. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2008, no. 4, pp. 80–95. (In Russ.).
11. Nguyen T. H. Formation and development of the institute of servitudes in Russia and Vietnam: problems of reception and interpretation. *Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, vol. 3, no. 2, pp. 36–50. (In Russ.).
12. Kopylov A. V. Real rights to land in Roman, Russian pre-revolutionary and modern Russian civil law. Moscow: Statut Publ., 2000. 255 p. (In Russ.).
13. Le Huen Chang. The right to adjacent real estate under the laws of Vietnam: master's thesis in Law. Hanoi: Hanoi Law University Publ., 2017. 80 p. (In Viet.).
14. Tran Thi Min Tam. Easement Institute for Vietnamese Law: master's thesis in law. Hanoi: Hanoi National University Publ., 2018. 78 p. (In Viet.).
15. Nguyen Minh Oan. Real rights in modern Vietnamese civil law: monograph. Hanoi: People's Public Security Publ., 2018. 382 p. (In Viet.).
16. Dinh Van Thanh, Nguyen Minh Thuan, Pham Kong Lak (eds.). Textbook of Vietnamese civil law. Vol. 2. Hanoi: People's Public Security Publ., 2017. 367 p. (In Viet.).
17. Solodova Ya. S. Obligations from an easement agreement. Cand. Dis. (Legal Sci.). Tomsk, 2010. 188 p. (In Russ.).
18. Ananiev A. G. Servitude law and legal relationship. Cand. Dis. (Legal Sci.). Ryazan, 2006. 180 p. (In Russ.).
19. Nguyen Thuy Duong. Rights to adjacent real estate in the Civil Code 2015: master's thesis in Law. Hanoi: Hanoi Law University Publ., 2021. (In Viet.).
20. Kalinichev A. V. Land servitude in Russian legislation. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2007. 25 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Нгуен Тхи Хоан – аспирантка кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Куцафина (МГЮА), г. Москва, Россия.

Information about the author

Nguyen Thi Hoan – Postgraduate student of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 152–164.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 152–164.

Научная статья

УДК 343.212

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/152-164>

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СУБИНСТИТУТА В КОНТЕКСТЕ ЛОГИЧЕСКОГО СООТНОШЕНИЯ ИНСТИТУТА И СУБИНСТИТУТА ПРАВА

Сергей Павлович Усенко

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина,
г. Краснодар, Россия, 2682135@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1961-8583>

Аннотация. Устоявшееся понимание субинститута уголовного права как элемента структуры уголовно-правового института требует дополнительной проверки с точки зрения анализа логического соотношения этих понятий. Именно оно позволяет уточнить признаки субинститута права и на их основе сформулировать операциональное определение искомого явления. В работе на основе анализа соотношения субинститута и института с позиций логических категорий вид и род, часть и целое, особенное и общее выявлены признаки субинститута уголовного права и предложена его дефиниция в качестве элемента структуры института уголовного права, который образован одним или несколькими однопорядковыми нормативными предписаниями, предлагающими, в зависимости от видовой специфики юридического факта, породившего уголовно-правовые отношения, интегрирующий или дифференцирующий режим правового регулирования этих отношений в пределах задач и принципов, заданных институтом уголовного права, в целях обеспечения стабилизирующей и адаптивной функций уголовного права.

Ключевые слова: субинститут уголовного права, институт уголовного права, предмет и метод уголовно-правового регулирования, система уголовного права, нормативное предписание уголовного права, законы логики в праве.

Для цитирования: Усенко С. П. Понятие и признаки уголовно-правового субинститута в контексте логического соотношения института и субинститута права // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 152–164. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/152-164>

Original article

THE CONCEPT AND FEATURES OF THE CRIMINAL LAW SUBINSTITUTE IN THE CONTEXT OF THE LOGICAL RELATIONSHIP OF THE INSTITUTE AND THE SUBINSTITUTE OF LAW

Sergey Pavlovich Usenko

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia,
2682135@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1961-8583>

Abstract. The well-established understanding of the criminal law substitute as an element of the structure of a criminal law institution requires additional verification from the point of view of analyzing the logical correlation of these concepts. It is it that makes it possible to clarify the signs of the substitute of law and, on their basis, formulate an operational definition of the desired phenomenon. Based on the analysis of the ratio of the substitute and the institute from the standpoint of the logical categories species and genus, part and whole, special and general, the signs of the substitute of criminal law are identified, and its definition is proposed as an element of the structure of the institute of criminal law, which is formed by one or more single-order normative prescriptions, offering, depending on the specific nature of the legal fact, which gave rise to criminal law relations, integrating or differentiating the regime of legal regulation of these relations within the objectives and principles, set by the Institute of Criminal Law, in order to ensure the stabilizing and adaptive functions of criminal law.

Keywords: substitute of criminal law, institute of criminal law, subject and method of criminal law regulation, system of criminal law, normative prescription of criminal law, laws of logic in law.

For citation: Usenko S. P. The concept and features of the criminal law substitute in the context of the logical relationship of the institute and the substitute of law // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 152–164. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/152-164>

Субинститут уголовного права в самом общем виде представляет собой возможный элемент структуры уголовно-правового института, который возникает и развивается внутри него как некая специфическая ассоциация правовых предписаний. Такое устойчиво сложившееся понимание требует уточнения признаков и понятия субинститута в контексте его формально-логических отношений с базовой конструкцией правового института: является ли соотношение субинститута и института отражением целого и части, вида и рода, общего и особенного. Линейно и однозначно ответить на этот вопрос затруднительно.

Дело в том, что если рассматривать соотношение анализируемых феноменов с точки зрения структуры реального правового института, то субинститут есть всего лишь часть института как целого. При этом целое (институт), как известно, может существовать без какой-либо части (субинститута) или может быть дополнено новой частью, приобретающей характеристики целого, но часть без целого или не существует вовсе, или не сохраняет свои функциональные характеристики. Перечисление и описание нескольких или всех частей целого (субинститутов) позволяет сформировать вполне достаточное, но не полное представление о целом (институте), поскольку целое обладает некоторыми эмерджентными свойствами, которых нет у частей целого.

Если смотреть на институт и субинститут с логической точки зрения и соотношения их не как явлений, а как понятий, то, следуя логике отраслевого строения права и наличия корреляции между элементами структуры отрасли и предметом правового регулирования, соотношение между искомыми понятиями укладывается в тип родо-видовых отношений, при котором видовые отношения, регулируемые субинститутом, выступают вариацией родовых отношений, упорядоченных институтом права. В таком случае субинститут есть подчиненное понятие по отношению к понятию института. Объем понятий совпадает частично таким образом, что имеются элементы, входящие в объем только подчиняющего понятия (предписания, образующие институт), а также элементы, входящие в объем первого и второго понятия (предписания, образующие субинститут, например, принципы или общие положения института), но нет таких элементов, которые входили бы только в объем второго понятия, не образуя при этом объема первого понятия (предписания, образующие субинститут и не принадлежащие институту).

Наконец, с позиций функциональной характеристики субинститут и институт укладываются в логику соотношения особенного и общего. В диалектическом восприятии ни общее (институт), ни особенное (субинститут) не обладают самостоятельным существованием, не существуют «как таковые», они существуют лишь в отдельном (конкретном регулировании конкретного правоотношения), в виде сторон, моментов этого отдельного. Всякое отдельное (конкретное урегулированное отношение) представляет собой единство противоположностей, оно в одно и то же время и единичное, и общее. Через свои неповторимые черты, свойства оно выступает как единичное, но через стороны, повторяющиеся в других материальных образованиях, оно выступает как общее.

Это реальное многообразие отношений между субинститутом и институтом права необходимо в обязательном порядке учитывать при формировании понятия субинститута и определении его признаков. Игнорирование того или иного аспекта их соотношения может привести к неверным логическим умозаключениям.

Родо-видовое отношение института и субинститута уголовного права предполагает, что природа явлений, которые их составляют, должна быть идентичной.

В нашем случае – правовая или нормативная. Это положение является не просто теоретической идеей, но и имеет официальное признание в виде мнения Конституционного Суда РФ, высказанного, в частности, в отношении института амнистии, который должен иметь «единую нормативно-правовую основу» [1].

В связи с этим следует обратить внимание на несколько важных моментов.

Прежде всего, стоит согласиться с И. В. Ореховым, что в субинститут права не могут входить моральные или иные социальные, но не правовые, регуляторы [2, с. 52–53]. Это положение отражает общий взгляд на понятие права, соотношение в нем властных предписаний и моральных установлений, дискуссия по поводу которого не прекращается. Не имея цели и возможности включиться в эту дискуссию и полагая вслед за В. Д. Зорькиным, что между правом и моралью не должно быть пропасти, что «нельзя, игнорируя ценностные и морально-этические установки подавляющего социального большинства, навязывать законодательную нормативность, отрицающую или ставящую под сомнение базовые ценности общего блага, важнейшей из которых является само право» [3, с. 27], отметим все же, что моральное обоснование уголовно-правовых норм и правовой характер содержания институтов и субинститутов уголовного права – различные аспекты теории права. Право не должно противоречить морали, но нормы морали сами по себе не являются частью права; если же то или иное моральное установление закрепляется в законе, оно утрачивает свою природную связь со сферой морали и становится частью именно системы права.

Эти рассуждения особенно важны в связи с неочевидной природой принципов уголовного права, многие из которых (гуманизм, справедливость, равенство) имеют генетические связи с моралью общества. Однако стоит помнить, что каким бы ни было происхождение этих принципов, сегодня они получили статус законодательных положений. В этом отношении они вполне могут рассматриваться как форма права или правовой регулятор, а само право (в том числе и уголовное) восприниматься как единство норм и принципов [4].

В специальной литературе этот аспект проблемы не обойден вниманием. В частности, М. С. Жук пишет, что уголовно-правовой институт являет собой единство правовых предписаний и правовых принципов [5, с. 13]. Соглашаясь с такой трактовкой, важно подчеркнуть, что принципы уголовно-правовых институтов чаще всего (практически всегда) не имеют нормативной формы выражения и являются результатом либо доктринального, либо официального (чаще – судебно-конституционного) толкования самого уголовно-правового института или результатом конкретизации более общих, уголовно-правовых или конституционных принципов регулирования взаимоотношений между государством и личностью в сфере уголовно-правовых отношений. В связи с этим подход к включению принципов в структуру уголовно-правового института должен быть, как минимум, осторожным. В любом случае частью уголовно-правового института как элемента си-

стемы права не могут быть доктринальные идеи, сколь бы правильными или важными они ни были.

И еще. Принципы – всегда есть положения обобщенного, более или менее абстрактного характера. Их содержательное уточнение должно иметь и имеет пределы, за которыми принципы становятся «простыми» правовыми предписаниями. По этой причине, не возражая против обоснованной в науке идеи наличия принципов правовых, в том числе уголовно-правовых, институтов, полагаем возможным решительно не согласиться с идеей существования принципов субинститутов права [6, с. 55–57]. Обособление таковых неоправданно занижает статус принципов, ограничивая сферу их приложения. Субинституты уголовного права не имеют собственных принципов, но всецело подчинены принципам соответствующего уголовно-правового института и уголовно-правовым принципам; направлены на адекватное, наилучшее воплощение их требований. Именно единство принципов всех образующих уголовно-правовой институт предписаний обеспечивает цельность и неделимость правового института. Детализация принципов уголовно-правового института и формулировка на этой основе принципов уголовно-правового субинститута фактически будет означать либо попытку повысить статус субинститута до уровня полноценного уголовно-правового института, либо приведет к конструированию некоторых положений, не отличимых по своему содержанию от обычной правовой нормы.

Таким образом, единство природы субинститута и института уголовного права необходимо понимать таким образом, что оба они являются нормативными образованиями с той принципиальной оговоркой, что институт (как родовое понятие) включает в свое содержание нормативные предписания и принципы, а субинститут – только нормативные предписания, подчиненные принципам уголовно-правового института.

Нормативный характер субинститута заставляет упомянуть еще один аспект проблемы. Он достаточно известный и являет образец «старой» дискуссии относительно элементного состава отрасли уголовного права, в которой часть специалистов видит начальным элементом правовые нормы, а другая – нормативные предписания. Общая теория права предлагает разнообразные по количеству и набору элементов концепции структуры права. Классической считается модель основателя отечественной правовой структурологии С. С. Алексеева, предлагающая двухслойную дифференциацию, где первый слой – главный – базируется на структуре закона и включает нормативные предписания и институты, которые могут дополняться субинститутами, подотраслями, ассоциациями норм и объединениями институтов; а второй – идеальный – основывается на логических нормах и правовых конструкциях [7, с. 23–24]. Этот дуализм структуры права специфическим образом понимается в отраслевых уголовно-правовых исследованиях.

Применительно к проблематике институтов уголовного права отдельные авторы полагают, что он складывается из уголовно-правовых норм [8, с. 61], другие настаивают, что из уголовно-правовых предписаний [9, с. 164]. Третьи отмечают, что не только цельные (полные) уголовно-правовые нормы образуют правовой институт, но и повторяемые в них правовые предписания [10, с. 185–187]. Эти позиции в полной мере могут быть экстраполированы и на понимание нормативного содержания субинститута уголовного права.

Представляется, что приведенная дискуссия не имеет сколько-нибудь серьезного содержательного значения для раскрытия нашей темы, а позиции диспутантов различаются методологическим подходом к пониманию самой уголовно-правовой нормы и к вопросу о соотношении права и закона. В связи с этим без дополнительных комментариев и пояснений позволим себе согласиться с концепцией, в рамках которой правовое предписание воспринимается как выраженное в законе и закрепленное в статье или части статьи УК РФ официальное веление власти. И именно эти веления в той или иной совокупности следует рассматривать как институт или субинститут уголовного права. В дальнейшем изложении нормативное содержание уголовно-правового субинститута будет пониматься нами исключительно как уголовно-правовые предписания.

Таким образом, с точки зрения родо-видового (гипонимического) соотношения субинститута и института уголовного права субинститут представляет собой исключительно правовое образование, определенный класс нормативных уголовно-правовых по своему содержанию предписаний, входящих в «материнский» правовой институт и подчиненных его принципам.

Следующий шаг в познании признаков уголовно-правового субинститута дает анализ его соотношения с институтом по линии «часть – целое». Именно здесь исследование позволяет высказать наиболее существенные упреки в адрес концепции И. В. Орехова, который видит в субинституте элемент системы права, представляющий собой некоторое множество предписаний, обособленных в системе закона [2, с. 52–53].

Во-первых, субинститут не может рассматриваться напрямую как элемент системы права. Он есть часть правового института, который и выступает элементом отрасли как системы. Под системой чаще всего понимают нечто целое, состоящее из взаимосвязанных в соответствии с определенными закономерностями частей. Причем части эти выделяются по определенным признакам и имеют строго упорядоченный характер взаимодействия. Помещение субинститута в линейный ряд структурных элементов отрасли нарушает субординационные связи в структуре отрасли. Взаимодействие субинститута как «части части» с отраслью как «целым» не может быть прямым, оно всегда опосредуется через правовой институт. К примеру, субинститут выдачи лиц, совершивших преступление (ст. 13 УК РФ), не мо-

жет взаимодействовать с иными институтами уголовного права, минуя «материнский» институт действия уголовного закона в пространстве.

Во-вторых, нельзя согласиться с категорическим утверждением о том, что субинститут всегда есть совокупность, то есть множество нормативных предписаний. В одной из своих работ И. В. Орехов пишет, что «субинститут – это объединение норм права. Следовательно, для них он выступает некой оболочкой и связующим элементом. В рамках своей категории организует некую иерархию для входящих в него норм. Таким образом появляются некие субординационные отношения. При взаимодействии с нормами субинститут выступает властной стороной таких отношений, но по отношению к институтам права субинституты занимают противоположную сторону» [11, с. 70]. Такой подход может иметь право на существование, только если согласиться с оспоренным выше линейным строением отрасли права. В этом случае правовое предписание, если оно претендует на статус субинститута, действительно должно иметь ассоциации с иными предписаниями аналогичного ранга и свойства, и только объединившись, через субинститут, они могут войти в отрасль структурным компонентом. Но здесь небызупречна исходная посылка. Субинститут возникает не из норм, он возникает из института. И в этой связи выражающие субинститут уголовно-правовые предписания вполне могут быть единичными.

В-третьих, из изложенного логично вытекает и необязательность такого признака субинститута уголовного права, как обособленность объединения в структуре нормативного акта. Структура закона во многом определяет представления о структуре права. Отсюда при рассмотрении элементного состава структуры права необходим анализ структурных элементов закона, его рубрикация, разбиение на главы и иные подразделения, их компоновка и взаиморасположение. Для отечественного уголовного права, лишенного в соответствии с волей законодателя правовых обычаев, аналогии права и судебного прецедента в качестве источников, данный аспект является определяющим. По мнению В. П. Коняхина, в этом случае «можно говорить о существенном совпадении структуры системы уголовного права и структуры системы уголовного законодательства как о допустимом методологическом правиле» [9, с. 133]. Отталкиваясь от этой теоретической посылки, надо признать, что главы УК РФ, выражающие собой уголовно-правовые институты или объединения уголовно-правовых институтов, лишены внутреннего деления на более мелкие композиционные единицы текста. В силу этого говорить об обособлении уголовно-правовых субинститутов, к примеру, на уровне отделений той или иной главы закона не приходится. По меньшей мере в настоящий момент. В целом же или в перспективе не исключается композиционное обособление субинститутов в структуре текста уголовного закона. Уголовное право, будучи более консервативным, чем иные отрасли, замкнутое в рамках одного нормативно-правового акта,

долгое время не нуждалось в расширенной номенклатуре структурных элементов отрасли и самого закона. Классическая триада «норма – институт – отрасль» удовлетворяла всем потребностям в исследовании структурных особенностей отрасли и находила прямое выражение в корреспондирующей триаде «статья – глава – кодекс». С развитием же субинститутов права можно ожидать появления усложненной структуры нормативно-правового акта.

Таким образом, анализ соотношения субинститута и института уголовного права с позиций взаимосвязи части и целого позволяет говорить о том, что субинститут есть всегда часть уголовно-правового института, представляющая собой одно или несколько уголовно-правовых предписаний, не обязательно, но потенциально возможно выраженных в обособленной части текста уголовного закона.

Наконец, один из важнейших аспектов раскрытия признаков субинститута уголовного права требует анализа их соотношения с институтом в контексте логики понятий «общее – особенное».

Особенное, как известно, должно обладать признаками общего (а через него и всеобщего) и иметь к тому же некоторые специфические характеристики, позволяющие отличить это особенное от всего иного класса явлений, образующих общее.

Следуя этой истине, надо признать, что субинститут уголовного права должен обладать общими признаками института (то есть иметь нормативную природу, быть образованным из однопорядковых правовых предписаний, регулировать уголовно-правовые отношения, выступающие предметом регулирования института, быть выраженным в уголовном законе). В данном случае важно обратить внимание на два момента.

Во-первых, именно единство предмета правового регулирования института и субинститута является наиболее значимым совпадающим признаком «общего» и «особенного». Такое совпадение показывает «родство» и «единство» правовых норм, а равно указывает на тот факт, что субинститут принадлежит именно этому, а не иному институту уголовного права. Не требует в этом отношении доказательств простой тезис о том, что субинститут мер воспитательного воздействия по определению не может принадлежать институту норм об ответственности за хищения ввиду качественных различий предмета правового регулирования. Хотя и институт хищений, и субинститут мер воспитательного воздействия обладают признаками всеобщего, будучи нормативными предписаниями именно уголовного, а не иного права.

Во-вторых, институт и субинститут образуют однопорядковые предписания. Как отмечал С. С. Алексеев, «в отличие от ассоциации норм (где, по существу, имеется одна генеральная норма с сопровождающими ее конкретизирующими предписаниями) в институт входят несколько однопорядковых положений» [7, с. 124]. И если субинститут есть часть института, логично, что субинститут не может быть образован предписаниями, не отвечающим требованиям основных норм. Это не может быть

исключительно набор вариативных или конкретизирующих предписаний, ассоциированных с какой-либо одной нормой правового института. В данном случае следует согласиться с мнением М. С. Жука, что «ассоциация нормативных предписаний в уголовном праве может быть проиллюстрирована практически любой статьей Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления с основным и квалифицированным составом. Здесь первая часть статьи, описывающая признаки основного состава, будет представлять собой основное (главное) нормативное предписание, а те ее части, которые описывают квалифицирующие признаки, – конкретизирующие это предписание вариативные положения. В итоге перед нами ассоциация нормативных предписаний. Назвать ее правовым институтом нельзя именно в силу того, что в рассматриваемой группировке главным выступает только одно предписание» [5, с. 119]. Равным образом нельзя любую статью уголовного закона саму по себе воспринимать в качестве субинститута. Не образуют группы взаимосвязанных предписаний об ответственности за кражу (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ) и т. д. субинституты института хищения по той причине, что они исчерпывают собой весь набор предписаний закона об ответственности за хищения. «Расчленение» института на такие «субинституты» происходит без остатка, в силу чего на долю института ничего не остается физически. Институт не может состоять только из субинститутов. Нельзя воспринимать в качестве субинститута и набор квалифицирующих признаков за кражу, мошенничество и т. д., поскольку эти дифференцирующие предписания относятся только к одному главному, основному предписанию, но не к институту в целом. Таким образом, субинститут могут образовывать лишь такие предписания, которые по своему статусу равны всем остальным предписаниям, входящим в институт права, то есть являются основными.

При таком подходе особое значение приобретает поиск того «особенного», что присуще основным предписаниям, входящим в уголовно-правовой институт и регулирующим его предмет, но что позволяет обособить эти предписания в качестве субинститута.

Обращаясь к структуре уголовно-правового института, М. С. Жук писал, что ее образуют: 1) ядро института – несколько генеральных нормативных предписаний регулятивного или охранительного характера, представляющих собой каждое в отдельности ассоциацию одного основного и одного или нескольких конкретизирующих (детализирующих или вариативных) предписаний; 2) необходимое дополнение – специализированные предписания общего характера: общие, декларативные, дефинитивные; 3) возможное дополнение – специализированные предписания специального типа: оперативные, коллизионные [5, с. 122].

Эта схема может быть весьма полезной в наших рассуждениях. Не оспаривая ее по существу, заметим, что три подгруппы предписаний, выделенных автором, выполняют в структуре института различные функции: некоторые предписания

являются «рабочими» (предписания регулятивного или охранительного характера, другие – «обслуживающими» (общие и специализированные предписания).

Полагаем, что на роль субинститута уголовного права не могут претендовать те части правового института, которые в этой градации относятся к числу основных. Они – неотъемлемая часть института, его ядро, без которого сам институт лишается возможности функционирования. Они несут на себе основную нагрузку в правовом регулировании той или иной группы отношений, которые составляют предмет институционального регулирования. И в этом отношении вполне принадлежат тому самому «нерастворимому остатку» правового института, о котором писал С. С. Алексеев.

Другое дело – предписания «обслуживающие». Наименование в данном случае условное и несколько не свидетельствующее о меньшей значимости таких предписаний. Напротив, чем более они развиты, тем полнее институт регулирует соответствующую группу правоотношений, тем более развит сам уголовно-правовой институт. Такие предписания в структуре уголовно-правового института выполняют «сквозные» функции, обеспечивая его устойчивость и адаптивность. Именно в области этих предписаний и следует, прежде всего, искать субинституты уголовного права. На их роль вполне могут претендовать и предписания общего характера (например, закрепленные в примечаниях 1–4 к ст. 285 УК РФ дефиниции субъектов должностных преступлений), и предписания специализированные (например, коллизионное положение, закрепленное в ч. 3 ст. 17 УК РФ, относительно преодоления конкуренции общей и специальной нормы).

Это не значит, однако, что основные (рабочие) предписания не могут в принципе составить субинститут уголовного права. В некоторых ситуациях законодатель посредством таких предписаний решает особые задачи в правовом регулировании той или иной группы отношений, составляющих предмет института. Прежде всего речь идет о дифференциации уголовной ответственности. В подобных ситуациях дифференцирующие основные предписания также могут претендовать на статус субинститута (такowymi, к примеру, выступают субинститут принудительных мер воспитательного воздействия в системе института уголовной ответственности несовершеннолетних или субинститут мелкого хищения в системе института норм об ответственности за хищения).

Таким образом, с точки зрения соотношения особенного и общего субинститут уголовного права представляет собой нормативные предписания, которые являются однопорядковыми по отношению ко всем иным предписаниям правового института и регулируют единую с ним группу правоотношений, но отличаются особым функциональным предназначением, предлагая интегрирующие или дифференцирующие «услуги» и обеспечивая тем самым стабильность и адаптивность правового регулирования.

Изложенное позволяет сделать несколько важных выводов и сформулировать искомое понятие субинститута уголовного права:

- при характеристике конститутивных признаков уголовно-правового субинститута необходимо учитывать его соотношение с институтом уголовного права, которое в контексте логических конструкций может быть описано посредством категорий вид и род, часть и целое, особенное и общее. С точки зрения гипотимических отношений субинститут представляет собой исключительно правовое образование, определенный класс нормативных уголовно-правовых по своему содержанию предписаний, входящих в «материнский» правовой институт и подчиненных его принципам. В контексте взаимосвязи части и целого субинститут есть всегда часть уголовно-правового института, представляющая собой одно или несколько уголовно-правовых предписаний, выраженных в части текста уголовного закона. С точки зрения соотношения особенного и общего субинститут образуют однопорядковые правовые предписания, которые регулируют единую с институтом группу правоотношений, но отличаются интегрирующим или дифференцирующим предназначением;

- признаками субинститута уголовного права необходимо признать: а) наличие одного или нескольких самостоятельных нормативных предписаний и одновременно отсутствие в структуре субинститута иных социальных норм и требований; б) необязательное, но потенциально возможное выражение в обособленной части текста уголовного закона; в) существование только в пределах уголовно-правового института и подчиненность его принципам и целям; г) общий предмет правового регулирования института и субинститута уголовного права; д) видовое своеобразие юридического факта или режима регулирования уголовно-правовых отношений, составляющих предмет институционального регулирования; е) особое функциональное предназначение субинститута, призванного в масштабах всего института оказывать интегрирующее или дифференцирующее воздействие на процесс правового регулирования; ж) ориентация на выполнение стабилизирующих и адаптивных функций отрасли уголовного права;

- содержание признаков субинститута может быть положено в основу его теоретической дефиниции. Субинститут уголовного права является собой элемент структуры института уголовного права, который образован одним или несколькими однопорядковыми нормативными предписаниями, предлагающими, в зависимости от видовой специфики юридического факта, породившего уголовно-правовые отношения, интегрирующий или дифференцирующий режим правового регулирования этих отношений в пределах задач и принципов, заданных институтом уголовного права, в целях обеспечения стабилизирующей и адаптивной функций уголовного права.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4.
2. Орехов И. В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 3 (48). С. 51–55.
3. Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5–16.
4. Ершов В. В. Принципы права: сущность и функции // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 5–15.
5. Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. 380 с.
6. Мазаев В. Д. Понятие и конституционные принципы публичной собственности: учебное пособие. М., 2004. 95 с.
7. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. 263 с.
8. Тенчов Э. С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 60–66.
9. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. 348 с.
10. Кленова Т. В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2007 г.) / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2007. С. 185–187.
11. Орехов В. И. Взаимодействие субинститута права с другими элементами системы права Российской Федерации // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 7–8 (48). С. 68–72.

References

1. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 24, 2003 No. 7-P “On the case of checking the constitutionality of the provision of paragraph 8 of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000 “On the announcement of an amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945” in connection with the complaint of citizen L.M. Zaporozhets. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*, 2003, no. 4. (In Russ.).
2. Orekhov I. V. The concept and signs of a sub-institution of law: the present and the future. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2016, no. 3 (48), pp. 51–55. (In Russ.).
3. Zorkin V. D. The essence of law. *Voprosy filosofii*, 2018, no. 1, pp. 5–16. (In Russ.).

4. Ershov V. V. Principles of law: essence and functions. *Rossiiskoe pravosudie*, 2019, no. 2, pp. 5–15. (In Russ.).
5. Zhuk M. S. Institutions of Russian criminal law: concept, system and development prospects. Dr. Dis. (Legal Sci.). Krasnodar, 2013. 380 p. (In Russ.).
6. Mazaev V. D. Concept and constitutional principles of public property: textbook. M., 2004. 95 p. (In Russ.).
7. Alekseev S. S. The structure of Soviet law. Moscow, 1975. 263 p. (In Russ.).
8. Tenchov E. S. Institutions of criminal law: system and relationship. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1986, no. 8, pp. 60–66. (In Russ.).
9. Konyakhin V. P. Theoretical foundations for the construction of the General part of the Russian criminal law. St. Petersburg, 2002. 348 p. (In Russ.).
10. Klenova T. V. Correlation of norms and prescriptions in institutions of criminal law. In: Komissarov V. S. (ed.). *Sistemnost' v ugovnom prave: materialy II Rossiiskogo kongressa ugovnogo prava* (May 31 – June 1, 2007), 2007, pp. 185–187. (In Russ.).
11. Orekhov V. I. Interaction of the sub-institution of law with other elements of the system of law of the Russian Federation. *Voprosy sovremennoi yurisprudentsii*, 2015, no. 7–8 (48), pp. 68–72. (In Russ.).

Информация об авторе

С. П. Усенко – соискатель кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия,

Information about the author

S. P. Usenko – Candidate of the Department of Criminal Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russia.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 17.02.2023.

The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 17.02.2023; accepted for publication 17.02.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 165–179.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 165–179.

Научная статья

УДК 343.235.6(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/165-179>

ХАРАКТЕР И СТЕПЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НЕПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ И КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Илья Викторович Ищенко

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Симферополь, Россия, ivi.crim@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы научные подходы к понятиям характера и степени общественной опасности преступления и на их основе сформулированы авторские предложения по разграничению данных понятий. Обосновывается, что характер и степень, являясь показателями общественной опасности, устанавливаются в зависимости от двух различных групп обстоятельств: характер опасности – от конкретных признаков преступления, лежащих в рамках его состава и характеризующих его объект, объективную и субъективную стороны и субъект, а степень общественной опасности – исходя из обстоятельств, которые не отражены в составе преступления, но учитываются судом и влияют на различные аспекты уголовной ответственности. При этом аргументируется мысль о том, что из понятия «степень общественной опасности» нельзя исключать ни личность виновного, ни смягчающие или отягчающие обстоятельства, ни какие-либо другие фактические обстоятельства, влияющие на его общественную опасность. С учетом такого понимания сделаны предложения *de lege ferenda*, касающиеся ч. 3 ст. 60 УК РФ, а также предложена новая редакция п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

В статье также исследована общественная опасность неправомерных деяний, в результате чего сделан вывод, что ее содержание, показатели и возможность использования понятий характера и степени общественной опасности зависят от конкретного вида такого деяния.

Ключевые слова: характер общественной опасности, степень общественной опасности; преступление, неправомерные деяния, уголовное законодательство, док-

трина уголовного права, научные подходы, судебная практика, элементы состава преступления, признаки состава преступления, личность виновного, фактические обстоятельства, оценка преступления.

Для цитирования: Ищенко И. В. Характер и степень общественной опасности преступлений и непроступных деяний: проблемы понятия и критериев определения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 165–179. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/165-179>

Original article

THE NATURE AND DEGREE OF PUBLIC DANGER OF CRIMES AND NON-CRIMINAL ACTS: PROBLEMS OF THE CONCEPT AND CRITERIA OF DEFINITION

Иша Викторович Ищенко

Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia,
ivi.crim@mail.ru

Abstract: The article analyzes scientific approaches to the concepts of the nature and degree of public danger of crime. Based on them, the author has formulated the proposals for differentiation of these concepts. It is proved that, being the indicators of public danger, the nature and degree are determined depending on two different groups of circumstances: the nature of the danger – from the specific signs of the crime that lie within its composition and characterize its object, objective and subjective sides and subject, and the degree of public danger – based on circumstances that are not reflected in the composition crimes, but are taken into account by the court and affect various aspects of criminal responsibility. At the same time, the idea is argued that neither the identity of the culprit, nor mitigating or aggravating circumstances, nor any other factual circumstances affecting the culprit's public danger can be excluded from the concept of degree of public danger. Taking into account this understanding, proposals were made de lege ferenda concerning Part 3 of Article 60 of the Criminal Code of the Russian Federation, and a new version of Paragraph 1 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 dated December 22, 2015 "On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation" was proposed. The article also examines the public danger of non-criminal acts leading to the conclusion that its content, indicators and the possibility of using the concepts of the nature and degree of public danger depend on the specific type of this act.

Keywords: nature of public danger, degree of public danger, crimes, criminal acts, criminal law, doctrine of criminal law, scientific approaches, judicial practice, elements of the corpus delicti, signs of the corpus delicti, identity of the perpetrator, factual circumstances, assessment of the crime.

For citation: Ishchenko I. V. The nature and degree of public danger of crimes and non-criminal acts: problems of the concept and criteria of definition // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 165–179. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/165-179>

В уголовно-правовой науке и практике одним из наиболее разработанных (хотя и дискуссионных) понятий является общественная опасность преступления. В отличие от этого, общественная опасность неправомерных деяний исследована гораздо меньше. Данное обстоятельство диктует логику и содержание настоящей статьи, в которой вначале рассматриваются характеристики общественной опасности преступления, а затем – общественной опасности неправомерных деяний.

Общественная опасность преступления как предмет изучения сразу же обнаруживает редкую гармонию уголовного законодательства, доктрины и судебной практики: каждая из этих трех форм воплощения уголовного права оперирует такими понятиями, как характер и степень общественной опасности. Правда, на этом гармония и заканчивается, поскольку более глубокий анализ выявляет существенный разброс мнений и подходов не только к их содержанию, но и к взаимосвязи с общественной опасностью. Так, характер и степень именуется соответственно качественной и количественной сторонами общественной опасности преступления [1, с. 53–59], качественной и количественной характеристиками [2, с. 112], различными уровнями оценки преступления [3, с. 27; 4, с. 63], показателями общественной опасности, инструментарием измерения общественной опасности, характеризующими признаками и т.д.

Не менее широка и разнообразна линейка научных подходов к содержанию рассматриваемых понятий. Причем среди них можно выявить, с одной стороны, группу точек зрения, традиционно обсуждаемых в доктрине уголовного права, уже имеющих целый ряд своих адептов, оппонентов и регулярно прирастающих новыми, а с другой – единичные мнения, стоящие в стороне от основного дискурса.

Так, большинство криминалистов связывают характер общественной опасности с теми общественными отношениями, на которые направлено преступление, т. е. с его объектом. При этом подчеркивается, что характер общественной опасности зависит от важности общественных отношений и показывает типовую характеристику вредности тех или иных деяний, объединенных общим объектом, а степень общественной опасности определяется способом совершения преступления, тяже-

стью наступивших последствий, стадиями осуществления преступного намерения и другими юридически значимыми особенностями конкретных преступных деяний [5, с. 42]. Данный подход можно назвать традиционным, его в той или иной степени разделяют многие ученые.

Немало сторонников имеет и другое понимание характера общественной опасности. Оно заключается в том, что его содержание образуют все элементы и признаки состава преступления, как объективные, так и субъективные. В частности, Н. Ф. Кузнецова, отмечая ведущее значение объекта и последствий преступления, относила к ним также способ совершения преступления, форму вины, содержание мотивов и целей, признаки субъекта преступления и пр. [1, с. 53–58] Степень общественной опасности, по ее мнению, являясь количественной стороной материального признака преступления, образуется за счет совокупной степени общественной опасности объективных и субъективных признаков преступления [1, с. 58–59]. Так же широко трактуют понятие характера общественной опасности преступления и другие ученые, связывая его со всеми или со многими признаками состава преступления.

Весьма убедительна, на наш взгляд, позиция Ю. Е. Пудовочкина, который, вслед за В. В. Мальцевым, обосновывает, что характер и степень общественной опасности отражают различные уровни оценки преступления: характер свидетельствует об опасности преступлений определенного вида, а степень – об опасности конкретного преступления [4, с. 63; 3, с. 27]. Е. В. Благов также полагает, что характер общественной опасности позволяет уяснить не индивидуальные признаки конкретного преступления, а общие признаки преступлений определенного вида (убийств, изнасилований, хищений и пр.) [6, с. 39]. Как следствие, утверждается, что характер общественной опасности определен законодателем, когда он принял решение о криминализации того или иного общественно опасного деяния. В этом отношении характер опасности не может быть изменен без законодательного решения, он – фактор неизменный, а это, в свою очередь, означает, что «суд не вторгается в оценку характера общественной опасности, ибо иное означало бы сомнение в обоснованности самой криминализации деяния. Суд лишь учитывает ... характер опасности преступления» [6, с. 64].

Целый ряд суждений, касающихся понятий характера и степени общественной опасности преступления, высказал Верховный Суд РФ. Самое главное из них, по нашему мнению, содержится в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее – постановление от 22.12.2015 № 58). Процитируем его полностью: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом со-

циальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств деяния, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления».

Приведенные результаты научных исследований и обобщения судебной практики представляются достаточными для аргументированного изложения нашей авторской позиции относительно понятий «характер» и «степень» общественной опасности. При этом целесообразно начать с краткого комментария итогов научной разработанности рассматриваемых понятий.

Прежде всего полагаем, что для характеристики взаимосвязи понятий характера и степени с понятием «общественная опасность» не могут быть применены такие термины, как «количественная сторона» или «количественная характеристика», ибо любое упоминание о количестве требует математических последствий: в каких единицах измерять, каким образом суммировать или вычитать соответствующие признаки, установленные в конкретном преступлении, и т. д. Решить такую задачу невозможно: нам кажется непоколебимой правота Ю. Е. Пудовочкина, утверждающего, что «измерить общественную опасность преступления как разновидности зла так же невозможно, как при помощи математики исчислить степень доброты, вежливости, порядочности и других социально-этических понятий» [4, с. 65]. С учетом изложенного акцент на «количестве» при характеристике общественной опасности некорректен, а это, в свою очередь, означает также невозможность использования для этих целей и понятия «качество» – оно уместно только в смысловой связке с понятием количества. По этим же причинам представляется неприемлемым и термин «инструментарий измерения общественной опасности».

Понимание характера и степени как признаков общественной опасности также, на наш взгляд, не вполне удачно, поскольку понятие «признак» чаще всего свидетельствует о принадлежности объекта к некоторому классу или о факте (обстоятельстве), позволяющем сделать вывод о наличии какого-либо явления и разграничить его с другими¹. Мы придерживаемся точки зрения, что общественная опасность не является исключительно уголовно-правовым понятием, она присуща

¹ О значении термина «признак» в различных словарях см.: Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/972326> (дата обращения: 14.07.2021).

непреступным и даже правомерным действиям, угрозы со стороны которых вполне соизмеримы с криминальными.

По нашему мнению, характер и степень выступают в качестве показателей общественной опасности преступления, они помогают обнаружить и охарактеризовать внешние формы проявления такого сущностного признака преступления, каким является общественная опасность. Иначе говоря, в данном случае применимы философские категории сущности и явления: общественная опасность дается нам в проявлениях ее характера и степени; как ёмко сформулировал Гегель, сущность является, а явление сущностно. Действительно, как мы оцениваем общественную опасность преступления? Как неоднократно указывал Верховный Суд РФ вслед за законодателем, именно по ее характеру и степени. Именно эти показатели (параметры) постоянно находятся в поле зрения высшей судебной инстанции, именно их она уточняет в своих актах по мере накопления правоприменительного и научного опыта.

Переходя к содержанию исследуемых понятий, считаем необходимым обратить внимание на неполноту, а значит, и небезупречность господствующего в науке взгляда на зависимость характера общественной опасности от объекта преступного посягательства. Несмотря на весьма добротное обоснование и привлекательность профессионального «искушения» раз и навсегда четко отграничить характер опасности от ее степени, он имеет некоторые недостатки. Главным из них представляется его несогласованность с позицией Верховного Суда РФ, который связывает характер общественной опасности не только с объектом преступления, но со всеми установленными судом признаками состава преступления. Направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред лишь имеют приоритет в учете характера общественной опасности судом, но вовсе не исключают оценки и учета других признаков. Подход Верховного Суда РФ представляется нам единственно верным: при характеристике общественной опасности преступления, тем более, ее характера, недопустимо ограничиваться только одним элементом состава преступления. Конечно, его важность очевидна и признана законодателем: объект преступления лежит в основе структуры Особенной части уголовного закона. Но очевидно и то, что общественная опасность посягательств на один и тот же объект может быть совершенно различной (например, ст.ст. 105–108; 205 и 205⁶, 212 и 214 УК РФ). Это убедительно доказывает, что в подобных случаях определяющими опасностью элементами и признаками составов являются иные, а не объект преступления.

Рассмотрение характера и степени общественной опасности через призму всех признаков состава преступления также представляется нам не оптимальным, поскольку не позволяет более или менее ясно разграничить признаки, «отвечающие», с одной стороны, за характер, а с другой – за степень общественной опасности. Этот существенный, на наш взгляд, изъян имеется и в постановлении от 22.12.2015

№ 58. Так, причиненный вред Верховный Суд РФ относит к характеру общественной опасности, а характер и размер наступивших последствий – к степени общественной опасности. Подобные примеры встречались и в доктрине уголовного права: форма вины включалась в характер общественной опасности, а виды умысла и неосторожности – в степень общественной опасности [2, с. 110, 116–117]. При таком подходе естественным образом возникает вопрос: а что такое форма вины, если не объединение различных видов умысла и неосторожности? Другими словами, если мы отнесем виды умысла и неосторожности к степени общественной опасности, что содержательно останется на долю ее характера? К сожалению, ответов на эти вопросы в соответствующих научных публикациях мы не находим.

С пониманием характера и степени общественной опасности как различными уровнями оценки преступления, при всей его логической стройности, также нельзя полностью согласиться. Во-первых, и УК РФ, и соответствующие разъяснения Верховного Суда РФ регулируют прежде всего оценку характера и степени общественной опасности именно конкретного преступления, а не «преступлений определенного вида» (ч. 3 ст. 47, ч. 3 ст. 60, п. 1.1. ч. 1 ст. 63, ч. 1 ст. 68, ч. 2 ст. 73 УК РФ, пп. 1, 27, 66 постановления от 22.12.2015 № 58). Во-вторых, если трудно спорить с тем, что характер общественной опасности определяется законодателем¹, то вывод о том, что суд не вторгается в оценку характера общественной опасности, не просто спорен – он очевидно противоречит уголовному закону и единообразной практике его применения. Часть 6 ст. 15 УК РФ – веское доказательство тому, что суд наделен правомочием не просто вторгаться, а изменять опасность преступления, понижая его категорию на одну степень. Кроме того, в п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58 предусмотрено, что характер общественной опасности преступления хоть и «определяется уголовным законом», но все-таки «зависит от установленных судом признаков состава преступления». Отмеченные обстоятельства опровергают, на наш взгляд, тезис о неизменном характере общественной опасности. Веским аргументом в пользу этого является позиция судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановского, высказанная в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа», правильно отметившего главную специфику общественной опасности, которая представляет собой «не только объективный риск», но «ещё и человеческое, субъективное состояние, и в этом смысле она зависит от того, как ее чувствуют, представляют и выражают, в частности, законодательным решением по праву конституционного народного волеизъявления и в силу законодательных полномочий». Может ли быть «неизменным» законодательное и судебное усмотрение? Думаем, нет.

¹ По большому счёту, в уголовном праве многое, почти всё, определяется законодателем – в этом проявляется специфика отрасли.

Правовая позиция Верховного Суда РФ относительно характера и степени общественной опасности преступления, закрепленная в постановлении от 22.12.2015 № 58, позволяет уяснить следующие важные для нашего исследования положения: 1) при назначении наказания судом должны быть учтены как характер, так и степень общественной опасности; 2) характер общественной опасности зависит от установленных судом признаков состава преступления, т.е. связан именно с ними; 3) приоритетное значение в процессе установления характера общественной опасности имеют направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред; 4) степень общественной опасности зависит от конкретных обстоятельств содеянного – характера и размера последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, видов умысла либо неосторожности; 5) смягчающие и отягчающие обстоятельства также учитываются при определении степени общественной опасности преступления (к этому положению вернемся еще чуть позже).

Думается, что на основании изложенного допустимо предложить следующее разграничение понятий «характер общественной опасности» и «степень общественной опасности»: первое образуют обстоятельства, связанные с признаками преступления, лежащими в рамках конкретного состава и характеризующими, соответственно, его объект, объективную и субъективную стороны, а также субъект преступления. Второе понятие – «степень общественной опасности» – устанавливается, исходя из тех обстоятельств, которые не отражены в законодательной формуле преступления – его составе, но учитываются судом и влияют на назначение наказания или на иные аспекты ответственности (освобождение от наказания или от уголовной ответственности, применение условного осуждения, мер уголовно-правового характера и пр.). Так, характер общественной опасности убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) будут определять признаки объекта, объективной, субъективной стороны и субъекта (направленность на жизнь, последствия, характер деяния, содержание умысла, характеристики возраста и вменяемости виновного и пр.), а степень общественной опасности, к примеру, такие обстоятельства, как мотив сострадания, наличие малолетних детей у виновного и пр. Преимущества такого разграничения, на наш взгляд, заключаются в его основанности на совершенно различных, не совпадающих и не дублирующих друг друга группах обстоятельств, а также на частичном соответствии достаточно многочисленной и единообразной судебной практике по конкретным делам.

В дополнение к этому добавим, что при констатации судами малозначительности деяния принимаются во внимание доказательства широкого спектра фактических обстоятельств, в том числе лежащих за пределами конкретных составов преступлений.

Таким образом, приведенное обоснование, по-нашему мнению, убеждает в том, что предлагаемое нами разграничение содержания понятий характера и степе-

ни общественной опасности является не только логичным и оптимальным, но и учитывает фактическую готовность к такому разграничению в судебной практике, которую необходимо лишь формализовать в соответствующих постановлениях Верховного Суда РФ и иных судебных актах. Для этого предлагаем откорректировать п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58 следующим образом: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред.

Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, лежащих за пределами состава преступления. К ним могут быть отнесены, например, характер и размер последствий преступления с формальным составом, мотивы, цели, способы деяния, не являющиеся составообразующими или квалифицирующими признаками, характеристики личности виновного, его постпреступное поведение и пр. Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание...» – далее по тексту.

Отдельного развернутого комментария заслуживает предлагаемое нами включение в содержание понятия «степень общественной опасности» применительно к личности виновного¹, поскольку в уголовно-правовой доктрине имеются взгляды, причем не единичные, согласно которым характеристика личности рассматривается за пределами общественной опасности. Так, Ю. Е. Пудовочкин считает, что «следует четко различать опасность преступления и опасность лица, совершившего преступление...; нет оснований для того, чтобы отождествлять их или смешивать» [4, с. 59]. Обосновывая данную точку зрения, ученый приводит в качестве ее доказательств ситуации замены категории преступления, совершенного при наличии рецидива преступлений на менее тяжкую; оценки особо тяжкого преступления, впервые совершенного лицом с безупречной репутацией вследствие случайного стечения тяжелых жизненных обстоятельств; утраты лицом общественной опасности вследствие изменения обстановки и т.д. [4, с. 60]. На основании этого заключается, что «при всей взаимосвязи, опасность преступления и опасность личности – не совпадающие феномены, имеющие, к тому же, различающиеся критерии и параметры оценки» [4, с. 60]. Конечно, «отождествлять» или «смешивать» общественную опасность преступления и общественную опасность личности виновного не следует. Они, действительно, касаются различных явлений, имеют различные критерии и параметры оценки. Однако, по нашему мнению, это не препятствует уста-

¹ Реже, но всё же встречаются точки зрения, согласно которым «внедрение» в сферу общественной опасности преступления и признаков субъективной стороны (в том числе вины) провозглашается «сомнительным».

новлению между ними взаимосвязи по типу «часть» (общественная опасность личности) и «целое» (общественная опасность преступления). Больше того, игнорирование такой взаимосвязи представляется нам глубоко ошибочным и не соответствующим не только уголовному законодательству и практике его применения, но и просто здравому смыслу. Взять хотя бы, к примеру, изменение категории преступления, предусмотренное ч. 6 ст. 15 УК РФ: закон связывает данную возможность, кроме прочего, с наличием смягчающих наказание обстоятельств, а Верховный Суд РФ требует при решении данного вопроса принимать во внимание в том числе роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, а также «другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности». Следовательно, этот, как и другие аргументы, приведенные Ю. Е. Пудовочкиным, доказывают как раз обратное – личность виновного оказывает существенное влияние на общественную опасность преступления, вплоть до «понижения» категории конкретного преступления, т. е. фактически выхода за пределы законодательной категоризации преступлений.

Личность виновного исключают из содержания общественной опасности и другие исследователи, полагающие, что характеристика личности, выступая в качестве самостоятельного начала назначения наказания, выходит за пределы не только общественной опасности деяния, но и обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание [7, с. 32–35]. Данный подход разделяла также Т. В. Непомнящая [2, с. 118]. Выражая свое отношение к нему, уместно обратить внимание на то, что упоминание в ч. 3 ст. 60 УК РФ, наряду с общественной опасностью преступления, личности виновного, не свидетельствует об их абсолютной автономности хотя бы потому, что называемые здесь же обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, по мнению Верховного Суда РФ, высказанные в п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58, «учитываются при определении *степени общественной опасности преступления* (курсив наш. – И. И.)». Формальная логика диктует такое же отношение и к обстоятельствам, характеризующим личность преступника.

Справедливости ради отметим, что высказаны и более правильные, на наш взгляд, суждения о неразрывной связи и взаимозависимости общественной опасности преступления и общественной опасности личности виновного. Однако мы предлагаем сделать следующий важный шаг – законодательно закрепить статус общественной опасности личности и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как важных и неотъемлемых компонентов общественной опасности преступления. С этой целью содержание ч. 3 ст. 60 УК РФ представляется целесообразным изменить следующим образом: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, в том числе личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а

также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Суд также учитывает влияние назначенного наказания на достижение его целей и на условия жизни семьи осужденного»¹.

Как подчеркивалось ранее, другой, менее исследованной «разновидностью» общественной опасности в уголовном праве является опасность неправомерных деяний, о которой мы можем судить на основании ч. 2 ст. 14, ч. 3 ст. 20, ст. 21, ст. 28, ст.ст. 37-42 УК РФ. В связи с этим возникают очень интересные исследовательские вопросы: каковы показатели этой общественной опасности? Из чего она складывается? Можно ли пользоваться для ее установления понятиями характера и степени общественной опасности? Попробуем на них ответить, проанализировав вышеуказанные статьи уголовного закона.

Формулировка малозначительного деяния, закрепленная в ч. 2 ст. 14 УК РФ, позволяет вывести из нее два важных обстоятельства: во-первых, законодатель упоминает об общественной опасности в целом, без акцентации на каких-либо ее показателях; во-вторых, для признания деяния малозначительным необходимо пусть и формальное, но все же наличие в нем признаков состава преступления. Помимо этого, как неоднократно подчеркивалось, в судебной практике для характеристики малозначительности используется широкий набор параметров, часть из которых позволяет уяснить характер, а часть – степень его общественной опасности.

Содержание ч. 3 ст. 20, ст. 21 и ст. 28 УК РФ также убеждает в том, что в них речь идет о тех общественно опасных деяниях, которые предусмотрены уголовным законодательством. Так, и возрастная невменяемость, и невменяемость, и невиновное причинение вреда – следствие различных дефектов сознания и воли деятеля, которые законодатель считает несовместимыми с уголовной ответственностью. А последняя, в свою очередь, возможна лишь за те деяния, которые указаны в УК РФ. Об этом же свидетельствует и терминология анализируемых положений: «не подлежит уголовной ответственности», «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние» (ч. 3 ст. 20, ст. 21 УК РФ). В случае со ст. 28 УК РФ, регламентирующей невиновное причинение вреда, сходный вывод помогает сделать ст. 5 УК РФ, устанавливающая на уровне отраслевого принципа, что «лицо подлежит *уголовной ответственности* (курсив наш. – И. И.) только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина».

¹ Тема нашего исследования не позволяет подробно останавливаться на соотношении действующей редакции ч. 3 ст. 60 УК РФ с целями уголовного наказания, провозглашенными в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Вместе с тем, предлагая новую редакцию, мы не смогли не обратить внимание на законодательную ошибку, заключающуюся, на наш взгляд, в игнорировании двух из трех закрепленных в законе целей наказания, и предложили исправить ее, указав на необходимость со стороны суда соотносить назначаемое наказание не только с целью исправления осужденного, но и с другими целями наказания.

Таким образом, во всех трех рассмотренных ситуациях соответствующие лица попадают в сферу уголовно-правового регулирования только тогда, когда совершенное им деяние соответствует статье Особенной части УК РФ. Если невменяемый, к примеру, громко распевает песни в ночное время, уголовно-правовое принуждение к нему применено быть не может: для этого необходимо совершить кражу, убийство или иное деяние, предусмотренное УК РФ. Казалось бы, это дает основания распространять и на указанные ситуации понятия характера и степени общественной опасности, присущие преступлению. Вместе с тем и законодательная, и правоприменительная логика связывают общественную опасность рассматриваемых неправомерных деяний преимущественно с опасностью лица, их совершившего. Например, при решении судами вопросов о применении принудительных мер медицинского характера. О преобладающем значении в характеристике общественной опасности рассматриваемой группы неправомерных деяний данных о личности свидетельствует и само основание их выделения в уголовном законе: как упоминалось ранее, это дефекты сознания и воли соответствующих субъектов, иначе говоря – субъективные признаки.

Наконец, применительно к обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния, сделать вывод о возможности использования понятий «характер» и «степень» общественной опасности можно, как представляется, отталкиваясь от анализа тех обстоятельств, которые лежат в основе разграничения правомерной необходимой обороны и превышения ее пределов.

Об общественной опасности обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, можно вести речь только в случаях, когда нарушаются предусмотренные уголовным законом условия их правомерности и причинение вреда охраняемым общественным отношениям выражается в конкретном преступном деянии. Разумеется, в таком случае применимы и параметры характера и степени общественной опасности, которые используются для характеристики преступного деяния.

Основываясь на изложенном, кратко сформулируем основные выводы:

1. «Характер» и «степень» являются показателями общественной опасности, помогая обнаружить, зафиксировать, охарактеризовать (т.е. наполнить реальным содержанием) данный сущностный признак преступления.

2. Характер общественной опасности должен устанавливаться в зависимости от конкретных признаков преступления, лежащих в рамках его состава и характеризующих его объект, объективную и субъективную стороны и субъекта, а степень общественной опасности – исходя из обстоятельств, которые не отражены в составе преступления, но учитываются судом и влияют на различные аспекты уголовной ответственности.

3. С учетом предлагаемого разграничения между характером и степенью общественной опасности считаем целесообразной следующую редакцию п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58: «Характер общественной опасности преступления

определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, лежащих за пределами состава преступления. К ним могут быть отнесены, например, характер и размер последствий преступления с формальным составом, мотивы, цели, способы деяния, не являющиеся составообразующими или квалифицирующими признаками, характеристики личности виновного, его постпреступное поведение и пр. Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание...» – далее по тексту.

4. Из понятия «степень общественной опасности» нельзя исключать ни личность виновного, ни смягчающие или отягчающие обстоятельства, ни какие-либо другие фактические обстоятельства, влияющие на его общественную опасность. Исходя из этого, предлагается изменить ч. 3 ст. 60 УК РФ следующим образом: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, в том числе личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Суд также учитывает влияние назначенного наказания на достижение его целей и на условия жизни семьи осужденного».

5. Общественная опасность неправомерных деяний зависит от вида такого деяния. По отношению к малозначительным деяниям целесообразно применять понятия характера и степени общественной опасности; общественная опасность деяний, совершенных при наличии различных дефектов сознания и воли (ч. 3 ст. 20, ст. 21, 28 УК РФ) полностью зависит от характеристик личности лица, их совершившего; общественная опасность обстоятельств, исключающих преступность деяния, имеет уголовно-правовое значение только в случаях, когда нарушаются законодательные параметры их правомерности, а причиненный вред выражается в конкретном преступном деянии – соответственно, здесь применимы показатели «характер» и «степень» общественной опасности в том понимании, которое свойственно преступлению.

Список источников

1. Энциклопедия уголовного права. Т. 3: Понятие преступления. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2005. 522 с.
2. Непомнящая Т. В. Учет судами общих начал назначения наказания при избрании меры наказания // *Lex Russica*. 2017. № 12 (133). С. 110–123.

3. Мальцев В. В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 39 с.
4. Пудовочкин Ю. Е. Понятие, критерии и пределы учета общественной опасности преступления судом // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Аспирион», 2019. С. 57–67.
5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Ю. В. Грачевой. М.: Проспект, 2021. 416 с.
6. Благов Е. В. Применение общих начал назначения уголовного наказания: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 192 с.
7. Анисимков В. М., Королева Е. В. Характеристика личности виновного в преступлении как самостоятельное начало в назначении наказания // Российский следователь. 2014. № 1. С. 32–35.

References

1. Encyclopedia of criminal law. T. 3: The concept of crime. St. Petersburg: Ed. Professor Malinin, 2005. 522 p. (In Russ.).
2. Nepomnyashchaya T. V. Consideration by the courts of the general principles of sentencing when choosing a measure of punishment. *Lex Russica*, 2017, no. 12 (133), pp. 110–123. (In Russ.).
3. Maltsev V. V. The problem of reflection and evaluation of socially dangerous behavior in criminal law. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 1993. 39 p. (In Russ.).
4. Pudovochkin Yu. E. The concept, criteria and limits of taking into account the public danger of a crime by the court. In: *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Aspirion" Publ., 2019, pp. 57–67. (In Russ.).
5. Gracheva Yu.V. (ed.). Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 416 p. (In Russ.).
6. Blagov E. V. The use of general principles for the appointment of criminal punishment: monograph. Moscow: Yurlitinform Publ., 2013. 192 p. (In Russ.).
7. Anisimkov V. M., Koroleva E. V. Characteristics of the person guilty of a crime as an independent beginning in sentencing. *Rossiiskii sledovatel'*, 2014, no. 1, pp. 32–35. (In Russ.).

Информация об авторе

И. В. Ищенко – мировой судья судебного участка № 80 Симферопольского судебного района (Симферопольский муниципальный район) Республики Крым, старший преподаватель кафедры уголовного права Крымского филиала Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь, Россия.

Information about the author

I. V. Ishchenko – Justice of the Peace of the judicial district No. 80 of the Simferopol Judicial District (Simferopol Municipal District) of the Republic of Crimea, Associate Professor of the Department of Criminal Law Crimean branch of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice", Simferopol, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 180–187.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 180–187.

Научная статья

УДК 343.37:343.575(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/180-187>

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ НАРКОДОХОДОВ

Илья Сергеевич Землюков¹, Александр Валерьевич Слесарев²

¹УМВД России по Хабаровскому краю, г. Хабаровск, Россия

²Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск, Россия, kaf_ugpd@festu.khv.ru

Аннотация. В данной статье авторами предпринимается попытка анализа юридической практики, связанной с легализацией денежных средств, полученных в результате совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Неоднородность правоприменения, различная квалификация тождественных составов преступлений правоохранительными органами субъектов РФ инициируют наличие разночтений в правовых актах, что, в свою очередь, препятствует формированию единообразия, выработке алгоритма привлечения лица, совершившего вышеуказанное преступление, к уголовной ответственности.

Ключевые слова: квалификация преступлений, наркотики, наркорынок, наркопреступник, организованная группа, криптовалюта, криптокошелек, наркобизнес, сделка, наркоторговля.

Для цитирования: Землюков И. С., Слесарев А. В. О некоторых особенностях квалификации преступлений, связанных с легализацией наркодоходов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 180–187. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/180-187>

Original article

ABOUT SOME FEATURES OF THE QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO THE LEGALIZATION OF DRUG PROCEEDS

Илья Sergeevich Zemlyukov¹, Alexander Valerievich Slesarev²

¹Ministry of Internal Affairs of Russia for the Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Russia

²Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, kaf_ugpd@festu.khv.ru

Abstract. In this article, the authors analyze the legal practice associated with the legalization of funds received as a result of crimes in the field of illicit drug trafficking. The heterogeneity of law enforcement, the different qualification of identical elements of crimes by law enforcement agencies of the subjects of the Russian Federation indicates the presence of discrepancies in legal acts, which, in turn, prevents the formation of uniformity, the development of an algorithm for bringing the person who committed the above crime to criminal responsibility.

Keywords: qualification of crimes, drugs, drug market, drug offender, organized group, cryptocurrency, crypto wallet, drug business, transaction, drug trafficking.

For citation: Zemlyukov I. S., Slesarev A. V. About some features of the qualification of crimes related to the legalization of drug proceeds // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 180–187. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/180-187>

На современном этапе наркотизация является одной из ключевых проблем современного общества. Наркоситуация в Российской Федерации, при некоторых позитивных тенденциях, остается всё же напряженной. Трансформационные процессы, подразумевающие глобализацию наркорынка, эскалацию сбыта синтетических наркотиков и переход практически всех сделок с запрещенными веществами в теневой сектор глобальной сети Интернет, повысили латентность наркобизнеса, оставляя в качестве «вершины айсберга» для официальной статистики рудиментарные проявления незаконного оборота наркотиков, которые государственный аппарат компонует в качестве исходных данных. При этом значительная часть реального объема информации о наркопреступности, оценить которую возможно лишь приблизительно, не охватывается вниманием органов контроля и учета.

Основная цель наркобизнеса, как и любой коммерческой деятельности, – есть извлечение прибыли. Существенные риски для сбытчиков нивелируются сверхдоходами от такой деятельности. Для преступников наркобизнес является коммерчески привлекательным. При этом те способы анонимизации, которые доступны для преступника, позволяют значительно снизить риск перевода денежных средств, заработанных пре-

ступным путем, в легальный сектор. Остановимся подробнее на использовании криптовалюты в процессе легализации наркодоходов. Виртуальные валюты используются на различных этапах движения таких доходов, включая расчеты за наркотики, инфраструктурные вопросы преступной деятельности, в том числе выплату вознаграждений участникам, и непосредственно легализацию полученного преступного дохода. В. В. Струков поясняет, что в Российской Федерации криптовалюта не фигурирует как иностранная валюта или валютная ценность. Правоотношения с использованием таких платежных инструментов имеют только пояснительный характер и направлены на предотвращение отчуждения или приобретения частными и юридическими лицами [1].

Размещение доходов в криптовалюте привлекательно для преступников ввиду следующего:

- криптовалюта не имеет централизованной структуры и не выстроена по типу мировых валютных систем;
- в основном криптовалюта не привязана к юрисдикции определенного государства;
- в отличие от ограниченного перечня мировых валют, криптовалюта как собирательное наименование делится на более чем 3000 видов виртуальных валют, что позволяет оперировать с различными валютами и их комбинациями;
- сама по себе криптовалюта деанонимизирована, и привязка к конкретному пользователю – отнюдь не обязательный атрибут.

В любой «классической» сделке с наркотиками присутствуют следующие материальные носители: непосредственно само наркотическое средство, фиатные денежные средства, а также участники сделки: покупатель и продавец. Привязка к любому из этих носителей позволяла сотрудникам правоохранительных органов успешно раскрывать преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Использование виртуальной валюты дало возможность наркопреступникам, во-первых, исключить из сделки денежные средства как материальный носитель, во-вторых, свести к минимуму, а в некоторых случаях исключить прямое взаимодействие покупателя и продавца. В настоящее время осуществление наркоторговли с использованием криптовалюты позволяет злоумышленникам реже попадать в фокус внимания правоохранительных органов и более эффективно достигать целей незаконной деятельности [2]. Таким образом, для преступника становится логичным и обоснованным перевод своих финансовых операций в криптовалюту.

Однако при очевидных для злоумышленника плюсах использования криптовалюты имеется и существенный недостаток – необходимость совершения дополнительного преступления – легализации денежных средств. Виртуальная валюта как платежное средство весьма ограничена в использовании: с ее помощью возможно совершение практически исключительно незаконных либо околонулевых сделок. Классическое использование добытых преступным путем средств – приобретение товаров и услуг –

возможно только после трансформации криптовалюты в валюту той страны, в которой проживает преступник. На первый взгляд, очевидна логическая последовательность преступных деяний – составы преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в большинстве случаев не подразумевают обязательного признака в виде извлечения финансовой выгоды. Придание правомерного вида владению, пользованию, распоряжению денежными средствами, полученными преступным путем, охватывается диспозицией статьи 174¹ УК РФ и образует самостоятельное преступление. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 достаточно детально прописано, что «если имущество, приобретенное преступным путем, ограничено законом в гражданском обороте, то совершение с ним сделки в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению следует квалифицировать только по соответствующей статье как приобретение либо сбыт оружия, боеприпасов, наркотических средств и т. д. без совокупности со статьями 174 и 174¹ УК РФ. Последующее совершение в указанных целях финансовых операций и сделок с денежными средствами, полученными в результате преобразования такого имущества (к примеру, с денежными средствами, приобретенными в результате продажи наркотического средства), образует объективную сторону преступлений, предусмотренных статьей 174 или статьей 174¹ УК РФ». В рассматриваемой ситуации имеет место то самое преобразование средств, полученных преступным путем. Подтверждением вышесказанного выступают положения того же постановления Пленума Верховного Суда РФ о том, что «цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), как обязательный признак составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ ... может проявляться, в частности, в совершении финансовых операций или сделок с использованием электронных средств платежа, в том числе неперсонифицированных или персонифицированных, но принадлежащих лицам, не осведомленным о преступном происхождении электронных денежных средств» [3].

Вместе с тем проведенный анализ правоприменительной практики позволил авторам обозначить проблему неоднородного применения статей 228¹ УК РФ и 174¹ УК РФ в различных субъектах РФ. В различных регионах отмечаются существенные противоречия в трактовке преступных схем с использованием виртуальной валюты при принятии процессуальных решений, связанных с квалификацией такого рода действий наркопреступников. С начала 2021 г. вступили в силу положения, регулирующие обращение цифровых финансовых активов и цифровой валюты на территории Российской Федерации. Однако до настоящего времени цифровые валюты в качестве имущества для целей уголовного судопроизводства не закреплены. К предмету преступлений, предусмотренных статьёй 174¹ УК РФ, отнесены только денежные средства, преобразованные из виртуальных активов, а не сами виртуальные активы.

В качестве примеров можно привести несколько типичных ситуаций, связанных с неоднозначным применением ст. 174¹ УК РФ. Так, Управлением по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Тверской области в ходе сопровождения уголовного дела установлено, что фигуранты, действуя в составе преступной группы, получали за сбыт наркотиков доход в виде криптовалюты, которую конвертировали в рубли и переводили на банковские карты для обналичивания с целью легализации.

В качестве вознаграждения за совершение серии наркопреступлений руководитель организованной группы осуществлял перевод виртуальной валюты с находящегося в его пользовании криптокошелька на криптокошельки, находящиеся в пользовании наркокурьеров. Далее они совершали финансовые операции по конвертированию криптовалюты в российские рубли в целях придания им легитимного вида.

В ходе расследования уголовное дело по ст. 174¹ УК РФ прекращено по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 24, п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Основанием для прекращения уголовного преследования послужило то, что действия фигурантов нельзя признать незаконными в связи с тем, что на период их участия в преступной деятельности законодательством Российской Федерации виртуальная валюта не была признана в качестве денежных средств или иного имущества, с которым могут производиться финансовые операции и сделки. Кроме того, по мнению правоохранительного органа, действия по совершению финансовых операций не были направлены на придание полученным преступным путем денежным средствам законного вида владения, пользования и распоряжения, а всего лишь предполагали более удобный способ траты полученных денежных средств.

Управлением по контролю за оборотом наркотиков по Пензенской области пресечена деятельность группы лиц, осуществлявших сбыт наркотиков с использованием сети Интернет, за что они получали вознаграждение в криптовалюте, которую конвертировали в рубли и переводили на банковские счета для обналичивания с целью легализации. По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 174¹ УК РФ. В январе 2021 г. приговором Первомайского районного суда г. Пензы фигуранты оправданы по ст. 174¹ УК РФ. По мнению суда, «использование мобильного приложения для совершения операций по переводу наркодоходов с обезличенных криптокошельков, предназначенных для их хранения, не может быть достаточным основанием для признания указанных действий легализацией, поскольку само по себе совершение безналичных операций по переводу криптовалюты не образует состава преступления».

В Республике Коми в ходе расследования уголовного дела по ст. 228¹ УК РФ установлено, что за сбыт наркотиков фигурант получал вознаграждение в виде криптовалюты, которую конвертировал в рубли и переводил на QIWI-кошельки. Далее денежные средства выводились на банковские счета и карты «Яндекс.Деньги», оформ-

ленные на третьих лиц. По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ.

В феврале 2020 г. приговором Сыктывкарского городского суда Республики Коми подсудимый был оправдан в части обвинения по ст. 174¹ УК РФ. По мнению суда, использование при совершении преступлений QIWI-кошельков, оформленных на иных лиц, а также криптовалют само по себе не свидетельствует о цели на легализацию денежных средств. Верховный суд Республики Коми апелляционным определением судебной коллегии оставил вынесенный приговор без изменений.

Сущность проблемы, которая негативно влияет на эффективность противодействия незаконному обороту наркотиков, – это отсутствие единых подходов к квалификации действий участников организованных групп и преступных сообществ в части легализации ими денежных средств или иного имущества в виде виртуальной валюты, приобретённой в результате совершения преступления. Анализ юридической практики показывает распространённость мнения о том, что содеянное квалифицируется исключительно как финансовая составляющая предикатных составов, не образующая признаков легализации. Судебная перспектива дел рассматриваемой категории до настоящего времени неодинакова. В различных субъектах принимаются противоположные по своей правовой сути решения, связанные с вынесением как обвинительных приговоров, так и оправдательных.

Анализ подтвердил, что по делам с криптоэлементом наблюдаются общие проблемы, свойственные направлению противодействия легализации наркодоходов в целом [4, с. 292–296]. При этом основным барьером является признание отсутствия состава преступления, связанного с легализацией преступного дохода, в связи с недоказанностью у обвиняемых умысла на придание вида правомерности владения, пользования и распоряжения средствами от совершения преступлений. Кроме того, даже в случае принятия стороны обвинения (например, Архангельская область, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край) суды применяют минимальные наказания по ст. 174¹ УК РФ, которые в основном сводятся к небольшим суммам штрафа или небольшим срокам заключения. Например, приговором от 4 декабря 2020 г. Котласского городского суда Архангельской области назначено наказание по ст. 174¹ УК РФ в виде штрафа в размере 30 тысяч рублей.

Криптовалюты, являясь средством расчёта и ресурсом для отмывания преступного дохода, фактически переформатировали финансовую составляющую наркобизнеса, задали новый вектор бесконтактному сбыту, увеличив доходность электронной наркокоммерции.

По сути, глобальный наркобизнес получил в своё активное распоряжение ресурс материальной подпитки с гарантиями сохранения полученного преступного дохода от конфискационных мер и анонимности бенефициаров. Решением указанных проблем может стать пересмотр на федеральном уровне подходов к рассмот-

рению дел данной категории судами различных уровней, рассмотрению вопросов усиления рестриктивных мер (в частности, наложение ограничений на весь объем наркодоходов). Формирование единого подхода позволит существенно снизить коммерческую привлекательность наркобизнеса, лишив основных фигурантов источников преступного дохода. Проверяемый в ходе анализа тезис о коммерческой привлекательности наркобизнеса в настоящее время силами российской правоприменительной практики опровергнуть затруднительно.

Резюмируя результаты проведенного анализа, необходимо отметить, что проблема противодействия легализации (отмыванию) наркодоходов с использованием финансовых активов (криптовалюты) остается дискуссионной [5, с. 267–270], тем самым представляя интерес для дальнейших научных изысканий как теоретиков, так и практиков оперативно-розыскной и следственной работы.

Список источников

1. Струков В. М. Становление и регулирование обращения криптовалют: мировой и российский опыт // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 108–112.

2. Исаков, Р. В., Теткин Д. В., Попов А. М. О противодействии легализации (отмыванию) наркодоходов с использованием финансовых активов (криптовалют) // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2. С. 267–271.

3. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/?ysclid=lcjzui4wlg980379595.

4. Герасимов Ю. Ю. Современные способы легализации наркодоходов в Российской Федерации // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2019: сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, Гатчина, 17–18 мая 2019 г. Т. 1. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. С. 292–296.

5. Феденкова Е. А. Направления и способы легализации преступных доходов, меры по противодействию легализации // Новая наука: от идеи к результату. 2016. № 12-1. С. 267–270.

References

1. Strukov V. M. Formation and regulation of circulation of cryptocurrencies: world and Russian experience. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2017, no. 12, pp. 108–112. (In Russ.).

2. Isakov R. V., Tetkin D. V., Popov A. M. On countering the legalization (laundering) of drug proceeds using financial assets (cryptocurrencies). *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2021, no. 2, pp. 267–271. (In Russ.).

3. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 7, 2015 No. 32 (as amended on February 26, 2019) "On judicial practice in cases of legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal by". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/?ysclid=lcjzui4wlg980379595. (In Russ.).

4. Gerasimov Yu. Yu. Modern methods of legalization of drug proceeds in the Russian Federation. In: *Aktual'nye problemy nauki i praktiki: Gatchinskie chteniya – 2019: sbornik nauchnykh trudov po materialam VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Gatchina, 17–18 maya 2019 g.* Vol. 1. Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology Press, 2019, pp. 292–296. (In Russ.).

5. Fedenkova E. A. Directions and methods of money laundering, measures to counter legalization. *Novaya nauka: Ot idei k rezul'tatu*, 2016, no. 12-1, pp. 267–270. (In Russ.).

Информация об авторе

И. С. Землюков – начальник управления по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Хабаровскому краю, Хабаровск, Россия.

А. В. Слесарев – кандидат социологических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия.

Information about the author

I. S. Zemlyukov – Head of the Drug Control Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Russia.

A. V. Slesarev – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Far Eastern State University of Communications, Khabarovsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 188–198.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 188–198.

Научная статья

УДК 347.447.51(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/188-198>

О РАВНОЙ ВИНЕ ДОЛЖНИКА И КРЕДИТОРА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СТАТЕЙ 404, 1083 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ

Олег Валерьевич Крысов

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия,
femida43@mail.ru

Аннотация. Во введении отмечается традиционный подход, а именно: сталкиваясь со встречной виной кредитора, практика обычно исходит из молчаливого предположения о равенстве вины обеих сторон. Потребность в таком предположении подтверждается исторически, однако до сих пор остается не до конца теоретически обоснованной. Так, арбитражный суд Воронежской области выдвинул для объяснения спорную презумпцию равных долей и рисков в праве. Профессор В. А. Ойгензихт восходил к принципу равного причинения. А может быть предположение о равной вине не имеет под собой никаких разумных оснований и, подобно «греху пополам», как о нем говорил И. А. Покровский, является продуктом нашей юридической беспомощности? Цель статьи: обосновать предположение о равной вине должника и кредитора при применении ст. 404, 1083 ГК РФ. *Методологическая основа:* исторический метод, с помощью которого проиллюстрирована потребность практики исходить из равенства вины; материалистическая диалектика, которая позволила применить в цивилистическом исследовании представления о симметрии, вероятности, системный подход и принцип ле Шателье (обобщение третьего закона Ньютона). *Результаты:* выявлено, что предположение о равной вине основано на субъективной неизвестности деталей механизма причинения. Из неведения вытекает субъективная равновероятность причин: априорное предположение о равном участии должника и кредитора в причинении вреда или убытков. Таким образом проявляется индифферентность – один из основных принципов теории вероятностей. Симметрия в бытии (причинах) порождает симметрию в сознании (вине), то есть предположение о равной вине обеих сторон. Другое возможное, но более слабое обоснование состоит в том, что кредитор должен противодействовать упущениям должника, предпринимая для этого равные по интенсивности усилия. Что ка-

сается предложенной судом презумпции о равных долях и рисках в праве, то она не соответствует действительности.

Ключевые слова: встречная вина, симметрия, принцип ле Шателье, равновероятность, индифферентность.

Для цитирования: Крысов О. В. О равной вине должника и кредитора при применении статей 404, 1083 Гражданского кодекса РФ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 188–198. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/188-198>

Original article

ABOUT THE EQUAL FAULT OF THE DEBTOR AND THE CREDITOR IN THE APPLICATION OF ART. 404, 1083 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Oleg Valeryevich Krysov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, femida43@mail.ru

Abstract. When faced with creditor's countervailing fault, the practice usually proceeds from the tacit assumption of equality of fault of both parties. The need for such an assumption has been historically proven but is still not fully justified theoretically. For example, the Voronezh Regional Court of Arbitration put forward the controversial presumption of equal shares and risks in law to explain it. Professor W. A. Oygenzicht went back to the principle of equal causation. Is it possible that the presumption of equal fault has no reasonable basis and, like the "sin in half" referred to by I. A. Pokrovsky, is a product of our legal helplessness? *Objective:* To justify the assumption that the debtor and the creditor are equally at fault in the application of Articles 404, 1083 of the Civil Code of the Russian Federation. *Methodology:* historical method, which illustrated the need of practice to proceed from the equality of guilt; materialistic dialectics, which allowed to apply the notions of symmetry, probability, system approach and le Chatelier principle (generalization of Newton's third law) in civilistic research. *Results:* it was revealed that the assumption of equal guilt is based on the subjective ignorance of the details of the mechanism of causation. Subjective equal probability of causation follows from the ignorance: an a priori assumption of equal participation of the debtor and the creditor in causing damage or loss. Indifference, one of the basic principles of probability theory, thus emerges. Symmetry in being (causes) generates symmetry in consciousness (fault), i.e. the assumption of equal fault of both parties. Another possible but weaker justification is that the creditor must counteract the debtor's omissions with an equal intensity of effort. As to the presumption of equal shares and risks in law proposed by the court, it is not true.

Keywords: mutual guilt, symmetry, Le Chatelier's principle, equiprobability, indifference.

For citation: Krysov O. V. About the equal fault of the debtor and the creditor in the application of Art. 404, 1083 of the Civil Code of the Russian Federation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 1. P. 188–198. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/188-198>

Введение

Сталкиваясь со встречной виной кредитора, суды исходят из предположения о равенстве вины обеих сторон обязательства. Данный подход традиционен для практики и применяется не одно столетие. Русский обычай «грех – пополам» позволял присуждать в пользу потерпевшего половинное возмещение, когда невозможно было определить степень вины обеих сторон [1, с. 30] или была «наполовину вина, наполовину несчастье» [2, с. 433, 435]. Такое решение спора считалось «наипростейшей формой из всех видов компромисса» [1, с. 33].

По словам профессоров К. М. Варшавского [3, с. 111], В. А. Ойгензихта [4, с. 131], Б. Л. Хаскельберга [5, с. 103], в советские годы судебная практика придерживалась того же правила. В других соотношениях убытки взыскивались редко, лишь в отдельных случаях.

В морском праве аналогичная норма была установлена статьей 4 Конвенции для объединения некоторых правил относительно столкновения судов, ратифицированной Россией 1 февраля 1913 г., в которой половинное возмещение объяснялось равным участием сторон в причинении вреда или невозможностью выяснения вклада каждой стороны в причинение.

Статья 158 Кодекса торгового мореплавания СССР сместила акцент с причинности на вину: «если столкновение вызвано виной всех столкнувшихся судов, то ответственность каждого из них определяется соразмерно степени вины»; если «по обстоятельствам дела эта соразмерность не может быть установлена или если степень вины представляется равнозначщей, то ответственность распределяется в равных долях» [Цит. по: 6, с. 266].

Возникает вопрос, имеет ли теоретическое обоснование такая практика? Не является ли она, подобно «греху пополам», как о нём писал И. А. Покровский, продуктом нашей юридической беспомощности? [7, с. 23]. Нет ли здесь сугубо формального подхода, ведь по словам профессора К. К. Яичкова, равенство вины обеих сторон «вообще говоря, может быть понимаемо исключительно формально»? [8, с. 65].

В качестве такого обоснования Арбитражный суд Воронежской области выдвинул «презумпцию равных долей и рисков в праве»¹. Действительно, косвенная

¹ См. решения Арбитражного суда Воронежской области от 28.04.2021 по делу № А14-16040/2020.

презумпция равных долей может быть выведена путем индуктивного обобщения норм о равенстве долей супругов (ч. 1 ст. 39 СК РФ), участников общей долевой собственности (ч. 1 ст. 245 ГК РФ), наследников одной очереди (ч. 2 ст. 1141 ГК РФ), из норм о кладе (ст. 233 ГК РФ), об обязательствах со множественностью лиц (ст. 321 ГК РФ) и т.д. Однако поскольку косвенная презумпция не является источником права (ст. 1–8 ГК РФ), вряд ли она может быть указана в мотивировочной части решения суда в качестве правового обоснования вывода о равенстве вины должника и кредитора.

Что касается презумпции о равных рисках, то она противоречит действительности. Вообще говоря, под риском понимается опасность неблагоприятных последствий [9, с. 5], например, вероятность причинения вреда¹. Независимо от того, к какому объяснению мы прибегаем: причинно-необходимому или вероятностно-статистическому, – любое событие имеет свою причину и совершается в определенных условиях. С развитием науки увеличивается наше знание о причинных связях, в результате чего вероятностное объяснение постепенно заменяется причинным. Макс Планк писал, что «всякая статистика по существу своему часто говорит первое слово, но ей никогда не принадлежит слово последнее» [10, с. 111]. То есть явления, которые сейчас предсказываются только статистически, точно так же зависят от причин и условий, но эти причины и условия зачастую настолько сложны, что мы не всегда в состоянии их понять и учесть. В любом случае вероятности и риски связаны с причинами и условиями, в которых эти причины проявляются.

В этой связи представляется очевидным, что разные участники гражданских правоотношений будут испытывать действие разных причин в разных условиях. Сказанное справедливо как для обязательств, в которых участники преследуют одну цель (простое товарищество, учредительный договор, соглашение о создании произведения в соавторстве и т. п.), так и в особенности для встречных обязательств. Например, разными будут риски у банка и у организации-заёмщика в силу разных причин и условий, в которых эти субъекты действуют. Следовательно, предложенная арбитражным судом «презумпция равных долей и рисков в праве» не годится для обоснования равенства вины должника и кредитора.

Более приемлемой выглядит аналогия нормы ч. 2 ст. 1081 ГК РФ о предполагаемо равной вине нескольких причинителей вреда. Аналогии не бывает без восхождения к общему принципу [11, с. 34], иначе она была бы простым сравнением, которое ничего не доказывает. На роль такого принципа А. Г. Быков выдвинул презумпцию «равного юридического значения всех причин, приведших к наступлению вредоносного результата» [12, с. 10]. Такой же точки зрения придерживался профессор В. А. Ойгензихт: «нет никаких оснований для применения этого принципа только по отношению к со-

¹ См.: статья 2 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

причинителям, исключая из их числа кредиторов (потерпевших)... ввиду невозможности определения действительного влияния различных причин на возникновение и объем вредоносного результата» [4, с. 131]. Присоединяясь к изложенному подходу, попытаемся обосновать его и более четко проследить его связь с виной.

Прежде всего, мы никогда не знаем всех действующих причин. Наше знание о причинах является только вероятностным, и «всегда возможно, что существенные причины могут включать в себя еще не известные дополнительные факторы» [13, с. 28]. Если бы мы знали все действующие причины, не было бы смены научных картин, новых теорий и необходимости в научном прогрессе. В связи с этим от вероятностного прогноза следствий (вероятности *a priori*) наука давно перешла к вероятностному выяснению причин: выбору наиболее правдоподобной причины по ее наблюденному следствию (вероятности *a posteriori*) [14, с. 24]. Такая постановка вопроса представляет собой «обратную задачу: если известно, что произошло такое-то следствие, какова вероятность того, что действовала такая-то причина?» [15, с. 126; 16, с. 67]. Ещё в XVIII в. французский натуралист Ж. Бюффон применял «вероятностные представления для оценки правдоподобия конкурирующих гипотез», объясняющих происхождение планет [17, с. 73].

Развивая идея Якоба Бернулли [18, с. 268], Лаплас «выдвинул пресловутый «принцип индифферентности» – самый знаменитый принцип в истории теории вероятностей», который гласит: «две возможности тогда, и только тогда, равновероятны, когда нет оснований для предпочтения одной из них» [19, с. 47], [20, с. 11, 12]. Если вероятность меньше, чем равная, «положение скорее ложно, чем верно» [21, с. 203–204]. В итоге при любом применении теории вероятностей приходится делать предположение «о равной вероятности каких-то величин, точные значения которых считаются *a priori* неизвестными» [22, с. 259].

Для нас это означает, что субъективная неизвестность причин (особенностей механизма причинения, касающихся участия должника и кредитора в причинении) позволяет предположить равновероятность причинения должником и кредитором, их равное участие в причинении.

От равного причинения перейдем к равной вине. Французский физик Пьер Кюри выдвинул и обосновал важный принцип, согласно которому «когда определенные причины порождают известные следствия, элементы симметрии причины должны вновь появиться в порожденных следствиях» [23, с. 9] или коротко: «симметрия порождает симметрию» [24, с. 355].

Примером такой симметрии является отражение бытия в сознании, вследствие чего К. К. Яичков считал, что «вина не может быть противопоставляема причине, ибо она тоже есть причина» [8, с. 51]. Исходя из этого, равенство причинения (элемент симметрии, относящийся к бытию) влечет такое же равенство в вине (элемент симметрии, относящийся к сознанию).

Весьма может быть, что именно симметрия лучше всего подходит для создания правовых презумпций, поскольку, например, «все априорные утверждения физики имеют своим источником симметрию» [25, с. 144], а развитие старейших разделов физики «показательно для динамики эволюции всей науки в целом» [26, с. 39]. Тем не менее мы не должны забывать, «что речь идет об эвристическом принципе, и не подменять правдоподобностью суждения его доказательную силу» [24, с. 355].

До сих пор мы говорили о симметрии бытия и сознания. Однако равная вина сторон может быть также обоснована симметрией взаимодействия сторон. Как известно, нормы о встречной вине применяются в ситуации, когда нельзя сказать, какая часть убытков или вреда причинена должником, а какая кредитором [27, с. 147; 5, с. 103]. Если бы действовал «агент», а претерпевал «пациент», их отношения были бы асимметричны [18, с. 198]. Если же оба они действуют и нельзя сказать, кто пассивная сторона, а кто активная, то их взаимодействие, наоборот, симметрично.

Для иллюстрации этого тезиса представим себе обязательство как систему, состоящую из субъектов, объектов и норм, которая стремится к равновесию. В таком представлении нет ничего необычного, поскольку системный подход является общенаучной идеей [28, с. 35], а понятие системы очень широкое: системой является «совокупность или множество связанных между собой элементов» [29, с. 17].

По словам исследователя систем Уильяма Эшби, «целенаправленное поведение является примером поведения, устойчивого около некоторого состояния равновесия» [30, с. 120]. Стремление системы к равновесию в наиболее общем виде описал французский физик Анри ле Шателье: любая система изменяется в направлении, обратном по отношению к воздействию на неё [31, с. 120]. Это высказывание обобщает третий закона Ньютона [32, с. 41], который через философию естествознания может быть распространен таким образом на всю философию науки [31, с. 120].

Если наши исходные посылки верны, кредитор должен предпринять «равное и противоположное противодействие» (в формулировках И. Ньютона), чтобы привести систему обратно к равновесию. Тем не менее, надо принять как данность, что в окружающем мире «число неравновесных состояний значительно превосходит число равновесных» [33, с. 120; 18, с. 199]. Следовательно, обоснование гипотезы о равенстве вины с помощью взаимодействия сторон, неразличимости «агента» и «пациента», хотя и апеллирует к бытию, в действительности более слабое, чем обоснование с помощью индифферентности, отражения бытия в сознании и априорного допущения равенства всех действующих причин.

Таким образом, предполагаемое равенство вины – не слабость практики и уж тем более не свидетельство её юридического бессилия, а ответ на извечное стремление к простоте, красоте и гармонии. Нильс Бор считал, что простота, изящество и даже логическая непротиворечивость ещё не подтверждают истину, «заявляя, что о таких вещах можно правильно судить только ретроспективно» [34, с. 65]. Нам

только этого и надо. «Природа любит простоту» – хороший девиз для формулирования опровержимых презумпций.

Список источников

1. Тимофеев П. Г. «Грех – пополам» в русском обычном и иностранном праве // Вестник права. 1903. Январь.
2. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России // Юридические очерки. Т. I. Собственность, обязательства и средства судебного охранения, 1877 г. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pahman_sv_obychnoe_grazhdanskoe_pravo_v_rossii_sobstvennost_obyazatelstva_i_sredstva_sudebnogo_ohraniya_yuridicheskie_ocherk_t_i/.
3. Варшавский К. М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. 228 с.
4. Ойгензихт В. А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе: Ирфон, 1976. 190 с.
5. Хаскельберг Б. Л. Учет вины грузоотправителя и грузополучателя при определении размера возмещения железной дорогой за утрату и повреждение груза // Вопросы советского государства и права. 1966. Т. 183. С. 98–108.
6. Антимонов Б. С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 276 с.
7. Покровский И. А. Обязательства из деликтов в проекте гражданского уложения. Киев: Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1901. 26 с.
8. Яичков К. К. Смешанная ответственность в деликтных обязательствах по советскому гражданскому праву. М., 1945. 107 с.
9. Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве (Часть общая). Душанбе: Ирфон, 1972. 224 с.
10. Планк М. Единство физической картины мира. М.: Наука, 1966. 287 с.
11. Васьковский Е. В. Учебник гражданского права: Вып. 1: Введение и общая часть. СПб.: Издание Юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1894. 169 с.
12. Быков А. Г. Установление причинной связи в практике арбитража // Советская юстиция. 1969. № 8. С. 10–11.
13. Бом Д. Причинность и случайность в современной физике. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 248 с.
14. Власов А. К. Теория вероятностей: Лекции, читаемые студентам Юрид. фак. в осен. полугодии 1908 г. М.: Товарищество скоропечати А. А. Левенсон, 1909. 129 с.
15. Пуанкаре А. Теория вероятностей. Ижевск: Редакция журнала «Регулярная и хаотическая динамика», 1999. 276 с.

16. Борель Э. Случай. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 215 с.
17. Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. М.: Политиздат, 1976. 256 с.
18. Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. М., 1962. 512 с.
19. Кайберг Г. Вероятность и индуктивная логика. М.: Прогресс, 1978. 374 с.
20. Лаплас П. С. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908. 210 с.
21. Джевонс У. С. Основы науки: Трактат о логике и научном методе. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1881. 713 с.
22. Давыдов Б. И. Великий физик (К пятидесятилетию со дня смерти Людвиг Больцмана) // Больцман Л. Статьи и речи. М.: Наука, 1970. С. 259.
23. Готт В. С. Симметрия и асимметрия: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории о-ва «Знание». М.: Знание, 1965. 32 с.
24. Пойа Д. Математическое открытие: Решение задач: основные понятия, изучение и преподавание. М.: Наука, 1970. 452 с.
25. Вейль Г. Симметрия. М.: Наука, 1968. 191 с.
26. Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. М.: Наука, 1985, 327 с.
27. Иоффе О. С. Значение вины в советском гражданском праве // Учёные записки ЛГУ. 1951. № 129. С. 118–160.
28. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 5–343.
29. Гиг Дж. ван. Прикладная общая теория систем: в 2 кн. Кн. 1. М.: Мир, 1981. 336 с.
30. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 432 с.
31. Мицкевич Н. В. Третий закон Ньютона и самосогласованность взаимодействий в физике // Ньютон и философские проблемы физики XX века. М.: Наука, 1991. С. 120.
32. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 687 с.
33. Кравец А. С. Вероятность и системы / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Воронежский гос. ун-т им. Ленинского комсомола. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. 192 с.
34. Розенфельд Л. Развитие принципа дополнительности // Нильс Бор. Жизнь и творчество: сборник статей. М.: Наука, 1967. С. 61–87.

References

1. Timofeev P. G. "Sin – in half" in Russian customary and foreign law. *Vestnik prava*, 1903, January. (In Russ.).
2. Pakhman S.V. Ordinary civil law in Russia. In: *Yuridicheskie ocherki. Vol. I. Property, Obligations and Means of Judicial Protection, 1877*. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pahman_sv_obychnoe_grazhdanskoe_pravo_v_rossii_sobstvennost_obyazatelstva_i_sredstva_sudebnogo_ohraneniya_yuridicheskie_ocherk_t_i/. (In Russ.).
3. Warsaw K. M. Obligations arising from causing harm to another. Moscow: Publishing house of the NKJ RSFSR, 1929. 228 p. (In Russ.).
4. Eugenzicht V. A. Presumptions in Soviet civil law. Dushanbe: Irfon Publ., 1976. 190 p. (In Russ.).
5. Haskelberg B. L. Accounting for the fault of the consignor and consignee in determining the amount of compensation by the railway for loss and damage to cargo. *Vo-prosy sovetskogo gosudarstva i prava*, 1966, vol. 183, pp. 98–108. (In Russ.).
6. Antimonov B. S. The value of the guilt of the victim in a civil offense. Moscow: St. Publishing House of Law. lit., 1950. 276 p. (In Russ.).
7. Pokrovsky I. A. Obligations from torts in the draft civil code. Kyiv: Type. Imperial University of St. Vladimir, 1901. 26 p. (In Russ.).
8. Yaichkov K. K. Mixed liability in tort obligations under Soviet civil law. Moscow, 1945. 107 p. (In Russ.).
9. Eugenzicht V. A. The problem of risk in civil law (General part). Dushanbe: Irfon Publ., 1972. 224 p. (In Russ.).
10. Plank M. Unity of the physical picture of the world. Moscow: Nauka Publ., 1966. 287 p. (In Russ.).
11. Vaskovsky E. V. Textbook of civil law: Issue. 1: Introduction and general part. St. Petersburg: N. K. Martynov's Legal Book Store, 1894. 169 p. (In Russ.).
12. Bykov A. G. Establishing a causal connection in the practice of arbitration. *Sovetskaya yustitsiya*, 1969, no. 8, pp. 10–11. (In Russ.).
13. Bohm D. Causality and randomness in modern physics. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1959. 248 p. (In Russ.).
14. Vlasov A. K. Probability theory: Lectures given to law students in autumn. half a year of 1908. Moscow: A.A. Levenson's Short Press Partnership, 1909. 129 p. (In Russ.).
15. Poincare A. Probability theory. Izhevsk: Editorial Board of the Journal "Regular and Chaotic Dynamics", 1999. 276 p. (In Russ.).
16. Borel E. Case. Moscow; Petrograd: Gosizdat Publ., 1923. 215 p. (In Russ.).
17. Kuptsov V. I. Determinism and probability. Moscow: Politizdat Publ., 1976. 256 p. (In Russ.).

18. Bunge M. Causality. The place of the principle of causality in modern science. Moscow, 1962. 512 p. (In Russ.).
19. Kaiberg G. Probability and inductive logic. Moscow: Progress Publ., 1978. 374 p. (In Russ.).
20. P. S. Laplace, experience in philosophy of probability theory. Moscow, 1908. 210 p. (In Russ.).
21. Jevons W.S. Fundamentals of Science: A treatise on logic and scientific method. St. Petersburg: L.F. Panteleev Publ., 1881. 713 p. (In Russ.).
22. Davydov B.I. Great physicist (On the fiftieth anniversary of the death of Ludwig Boltzmann). In: Boltzman L. *Articles and speeches*. Moscow: Nauka Publ., 1970. C. 259. (In Russ.).
23. Gott V.S. Symmetry and asymmetry: A transcript of a public lecture delivered at the central lecture hall of the Knowledge Island. Moscow : Znanie Publ., 1965. 32 p. (In Russ.). (In Russ.).
24. Poya D. Mathematical discovery: Problem solving: basic concepts, learning and teaching. Moscow: Nauka Publ., 1970. 452 p. (In Russ.).
25. Weil G. Symmetry. Moscow: Nauka Publ., 1968. 191 p. (In Russ.).
26. Prigogine I. From existing to emerging: Time and complexity in the physical sciences. Moscow: Nauka Publ., 1985, 327 p. (In Russ.).
27. Ioffe O. S. The meaning of guilt in Soviet civil law. *Uchenye zapiski LGU*, 1951, no. 129, pp. 118–160. (In Russ.).
28. Engels F. Anti-Dühring. The Revolution in Science Produced by Mr. Eugene Dühring. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. Ed. 2nd. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1961, vol. 20, pp. 5–343. (In Russ.).
29. Gig J. van. Applied general systems theory: in 2 books. Book. 1, Moscow: Mir Publ., 1981. 336 p. (In Russ.).
30. Ashby W. R. Introduction to cybernetics. Moscow: Publ. house of foreign literature., 1959. 432 p. (In Russ.).
31. Mitskevich N. V. Newton's third law and self-consistency of interactions in physics. In: *N'yuton i filosofskie problemy fiziki XX veka* *Newton and philosophical problems of physics of the XX century*. Moscow: Nauka Publ., 1991, p. 120. (In Russ.).
32. Newton I. Mathematical principles of natural philosophy. Moscow: Nauka Publ., 1989. 687 p. (In Russ.).
33. Kravets A. S. Probability and systems. Voronezh: Voronezh Institute Publishing House, 1970. 192 p. (In Russ.).
34. Rosenfeld L. Development of the complementarity principle. In: *Nil's Bor. Zhizn' i tvorchestvo: sbornik statei*. Moscow: Nauka Publ., 1967, pp. 61–87. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Крысов – соискатель степени кандидата юридических наук Саратовской государственной юридической академии, юрист адвокатского бюро «Жаров Группа», г. Москва, Россия.

Information about the author

O. V. Krysov – Applicant for a Candidate's degree in Law, Saratov State Law Academy, lawyer of Zharov Group Law Office, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 02.03.2023.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 02.03.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 199–216.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 199–216.

ИМЯ В НАУКЕ

Персоналии

УДК 34-051(091)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/199-216>

ТРИ ИПОСТАСИ В. М. ЧХИКВАДЗЕ

Александр Иванович Чучаев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия,
moksha1@ Rambler.ru

Аннотация. В очерке представлен доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР В. М. Чхиквадзе, 110-летие со дня рождения которого научная общественность отметила в прошлом году. Показан его путь в науку, дана характеристика творческого наследия по военно-уголовному праву и теории прав человека, рассказывается о деятельности в качестве организатора образования и науки (начальника Военно-юридической академии, директора Института государства АН СССР), а также о государственной и общественной деятельности, в том числе в ООН и Всемирном совете мира (ВСМ).

Ключевые слова: В. М. Чхиквадзе, член-корреспондент АН СССР, военно-уголовное право, теория прав человека, Военно-юридическая академия, начальник, Институт права, директор, секретарь ЦК КП Грузии, Юридическая комиссия при Совмине СССР, Секретарь ВСМ, работа в ООН.

Для цитирования: Чучаев А. И. Три ипостаси В. М. Чхиквадзе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 199–216.
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/199-216>

NAME IN SCIENCE

Personalities

THREE IMAGES OF V. M. CHKHIKVADZE

Alexander Ivanovich Chuchaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
mokshal@rambler.ru

Abstract. The essay presents Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V. M. Chkhikvadze, whose 110th birthday was celebrated by the scientific community last year. His path to science is shown, his creative heritage in military criminal law and the theory of human rights is characterized, his activities as an organizer of education and science (head of the Military Law Academy and as the director of the Institute of State of the USSR Academy of Sciences), as well as the state and social activities, including in the UN and the World Peace Council (WPC).

Key words: V. M. Chkhikvadze, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR, Military Criminal Law, Theory of Human Rights, Military Law Academy, Head, Institute of Law, Director, Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Georgia, Legal Commission under the Council of Ministers of the USSR, Secretary VSM, work in the UN.

For citation: Chuchaev A. I. Three images of V. M. Chkhikvadze // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 199–216. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/199-216>

Трудный путь в науку

Строго говоря, точная дата рождения доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук СССР Виктора Михайловича Чхиквадзе неизвестна; по свидетельству его родителей, это был то ли 1911, то ли 1912 г. Поэтому она была определена им самим уже при получении документа об окончании средней школы. С его слов было записано: родился 1 января 1912 г. в д. Зоврети Зестафонского района Грузии. Деревня располагалась недалеко от г. Зестафони между двумя речушками – Дзуса и Хмордоли. Главной достопримечательностью Зоврети являлись, пожалуй, мост, по преданиям, построенный еще при царице Тамаре, и руины древнейшей крепости, так называемой «Мацаберидзис» цихе.

У его родителей – Михаила Ивановича Чхиквадзе и Лидии Павловны Киркидзе – было двое сыновей; брат Владимир был моложе Виктора на пять лет.

Окончив местную начальную и в соседней д. Сазано семилетнюю школу, он хотел продолжить учебу, но отец решил иначе – отдал его в ученики своему пле-

мяннику в пос. Чхари, где тот имел собственную сапожную мастерскую. Однако примерно через год, уступив настоятельным просьбам матери (сын все равно не научился тачать сапоги), отец отвез Виктора в Кутаиси, где он и закончил десятилетку. В Кутаисской школе вступил в члены ВЛКСМ, избирался членом бюро комсомола, работал пионервожатым в начальной школе.

Кстати сказать, тогда же произошел и курьезный случай, связанный с именем Чхиквадзе. Учитель русского языка, прочитав на обложке тетради по русскому языку «Виктор Чхиквадзе», красным карандашом зачеркнув имя, крупными буквами написал «Виктор». Но дома все его звали Биктором, в свидетельствах об окончании начальной и семилетней школы также значилось это имя. Но с этого времени он стал Виктором.

О юриспруденции Чхиквадзе не помышлял, ему хорошо давалась математика, поэтому собирался поступить на математический факультет Тбилисского государственного университета, но заболел и в связи с этим пропустил сроки подачи документов. Однако в августе 1930 г. в Тбилиси при ЦИК Грузии открылся Институт советского строительства и права, где занятия начинались несколько позднее, чем в других вузах. Немаловажным было и то, что членов колхозов зачисляли без вступительных экзаменов. В этой связи была задумана и с помощью мамы проведена молниеносная «акция». «...Заручившись поддержкой матери, попросил его (отца. – А. Ч.) выделить причитающуюся мне четвертую часть движимого и недвижимого имущества и согласиться на мое вступление в колхоз, – вспоминал Чхиквадзе. – Учитывая мое желание получить высшее образование, отец нехотя согласился, и буквально за несколько дней мне удалось оформить свое членство в колхозе. Я стал студентом, но отца «раскулачили» – забрали четвертую часть земли, скота и другого домашнего имущества. Чтобы облегчить... переживания отца, я должен был хорошо учиться, что и делал» [1, с. 14].

В Институте советского строительства и права студент Чхиквадзе слушал лекции известных грузинских юристов и философов, большинство из которых были представителями дореволюционной юридической школы (Л. Андроникашвили, К. Бокрадзе, А. Вачейшвили, С. Нанейшвили, И. Сургуладзе и др.). Молодые ученые-коммунисты резко критиковали буржуазных профессоров. За чистотой марксистско-ленинской юридической науки строго следило партбюро Института, которое привлекало к своей работе наиболее успевающих студентов-комсомольцев. По заданию партбюро студент Чхиквадзе опубликовал статью в республиканской комсомольской газете «Ахалгазда комунисти» («Молодой коммунист»), в которой критиковал троцкистские взгляды студента Габелая и преподавателя политэкономии Чхладзе. Как признавался позже автор публикации, «я... и не знал толком смысл слова “троцкизм”, но зато “успешно” выполнил задание партбюро...» [1, с. 16].

Однако вскоре и сам Чхиквадзе попал в опалу. За срыв стенгазеты, в которой учебная группа была изображена в виде черепахи (в этой группе он возглавлял первичную комсомольскую организацию), был исключен из комсомола. Не дожидаясь

общего собрания, которое должно было утвердить это решение, задумал уехать в Москву, предварительно заручившись письмом зав. отделом агитации и пропаганды ЦК КП Грузии К. Орагвелидзе (читал лекции по политэкономии, поэтому хорошо знал его).

В Москве Институт советского права в то время возглавлял П. И. Стучка, который и зачислил Чхиквадзе на второй курс, т. е. на курс ниже. Учебный план второго года обучения им был выполнен еще в Тбилиси, поэтому целый год осваивал русский язык. В 1934 г., успешно окончив институт, по рекомендации зав. кафедрой земельного и колхозного права А. А. Павлова был принят в аспирантуру. Однако прислушавшись к совету А. А. Пионтковского, вскоре перешел на кафедру уголовного права, которой в то время заведовал Н. В. Крыленко. Активная общественно-политическая работа и ведение практических занятий по уголовному праву в ряде вузов Москвы отвлекали от подготовки кандидатской диссертации (тема исследования – «Борьба с хулиганством»), защита которой состоялась только в 1938 г. В следующем году она была издана отдельной брошюрой [2].

В ноябре 1946 г. во Всесоюзном институте юридических наук защитил докторскую диссертацию на тему «Основные проблемы военно-уголовного права» [3, с. 334], официальными оппонентами по которой выступили известные ученые А. А. Герцензон, М. М. Исаев, М. С. Строгович. В дискуссии по диссертации также приняли участие А. Н. Трайнин, М. Н. Гернет, А. А. Пионтковский, Н. Л. Сухов и др. В 1947 г. ему присвоено ученое звание профессора.

Так началась жизнь Чхиквадзе в науке.

Ипостась первая – наука

Чхиквадзе стоял у истоков советского военно-уголовного права, что уже само по себе создавало немалые трудности для ученого. Будучи последовательным сторонником признания его самостоятельной отраслью права, много внес в разработку концептуальных основ военно-уголовного права.

Как и сейчас [4; 5; 6], так и тогда вопрос о выделении военного права вообще и военно-уголовного права в частности относился к числу дискуссионных. Причем критиковалось не только признание военно-уголовного права самостоятельной отраслью, но критика была направлена и непосредственно на самого Чхиквадзе. Если по первому моменту в первую очередь обращалось внимание на то, что нет ясности об объеме военно-уголовного права, то относительно автора высказывались куда менее дипломатично. Например, утверждалось, что интересы борьбы с воинскими преступлениями действительно требуют их «глубокой теоретической разработки... Но для успешного решения этой задачи необходимо... окончательно преодолеть ошибочную концепцию... о самостоятельном существовании особой отрасли права – “советского военно-уголовного права”» [7, с. 84].

М. С. Строгович писал: «Незадолго до войны некоторыми военными юристами была выдвинута мысль о создании “военного права”, действующего наряду с “общим правом” и отличающегося от него своей “военной спецификой”. Но эта концепция сразу же встретила возражения, решительно оспаривалась. В последующем она не получила признания юридической общественности и сколько-либо значительного распространения, а затем была полностью отброшена. Действительно, концепция “военного права” неизбежно влекла признание наличия “военной законности”, в чем, собственно говоря, и был ее смысл. Но это было принципиально неверно и недопустимо, сама идея “военной законности” коренным образом противоречила сущности советской социалистической законности» [8, с. 144]. Справедливости ради надо заметить, что Чхиквадзе никогда не говорил о военной законности.

Некоторые современные ученые полагают, что «основная особенность попытки формирования специального права, в том числе военного, заключается в том, что весь этот процесс был элементом политической борьбы. Причины создания военного (военно-уголовного) права были чисто политическими: руководству страны в 1930–1953 гг. были необходимы органы специальной юстиции для проведения репрессий и контроля органов общей юстиции. Для решения этих задач и была предпринята попытка формирования военного права. Со смертью главного инициатора этого процесса (И. В. Сталина) сворачиваются репрессии и отпала необходимость в органах специальной юстиции, а следовательно, и в формировании специального права, в том числе и военного...» [9, с. 136]. Вряд ли с этим можно согласиться, и не только потому, что автор путает институциональные образования (органы специальной юстиции) с материальным уголовным правом, но и потому, что военно-уголовное право сформировалось задолго до указанного времени, преподавалось в высших учебных заведениях России, имеет солидную библиографию [10, с. 272–273].

Отвечая на критику, Чхиквадзе писал, что «существование советского военно-уголовного права обусловлено существованием Красной Армии, теми особенностями ее жизни и деятельности, которыми она отличается от других советских организаций» [11, с. 47]. Присущие условиям военного быта отличия от условий гражданского быта вызываются особым назначением Вооруженных сил – защиты советского государства от нападений врага, обеспечения неприкосновенности и независимости СССР. Сущность военной службы состоит в готовности каждого военнослужащего и армии в целом в любой момент выступить на защиту Родины, не щадя жизни для достижения победы над врагом. В этом заключается самое главное, основное отличие военной службы, которое ставит ее в особое положение по сравнению со всеми другими видами государственной и общественной деятельности.

Военная служба в Вооруженных Силах СССР возлагает на военнослужащих особые по своей природе, исключительные по государственной важности и ответ-

ственности обязанности. Нарушение или невыполнение ими указанных обязанностей составляет существо воинских преступлений и проступков. Характер последних предполагает возможность их совершения исключительно в условиях армии. Воинские преступления потому и называются таковыми, что они являются общественно опасными посягательствами на интересы армии и могут быть совершены только военнослужащими.

Таким образом, делает вывод автор, советское военно-уголовное право охраняет от преступных посягательств боевую мощь Вооруженных Сил СССР, советскую воинскую дисциплину и установленный порядок несения военной службы. «Советское военно-уголовное право, – пишет Чхиквадзе, – определяет воинские преступления... и устанавливает соответствующие наказания, применяемые военным судом на основании советских законов в отношении военнослужащих, виновных в совершении этих преступлений» [12, с. 12]. Уголовные наказания, применяемые за воинские преступления, могут быть как специальными, т. е. воинскими, применяемыми только к виновным военнослужащим (например, направление в дисциплинарный батальон, лишение воинского звания), так и общими, т. е. применяемыми к виновным гражданским лицам и военнослужащим (например, лишение свободы, конфискация имущества и т. д.).

Выделение военно-уголовного права в самостоятельную отрасль права предполагает его обособление от общеуголовного права, а соответственно, определение их соотношения. Чхиквадзе исходит из того, что «как общеуголовное, так и военно-уголовное право выражают основные взгляды Советского государства на преступление и наказание, на принципы вменения в вину преступных деяний и наказуемости виновных. Общность взглядов советского законодателя на преступление и наказание и единство юридических начал о вине и уголовной ответственности обуславливают неразрывную связь советского общеуголовного и военно-уголовного права. Между ними не может быть принципиального, коренного различия... Советское военно-уголовное право следует рассматривать как применение основных принципов социалистического уголовного права в борьбе с особым рода преступлениями – воинскими преступлениями» [12, с. 25–26].

Однако, как считает Чхиквадзе, это не исключает между сравниваемыми отраслями права и весьма существенных различий. Так, военно-уголовные законы охватывают две группы норм:

- 1) военно-уголовные законы, применяемые как в мирное, так и в военное время;
- 2) военно-уголовные законы, применяемые только в военное время (военно-уголовные законы военного времени) [13, с. 7].

Общеуголовные законы такого деления не имеют.

Принцип безусловного повиновения в армии обуславливает в военно-уголовном праве невменение в вину подчиненному последствий исполнения приказа.

Ответственность несет начальник, отдавший приказ (исключение составляют случаи исполнения приказов, преступность которых для исполнителей очевидна; этот вопрос так решается и в современном уголовном праве – ст. 42 УК РФ). Хотя общая часть советского уголовного права является обязательным структурным элементом военно-уголовного права, тем не менее данное обстоятельство не означает ее механического использования в сфере рассматриваемой отрасли, учитывающей, как уже говорилось, особенности организации и функционирования вооруженных сил страны. Это хорошо видно на примере обстоятельств, исключающих преступность деяния. Так, если для всех граждан необходимая оборона признается правом, то для военнослужащего – обязанностью. В то же время в военно-уголовном праве действие нормы о ней в ряде случаев ограничивается исходя из сущности отношений, например начальника и подчиненного. В условиях вооруженных сил крайняя необходимость либо вообще неприемлема, либо может иметь ограниченный характер.

Определение воинского преступления, хотя и основывается на общем понятии преступления, однако содержит признаки, которые не присущи последнему: во-первых, имеет место особый характер преступного деяния – оно направлено против воинской дисциплины и установленного порядка несения военной службы; во-вторых, совершает это деяние специальный субъект – военнослужащий. Следовательно, специфика рассматриваемого посягательства проявляется в объекте и субъекте преступления.

Следует заметить, что, помимо указанных, В. М. Чхиквадзе, М. М. Исаев и Б. С. Утевский особо выделяют и такой специфический признак воинского преступления, как условия времени и места их совершения. «Для воинских преступлений, – пишут авторы, – этот признак имеет огромное значение. Прежде всего, Положение (имеется в виду о Положении о воинских преступлениях 1924 г. в ред. от 1927 г. – А. Ч.) предусматривает такие преступления, совершение которых возможно лишь в военное время... При иных воинских преступлениях совершение их в военное время повышает уголовную ответственность... В других статьях Положения о воинских преступлениях говорится о совершении преступления в “районе военных действий”...» [13, с. 17–18].

Указанные М. М. Исаевым и Б. С. Утевским признаки характеризуют отдельные воинские преступления, выступая конструктивными или квалифицирующими, но не присущи рассматриваемым деяниям как таковым, всем без исключения. Иначе говоря, они не характеризуют родовое понятие воинского преступления, поэтому, на наш взгляд, В. М. Чхиквадзе обоснованно не включал их в круг специфических черт указанных посягательств.

Ученый много внимания уделяет характеристике науки военно-уголовного права. Автор приходит к неутешительному выводу: «...Если вопросы военного дела, состав-

ляющие основной предмет военной науки, разработаны основательно, то научная разработка военно-правовых вопросов до сих пор не получила должного развития» [13, с. 41]. Небезынтересно отметить, что так же оценивали состояние военно-уголовной науки и дореволюционные криминалисты. Например, В. Д. Кузьмин-Караваев писал: «Современное состояние науки военно-уголовного права крайне печально. Наука совершенно не разработана; литература отсутствует. Нет ни одной не только у нас, но и на Западе, сколько-нибудь выдающейся монографии по основным теоретическим вопросам» [10, с. 7]. По его мнению, это стало возможным из-за исторически сложившегося взгляда на армию как на учреждение, которому чужда правовая жизнь. В. Д. Кузьмин-Караваев замечает: «В самое отдаленное время древнее изречение “под оружием умолкают законы” имело оправдание, но оно оказалось живучим настолько, что и ныне, несмотря на полное его несоответствие с действительностью, обратное положение еще далеко не стало аксиомой» [10, с. 7].

По мнению Чхиквадзе, наука военно-уголовного права должна охватывать: 1) общее понятие военно-уголовного права, его предмет и систему; 2) историю военно-уголовного права; 3) учение о военно-уголовном законе; 4) учение о воинском преступлении; 5) учение об особенностях применения институтов общей части уголовного права к воинским преступлениям; 6) учение о наказаниях, применяемых за воинские преступления. С позиций сегодняшнего дня предмет указанной науки выглядит неполным. А. А. Тер-Акопов замечал, что «военно-правовая наука не может замыкаться только на военной проблематике, а должна включать исследование правовых аспектов всего круга оборонных вопросов, которыми ни одна другая отрасль правовых знаний не занимается...» [6, с. 23].

Какое-то время Чхиквадзе в силу разных причин не интересовался проблемами преступлений против военной службы, к ним он вернулся уже при подготовке Курса советского уголовного права. Написанный им раздел основан на уголовно-правовой доктрине (к этому времени вышли работы С. Н. Орловского и В. И. Малкиса, К. И. Солнцева, Х. М. Ахметшина, В. Н. Кудрявцева и др.), учитывает запросы следственной и судебной практики. Предложенная автором классификация рассматриваемых преступлений в той или иной мере используется и современными авторами [14, с. 447–536].

Чхиквадзе стоял у истоков еще одного из направлений правовой науки – исследование и научная разработка проблем прав человека, в то время (да, впрочем, и сейчас) являющихся одним из краеугольных камней идеологической борьбы, а в незапамятные времена выступавших предметом постоянной критики СССР [15]. В одной из первых работ, посвященных указанной теме, автор пишет: «Буржуазные философы, социологи и юристы критикуют марксизм за то, что он, занимаясь разработкой закономерностей развития человеческого общества в целом, дескать, упустил из виду личность, ее ценности, интересы и потому не дает ответа на вопрос, в

чем смысл жизни, как обеспечить расцвет каждого человека и всего человечества. Буржуазные критики видят “порок” марксизма в том, что он, рассматривая человека в непрерывной связи с общественными отношениями, будто бы подменяет изучение человека изучением общественных отношений» [16, с. 36].

В Институте государства и права был организован специальный сектор прав человека (он существует и сейчас), который в 1977–1988 гг. возглавлял Чхиквадзе. Ученый сам и под его руководством члены сектора исследовали широкий круг вопросов, которым ранее не придавалось столь пристального внимания: правовой статус личности, реализация прав граждан, совершенствование внутригосударственных и международных механизмов защиты прав человека [17, с. 85] и др. Опубликованные по их итогам работы были положительно восприняты научной общественностью не только Советского Союза, но и ряда стран социалистического лагеря (33 статьи по указанным проблемам Чхиквадзе были опубликованы в зарубежных изданиях на английском, немецком и др. языках). Они были востребованы законодательными органами, использовались в деятельности судов и правоохранительных органов страны.

Сотрудники сектора участвовали в подготовке проектов двух конституций: СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. В них нашел отражение не только широкий комплекс прав и свобод граждан, но и конституционные принципы взаимоотношений государства и человека. Именно на этих обстоятельствах акцентировал внимание Чхиквадзе в ряде опубликованных работ [18, с. 5]. Автор, признавая универсальное значение прав человека, отмечал, что «в Советском государстве прочно утверждается новый подход к международным аспектам проблемы прав человека, преодолеваются догматические установки в этой сфере, права человека рассматриваются в контексте общечеловеческих интересов...» [19, с. 30].

Идеи Чхиквадзе находили отклик в ряде зарубежных стран, чему способствовало укрепление международного сотрудничества в сфере прав человека не только с социалистическими странами, в частности Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Чехословакией, но и с рядом капиталистических стран. Итоги пятилетнего сотрудничества российских и американских учёных нашли отражение в коллективной монографии и сборнике статей.

Одно из предложений Чхиквадзе, к сожалению, осталось нереализованным, но не утратившим своего значения. Речь идет о создании международного акта (кодекса), объединяющего все положения о правах человека, содержащиеся в различных международно-правовых документах. Он исходил из того, что такой кодекс может способствовать единообразному пониманию принципов, идеалов и понятий, отражающих права человека [19, с. 33].

Чхиквадзе реалистичен в оценке своего вклада в правовую науку. «В общей сложности, – пишет он, – я опубликовал 400 работ, из них 12 монографий и 3 учеб-

ника. Конечно, эти труды написаны с позиции тех времен, когда в стране господствовала коммунистическая идеология. Но если отбросить марксистскую фразеологию, они все же представляют... определенную ценность...» [1, с. 98].

В 1964 г. Чхиквадзе был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1971 г. – действительным членом Академии наук Болгарии. В том же году получил почетное звание доктора права Университета г. Сегед (Венгрия).

Под его научным руководством подготовлено более 40 кандидатов юридических наук (в том числе 5 иностранных граждан), многие из которых впоследствии стали докторами наук, членами Академии наук СССР и союзных республик.

Ипостась вторая – организатор образования и науки

После окончания аспирантуры (1938) Чхиквадзе получил назначение в Саратов заместителем директора юридического института по научной и учебной работе. Не желая уезжать из Москвы, он воспользовался предложением начальника военно-юридического факультета Всесоюзной правовой академии перейти к нему штатным преподавателем. Для этого Чхиквадзе обратился с заявлением на имя командующего Московским военным округом о добровольном призыве рядовым красноармейцем в РККА. Для прохождения службы он был направлен на указанный факультет. Год спустя ему присвоили воинское звание военного юриста 3 ранга (соответствует званию капитана РККА, капитан-лейтенанта на флоте, лейтенанта органов госбезопасности). В конце 1939 г. Чхиквадзе возглавил кафедру уголовного и военно-уголовного права Военно-юридической академии, получил звание военного юриста 2 ранга (майор РККА, старший лейтенант органов госбезопасности; как правило, носитель этого звания был военным прокурором дивизии). В 1944 г. стал заместителем начальника академии, а в 1948 г. – ее начальником. Ему было 36 лет, был в звании полковника, а до него академию возглавляли только генералы. Кроме того, с января 1947 г. по сентябрь 1948 г. одновременно руководил Всесоюзным институтом юридических наук (ВИЮН) Министерства юстиции СССР.

Военно-юридическая академия выросла из Учительского института Красной Армии, созданного в 1919 г. в Петрограде. В 1938 г. академии было присвоено имя В. И. Ленина, она переведена в Москву. В 1948 г. на основании директивы Генштаба Вооруженных Сил СССР вуз стал именоваться Военно-политической ордена Ленина, Краснознаменной академией имени В. И. Ленина. От имени Президиума Верховного Совета СССР в апреле этого же года академии вручено Знамя части. Ныне это Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ.

Таким вузом предстояло командовать Чхиквадзе в течение 15 лет. Профессорско-преподавательский состав академии был одним из сильнейших в СССР. Здесь трудились ученые-юристы А. И. Авдеев, Г. А. Аксененок, С. Н. Братусь, А. И. Винберг, Н. А. Виноградов, П. Н. Галанза, А. А. Герцензон, С. А. Голунский, А. В. До-

зорцев, С. Ф. Кечекьян, Е. А. Коровин, Б. П. Кравцов, С. Б. Крылов, А. Е. Лунев, М. Б. Митин, А. И. Полторацк, А. К. Стальгевич, С. С. Студеникин, Н. П. Фарберов и др. Кстати сказать, многие слушатели тех лет, закончив адъюнктуру академии, стали известными учеными: А. С. Бахов, П. П. Гуреев, Н. И. Загородников, В. П. Казимирчук, М. П. Карпушин, А. С. Кобликов, М. И. Козырь, Н. И. Краснов, В. Н. Кудрявцев, И. Л. Петрухин, М. М. Славин, В. И. Смолярчук и др.

Академия располагала богатой библиотекой (в ее фондах была практически вся литература императорской военно-юридической академии, С.-Петербург), которая ежегодно пополнялась в том числе и за счет трудов, издаваемых научным коллективом: учебников, учебных пособий и т. д. Высокую оценку получила «Библиотека военного юриста» (18 вып.). Академия систематически проводила научные конференции, материалы которых издавались отдельными сборниками.

Академии было доверено участвовать в военном параде, во главе «парадной коробки» шел Чхиквадзе.

Будучи начальником Военно-юридической академии, принимал активное участие в разработке проектов законов, читал лекции на юридическом факультете МГУ, Высшей школе НКВД СССР и др.

В 1953 г. жизнь Чхиквадзе резко изменилась – его направили на партийную работу в Грузию. Однако пробыл там недолго, в 1954 г. вернулся в Москву, получил назначение на должность заместителя директора Института права АН СССР. С этого времени Чхиквадзе стал организатором науки, осуществлял кураторство над секторами общей теории государства, уголовного права и уголовного процесса, аспирантурой и др. На него были возложена и организация международных связей Института.

В 1964 г. Чхиквадзе возглавил Институт государства и права АН СССР (до этого два года – с 1962 по 1964 – руководил Юридической комиссией при Совете Министров СССР).

Первое мероприятие, которое он организовал и провёл, было исключение из названия Института имени А. Я. Вышинского, чему, надо заметить, некоторые учёные активно препятствовали. В статье, специально посвященной его влиянию на развитие советской правовой науки, автор делает вывод: «...теоретические установки Вышинского служили не делу внедрения в жизнь принципов социалистического права, законности и справедливости, а наоборот, обоснованию и оправданию массового произвола и беззакония, грубых нарушений прав и свобод человека» [20, с. 66].

В 1964 г. было принято известное постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и образования в стране». В связи с этим научным учреждениям стало уделяться больше внимания. Если в 1962 г. в Институте было 102 научных сотрудника, то к 1973 г. их численность увеличилась втрое. Основным «поставщиком» кадров выступала Военно-юридическая академия. Именно

оттуда пришли А. И. Винберг, В. П. Казимирчук, А. П. Косицын (с 1964 по 1970 гг. – заместитель директора Института), В. Н. Кудрявцев, Е. А. Скрипилев и др.

Институт принимал активное участие в подготовке законопроектов и докладных записок по вопросам совершенствования государственного аппарата и законодательства. Систематически проводились научные конференции по наиболее актуальным проблемам правовой науки, причем в них принимали участие не только видные советские ученые, государственные и общественные деятели, но и научные юридические центры зарубежных стран. Институт позиционировал себя как крупнейший научно-исследовательский центр, каковым, по сути, он в то время и являлся.

Годы работы Чхиквадзе в Институте были творчески и организационно насыщенными, интересными, но небезоблачными. Были непростые отношения с рядом коллег. Возможно и поэтому он не стал академиком (выдвигался дважды, однако оба раза не набрал достаточного количества голосов). В 1973 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС объявил ему строгий выговор с занесением в учетную карточку, признав невозможным его дальнейшее пребывание в должности директора. Чхиквадзе был обвинен в том, что, имея благоустроенную квартиру в Москве и дом в Гаграх, приобрел двухэтажный кирпичный особняк в Подмоскowie.

Чхиквадзе был переведен в старшие научные сотрудники, а Институт возглавил В. Н. Кудрявцев.

Ипостась третья – государственный и общественный деятель

В 1953 г., после известного «менгрельского дела», формировался новый состав руководства Грузии. Политбюро ЦК КПСС Чхиквадзе был рекомендован, а затем партийной организацией Грузии избран секретарем ЦК Компартии республики по идеологии (как уже говорилось, в это время он возглавлял Военно-юридическую академию). Вскоре стал и депутатом Верховного Совета Грузинской ССР.

Обстановка в Грузии, по признанию самого Чхиквадзе, была сложной. Экономика была подорвана, а идеологическая работа запущена. Назревал кризис в Абхазии. У него постоянно возникали разногласия с первым секретарем ЦК Компартии Грузии А. И. Мирцхулавой. Не посчитались с его мнением и при рекомендации на пост первого секретаря ЦК Компартии В. П. Мжаванадзе, с которым у него также не сложились отношения. В 1954 г. он был освобожден от занимаемой должности.

По возвращению в Москву Чхиквадзе, как уже говорилось, был назначен зам. директора Института права; хотя это и было заметным понижением в карьере, но зато знаменовало его возвращение в науку.

В начале 70-х гг. перед Чхиквадзе встал выбор: занять должность первого заместителя председателя Комитета по культурным связям с зарубежными странами или возглавить Юридическую комиссию при Совете Министров СССР. По настоянию ЦК КПСС возглавил Юридическую комиссию, являвшуюся специальным кол-

легиальным органом. К ее основным задачам относились кодификация и систематизация законодательства СССР, разработка по поручению Совмина СССР и предварительное рассмотрение вносимых в Совет Министров проектов законодательных актов и решений Правительства по вопросам нормативного характера. Комиссия была упразднена 30 июля 1970 г. согласно Постановлению ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов». 30 августа 1970 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об образовании союзно-республиканского Министерства юстиции СССР».

В должности председателя Юридической комиссии Чхиквадзе пробыл два года. Как он вспоминал, «работа... носила... творческий характер, была непосредственно связана с научной работой. Я приобрел большой опыт государственной деятельности. Работу на государственной службе... по-прежнему совмещал с общественной деятельностью. Был заместителем председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, вице-президентом Общества дружбы СССР с народами Латинской Америки и т. д.» [1, с. 90].

Общественная и политическая деятельность Чхиквадзе была направлена на защиту мира и сотрудничество с разными странами. В этом смысле наиболее показательна его работа во Всемирном совете мира (ВСМ) (1958–1964), куда был направлен решением ЦК КПСС. 12 июля 1958 г. на Втором всемирном конгрессе за разоружение и международное сотрудничество в Стокгольме он был избран Секретарем и членом Бюро ВСМ. Возглавлял ВСМ французский физик и общественный деятель, один из основателей Пагоушского движения ученых, инициатор Стокгольмского воззвания, лауреат Нобелевской премии, член Французской академии наук, иностранный член-корреспондент АН СССР, иностранный член Лондонского королевского общества Фредерик Жолио-Кюри (1900–1958). «Участие в работе Второго всемирного конгресса явилось начальной школой изучения характера всемирного движения сторонников мира, его целей, социального состава, форм и методов деятельности», – пишет Чхиквадзе [1, с. 52].

Всемирный совет мира с самого начала создания был объявлен официальными властями западных стран просоветской организацией, рупором Кремля. В связи с этим ни одно из государств Европы не давало согласия на размещение у себя Секретариата, лишь Австрия после настоятельных просьб СССР, Чехословакии и др. стран согласилась на учреждение в Вене Международного института мира, под прикрытием которого и стал функционировать постоянно действующий орган ВСМ. Чхиквадзе возглавил этот институт.

С момента избрания Секретарем Всемирного совета мира наступил новый достаточно трудный, но и очень насыщенный и интересный этап его жизни. Сложности деятельности ВСМ, а следовательно, и его Секретаря обуславливались двумя основными моментами: организационными и идеологическими. «Особенно слож-

ной была идеологическая работа. На конгрессах и сессиях Всемирного совета мира необходимо было добиваться одобрения документов, которые всецело возлагали ответственность за гонку вооружений и подготовку новых агрессивных войн на империалистические государства, в первую очередь на США. Их надо было “уличить” в ведении “холодной войны”, подавлении стремления народов к независимости, в массовых нарушениях прав и свобод человека» [1, с. 57].

Как Секретарь ВСМ, Чхиквадзе принимал участие в подготовке и проведении практически всех мероприятий ВСМ: начиная от первого – Всемирного конгресса за разоружение и международное сотрудничество (Стокгольм, 16–22 июля 1958 г.) и заканчивая последним для него – Всемирным конгрессом за всеобщее разоружение и мир (Москва, 9–14 июля 1962 г.). Его работа во Всемирном совете мира получила высокую международную оценку: был награжден Золотой медалью имени Фредерика Жолио-Кюри, орденами и медалями ряда стран (Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии и др.). Был избран вице-президентом, а затем и президентом Международной ассоциации юридических наук, вице-президентом Международной ассоциации политических наук.

Особо надо выделить работу Чхиквадзе в ООН. Впечатляет даже простое перечисление сделанного. Он входил в состав советской делегации на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1968 г. В течение ряда лет был членом Специального комитета ООН по разработке проекта Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, участвовал в подготовке ряда других международных соглашений и конвенций, был членом Комитета по определению агрессии, а также подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите национальных меньшинств. В 1968 г. руководил работой советской правительственной делегации на Всемирном конгрессе, посвященном 20-летию Всеобщей декларации прав человека. Неоднократно возглавлял советскую делегацию на различных сессиях Комиссии ООН по правам человека, принимал участие в подготовке Заключительного акта Совещания по безопасности в Европе (1975) и др.

Важным событием в жизни явилось назначение Чхиквадзе членом делегации СССР на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1965 г., о чем надо сказать особо. Глава делегации, Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко поручил ему работу в III и IV комитетах ООН. «Особенно тяжелым оказалось участие в разработке международной конвенции о запрещении всех форм расовой дискриминации. После длительного обсуждения... согласованный проект... должен был быть вынесен на утверждение сессии Генеральной Ассамблеи. Однако, совершенно неожиданно для многих делегатов, буквально за один день до открытия сессии, специально посвященной этой теме, делегация США внесла предложение (поправку) о дополнении проекта... пунктом о запрещении антисемитизма... Всем было понятно, что данная поправка была направлена против СССР...» [1, с. 101].

Чхиквадзе понимал, что выступить прямо против американской поправки означало, по сути, признание наличия в нашей стране антисемитизма. Согласовать советскую позицию в оставшееся до сессии время практически было невозможно (А. А. Громыко в это время находился на Кубе). На свой страх и риск он решил внести другое предложение (поправку к американской поправке), заведомо зная, что она не будет поддержана, но зато не пройдет и американская поправка. Так оно и получилось. Шаги Чхиквадзе были высоко оценены А. А. Громыко. «Могу без преувеличения сказать, – пишет Чхиквадзе, – что в той сложной международной деятельности мне безусловно помогали не только юридическая квалификация, но и опыт, приобретенный во Всемирном совете мира» [1, с. 103].

Вместо заключения

Рассказ о научной, государственной и общественной деятельности Чхиквадзе, его участии в Великой Отечественной войне, разумеется, можно было бы продолжить, поскольку за пределами этих строк осталось еще много интересного, поучительного и даже драматичного. Но он, на наш взгляд, все равно был бы не полон, если хотя бы несколько слов не сказать о простом человеческом счастье, о котором мечтает каждый из живущих... Виктор Михайлович 62 года прожил с Тамарой Петровной Казанской («любимая спутница, счастье и гордость»), подарившей ему дочь Галину и сына Владимира. Владимир работал в ряде стран Чрезвычайным и Полномочным послом России, в настоящее время член Российского совета по международным делам, заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов, директор Фонда ветеранов дипломатической службы; Галина – ответственный работник Конституционного Суда РФ. У него 4 внука и 2 правнука.

Подводя итоги прожитого и пережитого, Чхиквадзе философски замечает: «Вот и заканчивается моя продолжительная жизнь, наполненная трудом и успехами, ошибками и противоречиями, взлетами и падениями, радостями и огорчениями, но в целом – кипучая и целеустремленная... и все же я горжусь своей жизнью, начавшейся в маленькой грузинской деревушке Зоврети и заканчивающейся в столице России – Москве» [1, с. 138].

Вряд ли что-то можно добавить к сказанному...

Список источников

1. Чхиквадзе В. М. Записки зовретинского парня. М.: Человек, 2009. 192 с.
2. Чхиквадзе В. М. Хулиганство. М.: Юриздат, 1939. 24 с.
3. Корякин В. М. Военное право: антология диссертаций: в 2 ч. Ч. 1. М.: За права военнослужащих, 2011. 543 с.
4. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. М., 2021–2022.

5. Военное право: состояние и перспективы // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 3–42.
6. Кудашкин А. В. «Структурный скелет» отрасли военного права (К вопросу о подотраслях военного права) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 2–13.
7. Лопухов Р. По поводу «теории» военно-уголовного права // Социалистическая законность. 1954. № 10. С. 84–86.
8. Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. 252 с.
9. Шкаревский Д. Н. К вопросу о развитии военного права в СССР (1930-е – начало 1950-х гг.) // Военное право. 2017. № 5 (45). С. 132–137.
10. Кузьмин-Караваяев В. Д. Военно-уголовное право. Часть общая. СПб., 1895. 306 с.
11. Чхиквадзе В. К вопросу о предмете советского военно-уголовного права // Советское государство и право. 1940. № 12. С. 46–53.
12. Чхиквадзе В. М. Советское военно-уголовное право. М., 1948. 451 с.
13. Исаев М. М., Утевский Б. С. Воинские преступления / под ред. И. Т. Голякова. М.: Юриздат, 1942. 64 с.
14. Курс советского уголовного права: в 6 т. / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. М., 1971. Т. 5. 571 с.
15. Трансформация прав человека в современном мире / отв. ред. А. Н. Савенков. М., 2018. 255 с.
16. Чхиквадзе В. М. Социалистический гуманизм и права человека. Ленинские идеи и современность. М.: Наука, 1978. 333 с.
17. Чхиквадзе В. М. О некоторых международных аспектах проблемы прав человека // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 85–92.
18. Чхиквадзе В. М. Новая Конституция СССР – творческое воплощение марксистско-ленинской концепции личности // Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979. С. 5–19.
19. Чхиквадзе В. М. Международные аспекты проблем прав человека // Права человека: проблемы и перспективы. М., 1990. С. 30–33.
20. Чхиквадзе В. М. О вреде, причиненном А. Я. Вышинским развитию советской юридической науки // Социалистическая законность. 1989. № 9. С. 65–67.

References

1. Chkhikvadze V. M. Notes of a Zovretinsk guy. Moscow: Chelovek Publ., 2009. 192 p. (In Russ.).
2. Chkhikvadze V. M. Hooliganism. Moscow: Yurizdat Publ., 1939. 24 p. (In Russ.).

3. Koryakin V. M. Military law: an anthology of dissertations: in 2 hours. Part 1. Moscow: For the rights of military personnel, 2011. 543 p. (In Russ.).
4. Savenkov A. N., Kudashkin A. V. (eds.). Military law: in 3 volumes. Moscow, 2021–2022. (In Russ.).
5. Military law: state and prospects. *Gosudarstvo i pravo*, 1994, no. 8–9, pp. 3–42. (In Russ.).
6. Kudashkin A. V. "Structural skeleton" of the branch of military law (On the issue of sub-branches of military law). *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voенно-pravovoe obozrenie*, 2021, no. 4 (285), pp. 2–13. (In Russ.).
7. Lopukhov R. About the "theory" of military criminal law. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1954, no. 10, pp. 84–86. (In Russ.).
8. Strogovich M. S. Main questions of Soviet socialist legality. Moscow: Nauka Publ., 1966. 252 p. (In Russ.).
9. Shkarevsky D. N. On the development of military law in the USSR (1930s – early 1950s). *Voенное право*, 2017, no. 5 (45), pp. 132–137. (In Russ.).
10. Kuzmin-Karavaev V. D. Military criminal law. Part General. St. Petersburg, 1895. 306 p. (In Russ.).
11. Chkhikvadze V. On the subject of Soviet military criminal law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1940, no. 12, pp. 46–53. (In Russ.).
12. Chkhikvadze V. M. Soviet military criminal law. Moscow, 1948. 451 p. (In Russ.).
13. Isaev M. M., Utevsky B. S. Military crimes. Moscow: Yurizdat Publ., 1942. 64 p. (In Russ.).
14. Piontkovsky A. A., Romashkin P. S., Chkhikvadze V. M. (eds.). The course of Soviet criminal law: in 6 volumes. Moscow, 1971. Vol. 5. 571 p. (In Russ.).
15. Savenkov A. N. (eds.). Transformation of human rights in the modern world. Moscow, 2018. 255 p. (In Russ.).
16. Chkhikvadze V. M. Socialist humanism and human rights. Lenin's ideas and modernity. Moscow: Nauka Publ., 1978. 333 p. (In Russ.).
17. Chkhikvadze V. M. On some international aspects of the problem of human rights. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1987, no. 7, pp. 85–92. (In Russ.).
18. Chkhikvadze V. M. The new Constitution of the USSR – the creative embodiment of the Marxist-Leninist concept of personality. In: *Konstitutsiya SSSR i pravovoe polozenie lichnosti*. Moscow, 1979, pp. 5–19. (In Russ.).
19. Chkhikvadze V. M. International aspects of human rights problems. In: *Prava cheloveka: problemy i perspektivy*. Moscow, 1990, pp. 30–33. (In Russ.).
20. Chkhikvadze V. M. On the harm caused by A. Ya. Vyshinsky to the development of Soviet legal science. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1989, no. 9, pp. 65–67. (In Russ.).

Информация об авторе

А. И. Чучаев – доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Information about the author

A. I. Chuchaev – Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.